

Министерство культуры и туризма Московской области
Администрация муниципального округа Истра Московской области
Управление культуры и туризма Администрации муниципального округа Истра
Московской области
Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля
Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим»
Ленино-Снегирёвский военно-исторический музей
Московское краеведческое общество
Истринская центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»)

ВОСЬМЫЕ ВОСКРЕСЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ

«ВОСКРЕСЕНСК (НА ИСТРЕ) И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ: ИСТОРИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ»

Материалы
научно-практической конференции
6 декабря 2024 года

**Истринская центральная
библиотека имени А.П.Чехова**

Истра
2025

УДК 908
ББК 63.3(2Р-4М0)
Ч 52

Восьмые Воскресенские чтения. «ВОСКРЕСЕНСК (НА ИСТРЕ) И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ: ИСТОРИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ»

6 декабря 2024 г. / Истринская центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т.В. Вартановой. – Истра; ИП Копыльцов Павел Иванович, 2025. – ? с.

Сборник краеведческих материалов Восьмых Воскресенских чтений **«Воскресенск (на Истре) и его окрестности: история, события, люди»** посвящён событиям, происходившим на Истринской земле с момента образования города Воскресенска (1781 г.) вплоть до его переименования в Истру (1930 г.).

В книге собраны исследовательские материалы, рассказывающие об истории родного края в этот период, а также о людях Воскресенска: учёных, деятелях культуры, литературы и искусства, меценатах, священнослужителях, оставивших значимый след в истории нашего края.

В своих статьях авторы исследуют биографии таких известных личностей, живших и творивших в Воскресенске и его окрестностях, как М.Ю. Лермонтов, А.П. Чехов, И.И. Левитан, Р.Р. Фальк, А.В. Лентулов, П.Г. Чистяков и многих других.

В научно-практической конференции Восьмых Воскресенских чтений традиционно приняли участие краеведы, педагоги, исследователи, сотрудники библиотек и музеев.

Составитель
О.П. Майзенберг
Общая редакция
Т.В. Вартанова
Редакторы
С.Ю. Олексюк
О.П. Майзенберг
М.В. Мосалёв

ISBN 978-5-6043645-0-5

© Истринская центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»)
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Т.В. Вартанов	Вступление Приветствия гостей чтений	4
Е.А. Воронцова	От Воскресенска к Истре: хранители традиций	9
Г.А. Аляева	Госпитальные районы	18
А.Ю. Лошаков	Новые сведения о развитии здравоохранения и борьбе с эпидемиями в Звенигородском уезде Московской губернии в XIX – начале XX века (по архивным материалам Московского врачебного управления).....	28
С.Ю. Мамаев	Композитор Павел Григорьевич Чесноков	38
В.Б. Маслова	Чтоб не прервалась связь времен. Биография Н.А. Шнеерсона.....	52
А.Ю. Лошаков	История восстановления Ново-Иерусалимского монастыря после пожара в конце 18 века.....	67
Ю.Ю. Осипова	Детская колония «Искра» в усадьбе Покровское-Рубцово (1919-1924 гг.)	70
Н.Д. Акулёнок	Зарождение отечественной кинодокументалистики на местности. Илья Копалин - от фабрики до Оскара	81
М.В. Мосалёв	«Воскресенские известия» первый год жизни 1923-й. История газетной строкой	93
Т.И. Антипова	Вековая история Ново-Иерусалимского кирпичного завода	103
А.Н. Гольцев	Роль священников Благовещенской церкви села Павловского в развитии просвещения.....	111
А.С. Варцев	Лермонтов в Воскресенске	119
Е.Н. Золотарёва	Воскресенск (на Истре) на картинах художников	127
Е.С. Казанцева	Марначёвы-Майоровы деревни Лобановой, или как скульптор Сергей Казанцев оказался на Истринской земле	141
С.П. Носиков	Настоятель Вознесенской церкви заштатного города Воскресенска Сергий Холмогоров	150
В.Л. Новиков	Литературные места Звенигородского края (Звенигородский, Истринский, Красногорский округа) и развитие культурно-познавательного туризма региона	170
Л.Ю. Рожкова	Жители Воскресенска в жизни и творчестве А.П. Чехова	177
М.В. Мосалёв	Хозяйственная деятельность в городе Воскресенске в конце 19 и в начале 20 веков.....	184
Список участников конференции		197

Вступительное слово
Татьяны Владимировны Вартановой,
директора МУК «Истринская ЦБС», председателя Общественной палаты
муниципального округа Истра Московской области,
председателя Истринского отделения Московского краеведческого общества

Добрый день, уважаемые участники Конференции!

Воскресенские чтения являются ключевым событием научно-исследовательской и краеведческой деятельности Истринской центральной библиотеки имени А. П. Чехова и служат изучению, сохранению и популяризации истории, развитию просветительской деятельности. Название «Воскресенские чтения» подчёркивает неразрывную связь истории Истринского края, отсылает к историческому наименованию города и библиотеки, которая именовалась – Воскресенская публичная библиотека-читальня имени А. П. Чехова.

Воскресенские чтения проводятся ежегодно с 2017 г., неизменными партнёрами являются Государственный литературный музей, Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим» и Московское краеведческое общество. Мы гордимся нашими уважаемыми партнёрами и благодарим их за деятельную помощь. В конференциях принимают участие научные работники, историки, краеведы, преподаватели, литераторы, работники музеев и архивов. При обсуждении определённой темы, перед нами каждый раз возникают новые вопросы для исследований, поиска, изучения и обсуждения. В процессе подготовки и проведении конференции мы обретаем новых единомышленников и друзей. Воскресенские чтения дают Библиотеке не только новые знания, но и перспективы. Многие библиотечные проекты родились благодаря Воскресенским чтениям.

Значительным результатом нашей общей работы стало создание в 2018 г. Истринского краеведческого объединения – отделения Московского краеведческого общества (МКО) при нашей библиотеке, что служит расширению круга единомышленников, укреплению и объединению усилий, направленных на изучение и сохранение исторической памяти.

14 ноября 2024 г. я выступила на XII Всероссийском форуме публичных библиотек в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург) с докладом «Сохранение памяти о значимых событиях истории России в работе Истринской центральной библиотеки им. А. П. Чехова». Наша библиотека создавалась в честь увековечения памяти великого писателя на Истринской земле, и, следуя завету предшественников, во все времена остаётся хранителем исторической памяти. Работа библиотеки по данному направлению получила высокую оценку организаторов и участников Форума. И в этом общая заслуга всего коллектива Библиотеки вместе с партнёрами и единомышленниками.

Организаторы Форума – Министерство культуры РФ и Российская библиотечная ассоциация, определяя основную тему Форума: «Миссия публичной библиотеки в сохранении

исторической памяти», подчеркнули тем самым особую значимость краеведческой деятельности в современных условиях. И это придаёт нам уверенность и вдохновляет на осуществление высокой миссии.

Сегодня, 6 декабря 2024 г., мы открываем Восьмые Воскресенские чтения на тему «Воскресенск (на Истре) и его окрестности: история, события, люди». Уникальная, богатая, неисчерпаемая история Истринской земли, связанная со многими грандиозными событиями и выдающимися именами, является частью великой истории нашего Отечества. И мы должны сохранить историю для нынешних и будущих поколений.

Благодарю всех участников Конференции и желаю интересной работы, благодарю коллег за подготовку и организацию мероприятия, спасибо краеведам, всем нашим единомышленникам, партнёрам и друзьям.

Особую благодарность выражаю Главе городского округа Истра Татьяне Семёновне Витушевой и Первому заместителю Главы округа Татьяне Ивановне Бикмухаметовой за поддержку инициатив библиотеки, финансовое обеспечение и активное участие в деятельности библиотек.

Приветственное слово
Татьяны Ивановны Бикмухаметовой,
Первого заместителя Главы муниципального округа Истра

Добрый день, уважаемые участники Восьмых Воскресенских чтений!

Приветствую вас от имени Главы городского округа Истра Татьяны Семёновны Витушевой и от себя лично.

Истринская центральная библиотека имени А. П. Чехова вместе с коллегами и партнёрами ведёт многоплановую краеведческую работу, направленную на изучение и сохранение культурно-исторического наследия Истринского края.

Администрация городского округа Истра высоко ценит роль библиотеки в сохранении памяти, историческом просвещении и продвижении традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

Чувство Родины нужно заботливо возвращать с самого раннего детства, прививать и возрождать лучшие традиции. У Михаила Ломоносова есть такое высказывание: «Увидеть и познать свой край можно либо своими глазами, либо с помощью книг». Деятельность библиотек должна быть направлена на воспитание нравственного гражданина, любящего, знающего свой край и заботящегося о нём. Накопленные краеведческие знания необходимо распространять и популяризировать среди населения, в первую очередь, среди детей и молодёжи. Чтобы они чувствовали личную

причастность к истории нашей великой Родины и могли гордиться героической историей Истринского края.

Администрация оказывает всестороннюю поддержку развитию краеведческой деятельности в округе и отмечает большой вклад Истринского краеведческого объединения – отделения Московского краеведческого общества (МКО) в изучении и сохранении исторической памяти. Краеведческое отделение объединило истринских краеведов, настоящих подвижников, увлечённых изыскательской работой по зову души и сердца. Труд краеведов способствует культурному развитию округа и формированию представления об уникальности и самобытности Истринского края.

Разнообразные аспекты краеведения находятся в центре внимания участников Конференции. Тема Восьмых краеведческих чтений – «Воскресенск (на Истре) и его окрестности: история, события, люди». Сегодня краеведческий капитал пополнится новыми историческими сведениями, которые будут использованы в образовательных и просветительских целях. Важно, что материалы конференций издаются, сборники поступают в краеведческий фонд библиотеки и могут быть полезны для педагогов, библиотекарей, школьников, студентов, всех, кто интересуется историей родного края в настоящем, и кто будет изучать в будущем.

Желаю участникам Конференции плодотворной результативной работы сегодня и дальнейшего продолжения и развития краеведческой деятельности. Грядущий 2025 год – год 80-летия Великой Победы и год 165-летия со дня рождения Антона Павловича Чехова. Эти два знаменательных события непосредственно связаны с историей Истринской земли. Уверена, это вдохновит и придаст дополнительный стимул работе по изучению исторического и культурного наследия, и краеведы подготовят новые ценные материалы и сведения к следующим, Девятым Воскресенским чтениям.

Успехов, интересной работы, новых идей и новых проектов на благо городского округа Истра!

Приветственное слово
Козлова Владимира Фотиевича
председателя Московского краеведческого общества,
руководителя Центра краеведения, москвоведения и крымоведения
Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
кандидата исторических наук, доцента

Добрый день, дорогие участники Восьмых Воскресенских чтений!

Воскресенские чтения – это ежегодная научно-практическая конференция, которую очень хорошо знают члены Московского краеведческого общества. И от имени Московского краеведческого общества, от имени Центра краеведения, москвоведения и крымоведения, Института Наследия я поздравляю вас с началом этого, известного в Подмосковье и в Москве, научного форума.

К сожалению, обстоятельства не позволяют мне присутствовать на очень значимом для подмосковных и московских краеведов научном мероприятии. Но передо мной сейчас лежат все, с первого по седьмой, сборники ваших конференций, и я смотрю на них и думаю, что деятельность ваша, почти десятилетняя, по популяризации изучения своего края, и даже не только края, но и Подмосковья, - она почти не имеет равных в сегодняшнем подмосковном краеведении.

У вас тематические сборники конференции вышли по истории культуры, по литературному краеведению (третьи чтения), четвертые чтения – «Истра военная», «Библиотеки и краеведение», «Благотворительность», а также последний сборник – «История и традиции образования и просвещения Истринской земли». Вы показываете пример, как комплексно можно и нужно изучать свой край, свой город и его окрестности. В первую очередь, это заслуга коллектива Истринской библиотеки, при которой и состоит ваше краеведческое общество, являющееся отделением Московского краеведческого общества, и заслуга, в первую очередь, директора вашей библиотеки Татьяны Владимировны Вартановой, с которой многие краеведы хорошо знакомы. Татьяна Владимировна не раз бывала на наших заседаниях, в нашем Институте Наследия, она – председатель Общественной палаты м. о. Истра и председатель Истринского отделения Московского краеведческого общества.

Я благодарен и постоянно бывающему у нас на всех наших встречах методисту библиотеки Михаилу Викторовичу Мосалёву, и всем сотрудникам, которые принимали и принимают участие в этих мероприятиях. Хочу сказать, что само Московское краеведческое общество, и его Истринское отделение подают пример того, как нужно изучать и пропагандировать свои памятники, и каким образом нужно контактировать с краеведческим сообществом. Ведь, судя по тем, кто принимает участие в каждом чтении, у вас принимали участие представители большинства районов Подмосковья.

Тема Восьмых Воскресенских чтений очень интересная – это Воскресенск на Истре, его окрестности, история, события и люди. Может, мало кто знает, что один из малоизвестных у истринцев, но в крымоведческих кругах и в кругах географической науки известен Александр Александрович Крубер. Он родился в 1871 году в городе Воскресенске Московской губернии, в дворянской семье. Предки его были из Германского города Штутгарта, а его потомки-переселенцы играли большую роль в науке, в истории Московского университета. В душе Александр Крубер был краеведом, он служил ассистентом при кафедре географии Императорского Московского университета, был учеником знаменитого учёного географа-антрополога Д.Н. Анучина, который долгие годы был заместителем председателя Московского археологического общества, и первые послереволюционные годы был председателем этого общества, игравшего заметную роль и в краеведении в начале 20-х годов прошлого столетия.

Ваш уроженец Александр Александрович Крубер был спелеологом, в 1915 году защитил диссертацию «Карстовая область горного Крыма», написал большую книгу, а в первые годы революции возглавлял кафедру географии в Московском университете и был, пожалуй, лучшим учеником Анучина, был главным редактором журнала «Землеведение», который по своей тематике очень похож на журнал «Краеведение». А самое главное – при его участии и, частично, по его инициативе, в 1922-м году в Крыму и в Москве было основано Российское общество по изучению Крыма. В 1922-23 годах Крубер возглавлял это общество, а в 1923 году стал его Почётным членом.

Обращаю на это внимание, потому что в 2011-м году мы возродили в Москве это общество. И А.А. Крубер был первым председателем этого общества. Сегодня руководство общества находится в Институте наследия, мы проводим большую работу по изучению Крыма, его природы и истории. Думаю, что есть возможность заняться поиском А. А. Крубера в истории Истринского края, истории города Воскресенска. К сожалению, судьба его оказалась печальна, он серьёзно заболел в 1927 году, умер в 1941-м году и был похоронен там, где похоронены его предки – на Введенском немецком кладбище. Могила его, к сожалению, затерялась.

Вот такой у вас замечательный земляк, которого мы считаем очень важным в области краеведения и крымоведения.

Заканчивая своё краткое приветствие, хочу от лица московских и подмосковных краеведов Центра краеведения, москововедения и крымоведения ещё раз пожелать вашему сообществу, вашему дружному научному коллективу библиотеки успеха!

Е.А. Воронцова

ОТ ВОСКРЕСЕНСКА К ИСТРЕ: ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ

Истринскую землю с полным на то правом включают в число значимых и знаковых для нашего Отечества памятных мест. Об этом свидетельствуют памятники археологии (стоянки, городища, курганы) и находки с них в собрании Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим» возрастом до 4,5 тыс. лет, другие материальные носители информации по истории и культуре локуса, Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, мемориалы воинской славы (в 2015 г. постановлением Московской областной Думы городу присвоено почётное звание «Населённый пункт воинской доблести») – и то, как жители хранят культурное наследие. Сложившаяся здесь традиция сбережения, изучения и актуализации памятников истории и культуры, памяти о важных и для Воскресенска-Истры, и для всей России явлениях, событиях и людях заслуживает глубочайшего уважения.

Начало формирования этой традиции можно связать с возведением Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (1656–1666 гг.), первопричиной появления которого стало стремление сохранить память о Святой Земле, символически воссоздав её образ (эта попытка – единственная успешная) [9]. Его основатель, выдающаяся историческая личность – Никон (в миру Никита Минов; 1605–1681 гг.), патриарх Московский и всея России (1652–1666 гг.) [12], реформатор церковной жизни в нашем Отечестве, – почитается здесь с давних пор. Мемориальный музей Святейшего Патриарха Никона был создан в 1874 г. по инициативе и под руководством настоятеля обители, церковного историка и археографа архимандрита Леонида (Кавелина) [10]; находился он на втором этаже Трапезных палат; при закрытии обители в 1919 г. собрание музея передано Государственному Ново-Иерусалимскому художественно-историческому музею (образован по постановлению коллегии музейного отдела Наркомпроса РСФСР от 29 марта 1920 г.).

Столетие спустя в возвращённом в 1994 г. Русской православной церкви монастыре приступили к реализации проекта по созданию Музейного церковного комплекса «Музей Патриарха Никона. Центр по изучению духовной культуры Московского государства XVII – первой половины XVIII века», в 2019 г. для посетителей открыли мемориальные залы [4]. В этом же году завершилась десятилетняя масштабная реставрация всего монастыря.

Двуслойным вместилищем памяти можно назвать скит Никона – его «отходную пустыньку» (строилась в 1657–1662 гг., архитектор Аверкий Мокеев), где он, как записано в монастырской описи 1679 г., «молился в Великий пост»: это сооружение – символическое воспроизведение жилых башен на Святой горе Афон (земном Уделе Богородицы) [19] – и мемориал патриарху.

Фото 1. Ново-Иерусалимский монастырь, XIX в.

С 1922 г. ключевую роль в деле сохранения монастыря Новый Иерусалим, а также памяти о нём и его основателе, о прошлом Истринской земли (и всего Московского региона с момента его заселения по настоящее время) играет Музей «Новый Иерусалим» (первый директор, в 1920–1937 гг., – Н. А. Шнеерсон) [7], с 2014 г. находящийся в специально построенном здании на берегу реки Истры. Первые реставрационные работы были выполнены уже в середине 1920-х гг.; восстановление разрушенного в годы Великой Отечественной войны монастыря производилось, начиная с конца 1940-х гг.; в 1970-х гг. у его стен появился музей под открытым небом – архитектурный (деревянного зодчества) и этнографический; скит реставрировали в середине 1970-х гг. и в 2013 г.

Сформированное трудами сотрудников музейное собрание (коллекции предметов археологии, этнографии, нумизматики, оружия, произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, фотодокументов, письменных источников, редких книг) – хранилище уникальных артефактов, реликвий, меморий [9]. Их показ в экспозициях и на выставках – действенный инструмент актуализации основополагающей для понимания развития региона информации. Для примера назову выставку «Патриарх Никон и его время» (совместный проект Государственного Исторического музея, музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника и РГАДА; 2002–2003 гг.), экспозицию «Новый Иерусалим – памятник истории и культуры XVII–XX веков» (действует с декабря 2017 г.) и ее редчайший экспонат – карету патриарха Никона, отреставрированную в конце 2024 г. (к его 420-летию). Важной следует признать и лепту участников Никоновских чтений, проводимых в музее «Новый Иерусалим» с 1998 г [18].

Фото 2. Ново-Иерусалимский монастырь, XXI век

И монастырь Новый Иерусалим, и истринцы хранят память ещё об одной стороне личности патриарха – о Никоне-литераторе, а также о сложившейся здесь в 1670-е гг. поэтической школе [1]. Сочинённые её представителями – архимандритами Германом (1681–1686 гг.) и Никанором (с 1686 г.) – эпитафии основателю обители содержат акростих. В сотрудничестве с литераторами монастыря дьяком Иоанном Шушериным в конце XVII в. создано «Житие патриарха Никона». А 6 апреля 2024 г. в музее «Новый Иерусалим» состоялся концерт «Из наследия Ново-Иерусалимской школы песенной поэзии».

Монастырь сделал притягательной Истринскую землю для многочисленных паломников, в числе которых в XIX в. были писатель-религиовед, путешественник А.Н. Муравьёв, поэт Н. М. Языков и издатель М. П. Погодин, юный М. Ю. Лермонтов. Последнему посвящён школьный литературный музей «Парус» [12]. Его заведующая О. В. Анискина является автором краеведческого проекта «Лермонтовская тропа в Воскресенск» [3], разработала и проводит в день памяти поэта экскурсию «Паломник Лермонтов», изучает формирование здешних мест литературной памяти [2].

Истра (до 1930 г. Воскресенск) стал таким местом и благодаря писателю А. П. Чехову [16], который в 1881–1883 гг. проходил медицинскую практику, а в 1884–1888 гг. работал врачом в Воскресенской (Чикинской, т.к. находилась в выкупленной земством усадьбе Чикино; Истринской) земской лечебнице. На одном из её корпусов в 1954 г. была установлена памятная табличка (не сохранилась), до 1980-х гг. существовал мемориальный уголок; краеведы периодически возвращаются к идее создания музея А. П. Чехова и земской медицины. Имя писателя носят Истринский Дом культуры (стоит на месте храма Вознесения;

Фото 3. Антон Павлович Чехов

рядом с ним был дом брата писателя – учителя приходской школы И. П. Чехова, где проводила лето вся семья) и основанная в 1908 г. школа, где в 1974 г. педагогом В. В. Шиленко создан музей памяти Чехова. В 2001 г. трудами М. И. Соколовой в Музее «Новый Иерусалим» работала выставка «А. П. Чехов и город Воскресенск», где по сохранившемуся рисунку был реконструирован интерьер комнаты писателя в усадьбе Бабкино.

Имеющей ныне статус памятного места усадьбой в 1880–1890-е гг. владели супруги А. С. Киселёв (племянник графа Н. Д. Киселева – друга А. С. Пушкина) и М. В. Киселёва (дочь писателя В. П. Бегичева), в летние сезоны 1885–87 гг. в гостевом флигеле жили Чеховы, их навещал художник И. И. Левитан. Её музеефикация началась в рамках проекта «Вишнёвый сад» (автор М. В. Меднова): с 2011 г. возведены музейный домик, го-

стиница и кафе, обустроена набережная р. Истра – с верандой на месте, где любил сидеть А. П. Чехов, заложен вишнёвый сад; в 2018 г. был открыт частный Музей А. П. Чехова и И. И. Левитана (основатель – М. В. Меднова) [22].

С именами А. П. Чехова, а также писателя, историка, археографа Д. П. Голохвастова, А. И. Герцена, И. И. Левитана и других художников связано Покровское–Рубцово (посёлок Пионерский). Его изучением предметно занимались коренные истринцы – писатель Е. Н. Гилярова и известный краевед В. Ф. Мосалёв [24]. Неоднократно обсуждались проекты музеефикации объектов на этой территории. В частности, 4 ноября 2023 г. при храме в с. Бужарово состоялся круглый стол по вопросам участия музея «Новый Иерусалим» и Истринского отделения Русского географического общества в проектах по созданию музея-усадьбы Голохвастовых и Морозовых в Покровском–Рубцово.

В сохранении памяти об А. П. Чехове особо следует отметить роль Истринской центральной библиотеки, созданной как библиотека-читальня в 1911 г. по инициативе Воскресенского благотворительного общества, носящей имя писателя с 1912 г., являющейся членом Международного Сообщества чеховских музеев и библиотек с 2013 г. [6]. Ее коллектив

под руководством Т. В. Вартановой ведёт огромную работу по актуализации как чеховского наследия, так и культурного наследия Истринской земли в целом.

Библиотека проводит в городе мероприятия Всероссийской акции «Читаем Чехова». С 2018 г. в ней действует экспозиция «А. П. Чехов и Воскресенск», ядро которой составили материалы её собственные и предоставленные Государственным музеем истории российской литературы им. В. И. Даля (библиотека – его партнер). В 2020 г. в фойе установлен бюст писателя (автор – студентка Российской Академии живописи, ваяния и зодчества им. Ильи Глазунова К. Тырсина).

Заметным событием научной жизни стал круглый стол «Чехов в культурном пространстве Истринского района» (организован 9 декабря 2015 г. совместно с Туристическим кластером «Русская Палестина» и Музеем «Новый Иерусалим»). В 2021 г. запущен онлайн-проект «Чеховским маршрутом на Сахалин». И это – далеко не полный перечень.

В числе магистральных направлений деятельности Истринской центральной библиотеки – краеведческая работа. Уже стали традиционными проводимые с 2017 г. Воскресенские чтения [23]. На базе библиотеки созданы краеведческий клуб «Истринские зори» (в 2011 г.; руководитель – Л. Ю. Рожкова) [8] и Истринское краеведческое общество – отделение Московского краеведческого общества (в 2018 г.; председатель – Т. В. Вартанова).

Налажено тесное взаимодействие с истринскими краеведами, чьи исследования в высочайшей степени результативны. Для примера назовем проект «Утраченный Божий

Фото 4. Бюст А. П. Чехова в фойе библиотеки и его автор К. Тырсина

дом», в ходе реализации которого было установлено местонахождение всех разрушенных церквей и часовен Истринского района [21]; публикации В. Ф. и М. В. Мосалёвых [17]; С. Ю. Мамаева – руководителя музея «Усадьба Рождествено» (открыт в 2011 г. в Православной школе «Рождество») [15]; С. П. Носикова [20].

Заметными событиями были два круглых стола под общим названием «Капля в море российской истории» – 11 октября 2013 г. («Село Бужарово и окрестности»; информационный повод – одноименная книга стала номинантом премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария; организаторы: Музей «Новый Иерусалим», Государственная публичная историческая библиотека России, протоиерей Алексей Бондарев – настоятель храма Преображения в Бужарово) и 22 февраля 2014 г. («Город Истра и окрестности»; организаторы: Истринская центральная библиотека, куратор – Т. В. Вартанова; Музей «Новый Иерусалим», куратор – А. В. Давыдова; в сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН, Институтом российской истории РАН, Факультетом истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Государственной публичной исторической библиотекой России, Государственным литературным музеем) [11].

Подойдя к г. Истра и окрестным поселениям как к объекту краеведческих изысканий со своей историей и задачами сегодняшнего дня, его участники – историки, культурологи, регионо- и музееведы, краеведы, музейные сотрудники, библиотекари, педагоги, местные жители – рассмотрели три «точки силы» местного сообщества (школу, музей, библиотеку) в деле сохранения традиций Истринского края [28].

Глубокий след в охранительной традиции оставила деятельность неформального сообщества, лидером которого был протоиерей Алексей (Бондарев) (1964–2024 гг.) – настоятель Преображенского храма в Бужарове (с 1998 г.) и Никольского храма в Истре (2005–2023 гг.). Он организовал восстановление Преображенского храма и сделал его центром не только церковной, но и культурной жизни, окормляя местную школу, актуализировал память места, обеспечив (в продолжение сделанного в 1920-х гг.) [25] подготовку и издание двух книг о Бужарове силами группы сотрудников Музея «Новый Иерусалим» и прихожан [26]. Второе издание печаталось по благословию Управляющего Московской епархией митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, было посвящено памяти М. И. Соколовой (1947–2009 гг.) – одного из ведущих сотрудников музея; научными консультантами стали Н. А. Абакумова и С. М. Завьялов – директор и учёный секретарь музея.

Этим перечень хранимого и хранителей не исчерпывается. Достойны описания место, где в 1698 г. Петр I разбил войско взбунтовавшихся стрельцов [5], Глебово, где бывал А. П. Чехов и др., дачные кооператив «Наука. Искусство. Литература» близ Покровского-Рубцова и посёлок писателей «Красновидово», в Истре – альманах «Фавор» (репрезентирует литературно-историческую Истру; главный редактор – Н. В. Боголюбова), Детский центр «Экспонариум» с его посвящённой Подмосковию интерактивной экспозицией, экспозиция под открытым небом «Легенды отечественного автопрома» и многое другое [27].

Список использованной литературы и источников:

1. Авдеев, А. Г. Старорусская эпитафия и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпитафической поэзии / А. Г. Авдеев. – Москва : Правосл. Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006.
2. Анискина, О. В. Лермонтовская Истра: зарождение литературных традиций и формирование мест литературной памяти на Истринской земле / О. В. Анискина // Вопросы музеологии = The Issues of museology : международный научный журнал. 2024, Т. 15, вып. 2. — Санкт-Петербург, 2024. — С. 208–221.
3. Анискина, О. В. Лермонтовская тропа в Воскресенск / О. В. Анискина // Первые Воскресенские чтения «Краеведческие традиции Истринской земли». 13 декабря 2017 года / Центральная библиотека имени А. П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т. В. Вартановой. – Истра ; Новосибирск : Новосибирский изд. дом, 2018. – С. 135–139.
4. Баранова, С. И. Музей патриарха Никона в Ново-Иерусалимском монастыре. К 145-летию создания / С. И. Баранова // Вестник церковного искусства и археологии: научный журнал / Московская духовная академия. – Сергиев Посад : Издательство Московской духовной академии, 2020. – № 2 (3).
5. Безрукова, А. В. «Своя» история А. Н. Толстого: Новый Иерусалим и окрестности в романе «Пётр I» / А. В. Безрукова // Капля в море российской истории: город Истра и окрестности: по материалам круглого стола, состоявшегося 22 февраля 2014 г. – Москва : Летний сад, 2014.
6. Вартанова, Т. В. Страницы истории Истринской центральной районной библиотеки имени А. П. Чехова / Т. В. Вартанова // Капля в море российской истории: город Истра и окрестности: по материалам круглого стола, состоявшегося 22 февраля 2014 г. – Москва : Летний сад, 2014.
7. Государственный художественно-исторический краевой музей в г. Воскресенске, Москов. губ.: краткий путеводитель / Музейный п/отдел «МОНО». – [Воскресенск]: Издание Госуд. худ.-истор. краевого музея, 1928.
8. Заседание краеведческого клуба «Истринские зори» // Капля в море российской истории: город Истра и окрестности: по материалам круглого стола, состоявшегося 22 февраля 2014 г. – Москва : Летний сад, 2014. – С. 134–145.
9. Зеленская, Г.М. Изображения и личные вещи патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. История бытования и вопросы атрибуции / Г. М. Зеленская // Труды ГИМ: Патриарх Никон и его время. Вып. 139. – Москва, 2004. – С. 276–289; Зеленская, Г. М. Описание музея Святейшего Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / ред.-сост. Г.М. Зеленская. – Москва: Северный паломник, 2002. – С. 263–272.
10. Зеленская, Г. М. Музей Патриарха Никона в ставропигиальном Воскресенском, Новый

- Иерусалим именуемом, монастыре / Г. М. Зеленская // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / ред.-сост. Г. М. Зеленская. — Москва : Северный паломник, 2002. — С. 169–186.
11. Капля в море российской истории: село Бужарово и окрестности: Материалы круглого стола, состоявшегося 11 октября 2013 г. в Выставочном корпусе Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» (Московская область, г. Истра) / науч. ред. Е.А. Воронцова. — Москва : Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим», 2014.
 12. Климова, Л. А. «Парус» литературный музей / Л. А. Климова // Литературные музеи России: энциклопедия в 2 т. / ГМИРЛИ им. В. И. Даля; гл. ред. Д. П. Бак, ред. Е. А. Воронцова, Э. Д. Орлов. — Москва : ГМИРЛИ им. В. И. Даля, 2024. — Т. 2. — С. 187.
 13. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря / Архимандрит Ленид (Кавелин). — Москва: тип. Ефимова, 1894.
 14. Леонид (Кавелин), архим. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, патриарха Московского и вся России / Архимандрит Ленид (Кавелин). — Москва : [б. и.], 2016.
 15. Село Рождествено : история в очерках / С. Ю. Мамаев. — Москва : Имидж Принт, 2011. — 302 с.
 16. Истра помнит Чехова / Виктор Мосалёв. — Москва : Делмос, 2011. — 71 с.
 17. Истра помнит Чехова / Виктор Мосалёв. — Москва : Делмос, 2011. — 71 с. ; Мосалёв М. В. Герои Истринской земли: Историко-публицистическое издание / М. В. Мосалёв. — Москва, 2025.
 18. Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: сборник статей / сост. и науч. ред. Г. М. Зеленская. Вып. 1. — Москва : Северный паломник, 2002; Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: сборник статей 2002–2005 гг. / сост. Г. М. Зеленская; науч. ред. Г. М. Зеленская, Н. А. Кочеляева. Вып. 2. — Москва : Лето, 2005., Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» : сборник статей 2005–2010 гг. / сост. и науч. ред. Г. М. Зеленская. Вып. 3. — Москва : Лето, 2011., Новоиерусалимская школа песенной поэзии: псалмы на линейных нотах / Подгот. текстов, вступ. ст., коммент. Е. Е. Васильевой, сост. и общ. ред.: В. А. Лапин, В. В. Шмидт. — Москва : Летний сад, 2021., Ново-Иерусалимский монастырь / М-во культуры Моск. обл., Ист. - архитектурный и худож. музей «Новый Иерусалим»; сост. Л. М. Черненилова; фот. А. Кузин и др.: — Лето, 2006. 2-е изд.: Лето, 2008.
 19. Новый Иерусалим: альбом-антология / Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим»; ред. Л. В. Куликова и др. Перераб. и доп. изд. — Москва : Феория, 2010.
 20. Носиков, С. П. История храмов села Никулино (по материалам архивных исследований) / С. П. Носиков. — Москва : Сам полиграфист, 2019.

21. Носиков, С. П. Сборник статей по материалам газеты Истринского благочиния «Духовная Нива» (2012–2014 годы) / С. П. Носиков, С. Ю. Мамаев, П. В. Малкин. Вып. 1. – Истра, 2014. – (Краеведческий проект «Утраченный Божий дом»).
22. Орлов, Э. Д. Музеефикация усадьбы Бабкино – памятного места, связанного с именем А.П. Чехова: возможность, целесообразность, перспективы / Э. Д. Орлов // Капля в море российской истории: город Истра и окрестности: по материалам круглого стола, состоявшегося 22 февраля 2014 г. – Москва : Летний сад, 2014. С. 16–21.
23. Первые Воскресенские чтения «Краеведческие традиции Истринской земли». 13 декабря 2017 года / Центральная библиотека имени А. П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т. В. Вартановой. – Истра ; Новосибирск : Новосибирский изд. дом, 2018.
24. Покровское–Рубцово : историко-краеведческая книга / авт.-сост. В. Ф. Мосалёв, Е. Н. Гилярова и др. – Москва : Делмос, 2014.
25. Радченко, Е. С. Село Бужарово Воскресенского района Московского округа: монографическое описание деревни / Е. С. Радченко. – Москва, 1929. (Труды Общества изучения Московской области; вып. 3).
26. Село Бужарово и окрестности: Очерки пятивековой истории / Крючкова М. А., Невзорова Л. Г. и др. – Бужарово (Моск. обл.), 2004. – 62 с.
27. У стен Нового Иерусалима: история города Воскресенска – Истры / Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим» / М.А. Крючкова, Л.Г. Невзорова и др. – Истра, Москва : Лъто, 2010. – 430 с.
28. Штейдле, Е. В. Актуальные вопросы взаимодействия Истринского отделения охраны памятников с краеведами и местным сообществом / Е. В. Штейдле // Капля в море российской истории: город Истра и окрестности: по материалам круглого стола, состоявшегося 22 февраля 2014 г. – Москва : Летний сад, 2014. – С. 80–83.

Г.А. Аляева

ГОСПИТАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ

20 июля (по старому стилю) 1914 г. Николай II обратился к своим подданным с «Высочайшим манифестом о вступлении России в войну». Его уверенность, что «на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные» [2, С. 4] оправдалась – большая часть населения России начало войны восприняла с энтузиазмом.

По всей Московской губернии проходили патриотические манифестации, молебны и шествия с портретом царя. Газета «Московские губернские ведомости» от 26 июля написала: «Подъём патриотического настроения и верноподданнических чувств достиг чрезвычайного напряжения. <...> Единодушное проявление людьми всех состояний и родов занятий <...> чувств неизменной верности и полной готовности и желания отдать на защиту Престола и Родины все силы, имущество и самую жизнь, свершить великое святое дело во славу, величие и светлое будущее земли Русской» [8, С. 1].

25 июля 1914 г. на экстренном Московском губернском земском собрании «ради святого дела помощи больным и раненым воинам» [1, С. 3] был организован «общеземский» союз – Московский губернский комитет, в состав которого вошли все уездные комитеты и другие «мелкие местные органы». Члены комитета сознавали, что «предстоят впереди сражения ужасные по своей силе и по обилию тяжких жертв. Множество больных и раненых воинов сразу будут доставлены в города внутренней России» [9, С. 1], а Москва и Московская губерния станут центром эвакуации раненых».

В Московской губернии к тому времени уже существовала густая сеть земских участковых лечебниц, и было принято решение в расположенных вблизи железнодорожных станций лечебницах выделить часть коек для раненых. Использовать земские лечебницы полностью комитет посчитал недопустимым из-за опасения ущемления интересов местного населения.

Первые раненые в Москву стали прибывать в необорудованных товарных вагонах с 6 августа 1914 года. Состояние раненых усугублялось отсутствием оказания помощи и даже элементарных перевязок во время перевозки, «раненые часто не кормились в пути; приходили без тёплой одежды, без шинели, сапог и шапок, а иногда в одном белье» [1, С. 28]. Немногочисленный отдел регистрации из студентов-добровольцев, работавших бесплатно, сажались в поезда и заполняли «всеми необходимыми сведениями бланки», на вокзалах раненых кормили, одевали. Затем санитарные отряды, состоящие из врача, фельдшера, сестёр и санитаров, больных транспортировали в госпиталь.

К 10 августу в губернии развернули 1175 мест, «главным образом, койки постоянных земских и фабричных лечебниц» [1, С. 10], что не позволяло принимать всех раненых, и наибольший процент прибывших размещался в московских госпиталях. Хотя и Москва оказалась недостаточно подготовленной для быстрого и рационального размещения прибывающих в неё раненых. На совещании исполнительной комиссии Московской городской думы 27 июля было озвучено, что «Москва должна быть готова принять до 50 тыс. раненых в месяц <...> и город озадачен оборудованием 25 тыс. кроватей» [7, С. 417].

В ближайшие к Москве губернские госпитали раненые отправлялись партиями на наёмных автомобилях. Такая перевозка была дорогой, и по просьбе Московского губернского комитета военные ведомства передали им конфискованные у австрийских и германских подданных 16 автомобилей. Перевозили раненых и на поездах, причём, первоначально на необорудованных, «которые снабжались стружками или соломой» [1, С. 27]. Затем были сформированы четыре поезда из теплушечных вагонов с добавлением к каждому по 4 вагона 4 класса для тяжелораненых.

К 1 ноября, благодаря «громادного количества предложений на всякого рода помещений для устройства госпиталей, поступивших от местного населения» [1, С. 10], комитету удалось образовать вокруг земских и фабричных лечебниц целые госпитальные районы с лазаретами трёх разрядов с общим количеством коек – 22119.

Госпиталь с «ответственной хирургической обстановкой и опытными хирургами» [1, С. 8] причислялся к лазарету I разряда. Если требовалась мелкая хирургическая помощь или перевязка, раненого размещали в лазарете II разряда. «Третий упрощённый тип госпиталей, который впоследствии получил название «Подсобный лазарет»; должен был служить резервуаром для быстрого освобождения госпиталей первых двух разрядов в момент значительного наплыва новых масс раненых» [1, С. 10].

Чтобы лазареты могли системно и бесперебойно принимать раненых, комитет сформировал программу действия каждого этапа – приём в Москве, распределение, эвакуация по местам, наличие мест в лазаретах и т.д. Каждому лазарету присвоили телеграфно-почтовый адрес и установили телефон. Всё это выполнили буквально в считанные дни, конечно, не сразу всё получалось, позже что-то дорабатывалось, совершенствовалось, но базу заложили, и «госпитальные районы» начали функционировать.

По Московско-Виндавской железной дороге организовали 11 центров-районов с 49 госпиталями. Ближайший к Москве – «Павшинский госпитальный район». Затем район при станции «Нахабино».

Нахабинский район

Работу трёх госпиталей здесь обеспечивал Звенигородский уездный комитет.

Двухразрядный лазарет, функционировавший при амбулатории шелкокрутильной фабрики Александра Биллиона на 100 коек, был вторым по числу кроватей на всей дороге.

Владелец фабрики выделил для госпитальных нужд фабричную спальню «площадью около 1200 кв. арш.» [12, С. 577], 200 коек с матрацами, посуду и часть белья. В помещении, где разместились «операционная с предоперационной и перевязочная», центральное отопление, холодная и горячая вода, электрическое освещение.

История биллионовской амбулатории началась в 1908 г., когда в Звенигородский санитарный совет обратилось руководство фабрики с ходатайством о вступлении «в соглашение» с Павловской лечебницей¹ для организации медицинской помощи рабочим». После выяснения, что на фабрике работают 400 человек, а не 200, как было указано в ходатайстве, Совет предложил владельцу открыть приёмные покои с постоянно присутствующей там фельдшерницей, «устроить» аптеку, больных при необходимости госпитализации транспортировать в больницу силами самой фабрики.

Заведовать госпиталем II разряда в «Нахабинском районе» поручили врачу Павловской земской больницы Дмитрию Гавриловичу Успенскому, 1881 г. рождения. В Павловской лечебнице он служил 2 врачом по приглашению уездной управы с 1911 г. В Российской государственной библиотеке хранится его книга «Новый этап санитарных врачей лечебных учреждений г. Москвы», изданная в 1924 г.

Второй врач – А. С. Семёнова. В «Списках» две Семёновых – Анна Саввична, 1872 г. рождения, закончившая курсы лекаря в 1906 г., и Александра Савельевна, 1870 г. рождения, закончившая курсы лекаря в 1913 г. Вероятнее всего в Нахабино работала Анна Саввична, так как на 1 мая 1914 г. она служила в Московской губернии.

«Подсобный лазарет «в доме Рот и Каткова»² мог принимать в случае необходимости до 38 выздоравливающих. По видимости, это дом-правление кирпичного завода Сергея Александровича Каткова, где на тот момент трудилось «180 человек-кирпичников и 50 человек на торфяном болоте». Первое упоминание о заводе при деревне Болдино³ относится к 1899 г., владелец – Иван Яковлевич Рот.

Второй трёхразрядный лазарет на 24 места разместился в «доме Склянкина». Склянкин – из крестьян, владел трактиром при ст. «Нахабино».

Когда Д. Г. Успенского мобилизовали на фронт, заведовать нахабинским районом поручили врачу А. П. Преображенской⁴.

¹ Павловская больница была открыта в волостном центре Павловское (с.Павловская Слобода Истринского муниципального округа) Звенигородским уездным земством в 1896 г.

² В «Списке госпиталей губернского и уездного комитетов Московской губернии к 1 ноября 1914 года» в «Нахабинском районе» звучит – госпиталь III разряда «в д. Рот и Котова», но в других источниках, в частности, Памятной книжке Московской губернии, кирпичный завод числится за С.А. Катковым.

³ Деревня Болдино – ныне ул. Парковая и парк им. Д.М. Карбышева в Нахабино.

⁴ В Российском медицинском списке на 1914 г., изданным Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел «Списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек, по сведениям 1 мая 1914 г.», информация о враче А.П. Преображенской отсутствует.

Павловский район (ст. «Нахабино»)

В 1904 г. Павловскую земскую лечебницу возглавила земской врач Ида Исаевна Эльяшова, 1858 г. рождения. В истории лечебницы имя этого доктора звучит с начала 1896 г., когда Звенигородское земское собрание впервые заговорило о создании Павловского врачебного участка.

На начало 1914 г. в лечебнице, кроме двух врачей⁵, служили акушерка Антонина Лаврова Казанская и фельдшерница Таисия Ивановна Петрова⁶.

В лечебнице организовали госпиталь II разряда на 6 коек. Были ли эти койки в числе 30, которые по решению бюджетной комиссии Санитарного совета планировалось содержать в 1914 г., или организовались дополнительно, определить невозможно.

Два «упрощённых госпиталя» функционировали в домах жителей села Павловское.

Купец, «член правления Звенигородского городского вольного пожарного общества» [6, С. 265], Фрол Фёдорович Миронов оборудовал у себя лазарет на 15 коек. Столько же кроватей разместил в своём доме Тимошкин.

Если говорить о загруженности врача Эльяшовой и фельдшерского персонала, то приёма больных и выполнения обязательств по соглашениям никто не отменял. Фабрика А. Биллиона, кирпичный завод Зорина и Богачёва в Снегирях, завод Каткова (быв. Рота), строительное общество Вернэ, фабрика Дедовской мануфактуры - и это не весь список, куда врачи выезжали сами, и откуда принимали больных уже в лечебнице.

В «Списке госпиталей» [10, С. 8], «адрес для сношения» Павловского района значится Нахабино Виндавской железной дороги.

Ивановский (Манихинский) район (ст. «Манихино»)

В Ивановской фабрично-земской больнице был организован лазарет II категории на 50 мест. Благотворитель, попечитель, гласный уездной Земской управы, почётный мировой судья, кандидат прав Сергей Максимович Попов остаться в стороне от «святого дела помощи» конечно же, не мог. Больница новая, 1909 года постройки, каменная, хорошо оборудованная. Сергей Максимович вообще отличался от прочих промышленников желанием улучшить труд и быт рабочих своего Товарищества Ивановской Суконной фабрики при с. Ивановское. Только в первые годы правления фабрикой он построил для рабочих баню, прачечную, чайную, библиотеку, бильярд, «ввёл выплату пенсий по старости».

Раненые в лечебницу начали поступать в конце августа, так по сведениям Красного креста на излечении с 24 августа по 9 сентября там находились Наум Николаевич Давидов-

⁵ О втором враче Павловской лечебницы Д. Г. Успенском говорится в разделе «Нахабинский район».

⁶ Здесь и далее приводятся имена и фамилии медицинского персонала из Памятной книжки Московской губернии на 1914 год.

ский из Минска, Александр Николаевич Смирнов из Саратовской губернии, Василий Сергеевич Мишин из Шацкого уезда Тамбовской губернии и ещё 9 раненых. [3, С. 32].

В помещениях самой суконной фабрики оборудовали «подсобный лазарет» на 10 коек.

В Ивановский район вошёл ещё лазарет III разряда на 10 мест в здании Красновидовской школы Министерства народного просвещения. Школа была построена и частично содержалась на средства Сергея Максимовича Попова.

Заведовала госпитальным районом при станции «Манихино» земской врач Надежда Давыдовна Бродская, родившаяся в 1876 г., по образованию - лекарь внутренних болезней.

Воскресенский район (ст. «Ново-Иерусалимская»)

Район формировался Московским губернским комитетом. Это единственный по Виндавской ж.д. район, где функционировало три хирургических госпиталя.

Первый госпиталь – Воскресенская земская лечебница, принимала до 27 тяжелораненых. В приюте для хроников, который размещался в отдельно стоящем здании и содержался за счёт Московского губернского земства, организовали 12 мест. Благотворительное общество при лечебнице [12, С. 269] содержало Убежище-ясли, это тоже отдельно стоящее здание, здесь устроили 5 мест. Остальные 10 кроватей оборудовали в госпитале⁷.

Необходимо отметить, что на тот момент служившие в лечебнице три врача были личности незаурядные.

Земской врач Константин Александрович Боголюбов⁸, год рождения 1869, из семьи священнослужителей. Медицинский факультет окончил в 1893 г., служил в Воскресенской больнице с 1907 г. Когда Истру оккупировали фашисты, отказался оказывать помощь врагу и погиб.

Терапевт и хирург Ольга Ивановна Гопфенгаузен родилась 23 марта 1864 г. [5, С. 41]. Окончила медицинский факультет университета в Лозанне, в Швейцарии в 1889 г., через два года подтвердила диплом доктора медицины в России. Автор медицинских публикаций и исследований на русском, немецком и французском языках. В частности, «Очерк деятельности Виндавского приморского санатория для хронически больных детей: с 1 апреля 1900 г. по 1 ноября 1903 г.» издан в 1904 г. и посвящён открытому в 1898 г. под Виндавой (теперь город Вентспилс, Латвия), первому в России приморскому санаторию для лечения костного и железистого туберкулёза. Ольга Ивановна работала там детским доктором.

Врач Гермоген Васильевич Зинин родился в 1882 г. в Царицыне (ныне Волгоград). В больнице работал до ареста 30 ноября 1937 г. Обвинён в антисоветской агитации, расстрелян 11 декабря 1937 г. Реабилитирован.

⁷ Определить «госпиталь» – это сама лечебница, или какое-то другое рядом стоящее помещение, не удалось.

⁸ Имя врача К.А. Боголюбова в Истре хорошо известно.

Второй госпиталь – дом призрения имени П. Г. Цурикова на 20 коек.

Дом призрения – это последний подарок Воскресенску от благотворителей действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова и его супруги Анны Сергеевны⁹. По уставу здесь принимались сироты и полусироты. Звенигородский Санитарный совет долго обсуждал, можно ли сделать из приюта санаторий для больных детей, но так к общему решению и не пришёл. Функционировать лазарет начал 8 августа.

Третий госпиталь – Воскресенский Народный дом¹⁰, где оборудовали 45 коек, и уже к 27 августа на излечении находились 28 раненых [4, С. 56, 57].

Для ухода за больными требовался дополнительный медицинский персонал. «Общеземской союз» срочно организовал земские курсы, где на теоретических двухнедельных занятиях в Москве знакомили с анатомией, физиологией, бактериологией, общей патологией и уходом за больными. Затем была двухнедельная практика в лечебницах. Уездный Санитарный совет принял решение, что практику нужно проходить в Воскресенской лечебнице, и шесть сестёр милосердия приступили к практике-работе. Записываясь на курсы, молодые девушки не представляли, что им придётся «бесшумно, скромно работать с утра до ночи за троих, за четверых, не останавливаться перед самой тяжёлой, самой чёрной работой» [11, С. 148].

Русское духовенство не могло остаться в стороне от «дела помощи больным и раненым воинам» и приняли активное участие в открытии и содержании госпиталей. В здании странноприимного дома¹¹ Ново-Иерусалимского монастыря устроили лазарет II разряда на 50 коек. Причём, опыт по организации и содержанию подобных заведений у церковнослужителей уже был. С сентября 1904 г. в том же доме функционировал лазарет «для больных и раненных воинов, прибывающих с театра военных действий на Дальнем Востоке».

Подсобные лазареты в Воскресенском районе размещались в домах: городского уполномоченного мещанина Михаила Яковлевича Грибкова (12 коек), Богдановой (10 коек), Карелина (4 койки).

В Воскресенске тогда проживали мещанин Илья Григорьевич Карелин, мещанин Павел Петрович Карелин, мещанин Александр Платонович Карелин, причём все они были члены Уездного по государственному городскому налогу с недвижимых имуществ присутствия. Кто из них отдал под лазарет свой дом, определить невозможно.

⁹ Павел Григорьевич Цуриков (1812-1878) – русский предприниматель и благотворитель; купец первой гильдии, действительный статский советник. За благотворительную деятельность в 1864 году возведён в потомственное почётное гражданство. Удостоен орденов Святого Станислава третьей и второй степеней, Святой Анны второй степени, Святого Владимира четвёртой степени.

¹⁰ Здание истринского драмтеатра.

¹¹ «Странноприимный дом» – устаревшее название помещения для странников, идущих на богомолье.

Часть одноэтажного кирпичного Макрушинского¹² земского училища стала лазаретом того же разряда с 16 кроватями. Открытие состоялось 1 сентября 1914 г.

В «Списках госпиталей...» следующий - «Полевщинский приют» на 11 коек - так была названа Земская богадельня для престарелых имени Г. Ф. Карпова.

В сельце Полевщина¹³ [6, С. 247] располагалось имение Карповых, сыновей Анны Тимофеевы Карповой, в девичестве Морозовой, родной сестры Саввы Морозова. Замужем Анна Тимофеевна была за Геннадием Фёдоровичем Карповым (1839-1890), действительным статским советником, историком, специалистом по истории Малороссии XV-XVII веков. Следовательно, «подсобный лазарет» находился в богадельне имени русского историка.

Одним из последних, 8 сентября, был открыт городской (купеческий) лазарет III разряда на 15 коек. Заведовал Воскресенским районом Константин Александрович Боголюбов.

Покровско-Рубцовский район (ст. «Ново-Иерусалимская»)

Один из крупнейших перворазрядных лазаретов Московской губернии размещался в имении губернского земства села Покровское-Рубцово.

В июне 1913 г. владелица имения Покровское-Рубцово З. Г. Морозова-Рейнбот передала в дар губернскому земству более сорока десятин с постройками своего имения и 130 тыс. рублей на устройство больницы, санатория или школы имени С. Т. Морозова¹⁴.

Земству принадлежали каменное трёхэтажное и деревянное двухэтажное здания. Санитарный совет поручил организовать лазарет врачу Дмитрию Васильевичу Никитину¹⁵, родившемуся в 1874 г. в семье священника, окончившему медицинский факультет Московского университета. Сохранились его краткие воспоминания о работе в лазарете: «С начала русско-германской войны 1914 года мне было поручено организовать госпиталь в имении Морозовых в Покровском-Рубцове, близ станции «Ново-Иерусалимской» Московско-Виндавской железной дороги. Госпиталь был на 125 коек. Здесь мне пришлось выступать в роли хирурга. <...> В госпитале была врач Е. М. Линтварёва и ещё три врача. Было много медицинских сестёр, но работы всем было очень много».

¹² Населённая местность Слобода Макруша входила в Еремеевскую волость Звенигородского уезда. Число дворов - 47. Кроме земского училища там были две пивные лавки. [7, С. 245]. Ныне район улицы имени 9-ой гвардейской дивизии г. Истры.

¹³ Сельцо Полевщино - ныне район ул. Московской.

¹⁴ Об усадьбе Покровское-Рубцово известно с начала XVII века. С 1900 г. усадьбой владел фабрикат С.Т. Морозов, после его смерти право владения принадлежало его супруге, она же впоследствии отдала усадьбу своему сыну. В имении в разные годы бывали: А.П. Чехов с О.Л. Книппер-Чеховой, И.И. Левитан, В.А. Серов, М.А. Врубель, В.О. Ключевский, К.С. Станиславский и другие.

¹⁵ Дмитрий Васильевич Никитин был домашним врачом в семье Л.Н. Толстова. Судьба и профессиональная деятельность Д.В. Никитина, в том числе связанная со Звенигородским уездом, достаточно хорошо изучена.

В «Списке госпиталей...» значится, что в Покровско-Рубцовском лазарете организовали 250 коек, вероятно, это было сделано позже, деревянному зданию требовался ремонт. О первых пациентах Покровско-Рубцовского лазарета в «Именных списках раненых и больных офицерских и нижних чинов, помещённых в лечебные заведения» упоминается с 27 августа.

Рядом, уже в помещениях усадьбы Тимофея Саввича Морозова, разместился трёхразрядный лазарет на 20 кроватей.

В селе Бабкино функционировал лазарет III категории на 50 мест. Здесь в 1912 г. открыли художественно-ремесленную школу торгового дома А. С. Колесникова для девочек-крестьянок, которых обучали вышиванию и шитью. Интересно, что председателем школы был Колесников Александр Алексеевич, членами совета - Константин и Николай Алексеевич Колесниковы и Мария Васильевна Колесникова.

Под школу купцы Колесниковы отдали половину помещений усадьбы¹⁶.

В Покровско-Рубцовский район входили ещё два госпиталя III категории: в селе Брыково на 65 мест и «Дедовский лазарет» на 30 кроватей.

В с. Брыково¹⁷ было Брыковско-Богоявленское земское училище и имение Геннадия Фёдоровича Карпова [13, С. 249], в каком конкретно помещении располагался лазарет, определить не удалось.

В селце Дедово в 1911 г. началось строительство прядильно-ткацкой фабрики Французского анонимного общества Дедовской мануфактуры, при платформе «Гучково». В 1914 г. для рабочих открыли амбулаторию и больницу. Здесь и был организован лазарет.

Порядок работы во всех госпиталях был один: при приёме раненый (больной) заносился в приёмный журнал, где указывались время поступления, звание и часть войск, имя, отчество, фамилия, какой местности уроженец, возраст, семейное положение, вероисповедание и т.д. Затем заводились скорбный лист (история болезни) и карточка больного, которую в обязательном порядке следовало доставить в Центральный Комитет Всероссийского Союза. По истечении недели (считая с воскресенья по субботу включительно) каждый госпиталь составлял сведения о движении раненых и больных воинов на койках, которые отправлялись в Главное военно-санитарное управление.

Чтобы передать всю сложность функционирования лазарета, атмосферу, царящую там, можно привести воспоминания прапорщика-артиллериста Ф.А. Степуна, проходившего лечение в госпитале I разряда в Москве, но суть от этого не меняется: «Нигде война не производит такого страшного впечатления, как в лечебнице. Здесь у нас в "тяжёлых" палатах царствует голое, тупое и совершенно беззащитное страдание. Мне никогда не передать

¹⁶ Владельцем усадьбы до купцов Колесниковых был Алексей Сергеевич Киселёв - коллежский секретарь, племянник русского посла и друга А. С. Пушкина графа Николая Киселёва. В имении Бабкино часто гостил Иван Павлович Чехов с семьёй.

¹⁷ Село Брыково - ныне посёлок Красный.

вам того жуткого инквизиционного холода, который каждый раз леденит мою душу, когда я прохожу мимо светлых, чистых, тёплых, белых операционных комнат. Верите ли, операционная много страшнее всякого окопа. <...> Каждый тяжёлый, прислушиваясь к шагам санитаров по коридору, определённо знает, что сейчас придут за ним и возьмут на мучительную перевязку. <...> Измученные и изнервничавшиеся, они почти не люди, а всего только придатки к своим раздробленным конечностям и кровоточащим ранам. То один, то другой восходит в свой “канун”, в свой последний вечер, тупо упираясь мыслью в неотвратимо тупой факт, что завтра его положат на стол, заставят задохнуться под зловонной маской и, превратив в тушу, отрежут ногу или продолбят череп, а, быть может, отправят и на тот свет. Изю дня в день тяжёлые живут исключительно нежеланием перевязок; изю дня в день они поднимают одеяло и, морща нос, принимают к своему зловонию, в страшнотоске боясь бича всех хирургических, заражения крови» [14, С. 120].

Какие-то госпитали Московского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам прекратили своё существование в разные месяцы второй половины 1917 г., какие-то продолжали работать при новой власти.

Список используемой литературы и источников:

1. Доклад Московского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Московскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1914 г. / Всероссийский земской союз. Московский губернский комитет. – Москва, 1915.
2. Дубенский, Д. Н. Летопись войны / редактор-издатель Д. Дубенский. – Петроград : Д. Дубенский, 1914-1917. — 32 см.
3. Именной список раненых и больных офицерских и нижних чинов, помещённых в лечебных заведениях. № 13 / Справочный отдел Красного креста. – Москва, 1914.
4. Именной список раненых и больных офицерских и нижних чинов, помещённых в лечебных заведениях. № 14-22 / Справочный отдел Красного креста. – Москва, 1914.
5. Карпинский, Д. Г. Гопфенгаузену / Д. Г. Карпинский // uchebana5.ru : сайт – URL: <https://uchebana5.ru/cont/1611338-p7.html> (дата обращения 25.06.2025).
6. Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. Издание Московского Столичного Губернского Статистического Комитета. – Москва, 1913. – 778 с.
7. Москва в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг. Документы и материалы. Главы 3-4 // Главархив Москвы: сайт. – URL: <https://www.calameo.com/books/004711682b6bbfb89c18a>. (дата обращения 20.09.2023).
8. Московские ведомости: газета. – Москва, 1914. – №159. – 26 июля.
9. Московские ведомости: газета.– Москва, 1914. – №176. – 30 июля.
10. Список госпиталей губернских и уездных комитетов Московской губернии к 1-му но-

ября 1914 года // Всерос. зем. союз помощи больным и раненым воинам. Моск. губ. ком. — Москва : т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1914.

11. Руга, В. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны / В. Руга, А. Кокорев. — Москва : АСТ : Астрель, 2011. — 678 с.
12. Сборник статистических сведений по Московской губернии : Отдел санитарной статистики. — Москва : Моск. губерн. земство, 1915.
13. Населённые местности Московской губернии на 1912 год // Памятная книжка Московской губернии на 1911 год. - Москва, 1911. - 454 с.
14. Степун, Ф. А. Из писем прапорщика—артиллериста / Ф. А. Степун // Предание.ru : сайт — URL: <https://predanie.ru/book/219575-iz-pisem-praporschika-artillerista>. (дата обращения: 15.09.2023).

А.Ю. Лошаков

**НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РАЗВИТИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
И БОРЬБЕ С ЭПИДЕМИЯМИ В ЗВЕНИГОРОДСКОМ УЕЗДЕ
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

(по архивным материалам Московского врачебного управления)

Вплоть до начала XIX столетия здравоохранение в Российской империи находилось в зачаточном состоянии, и только к середине века оно приобрело упорядоченный характер. Формирование системы медицинской помощи, доступной широким слоям населения, относится к 1860-м годам и теснейшим образом связано с деятельностью земств.

Система здравоохранения Московской губернии в XIX – начале XX века стала складываться одной из первых в России и была в числе самых лучших по сравнению с другими губерниями [1, С. 8]. Преимуществом Московской губернии была высокая плотность населения, концентрация производств и промыслов, развитая агрокультура [1, С. 16].

Эти факторы способствовали быстрому развитию системы медицинской помощи и обеспечивали её необходимыми ресурсами. Негативным фактором было крайне неравномерное распределение аптек и медицинских учреждений по территории губернии, сконцентрированных преимущественно в Москве, там же проживало большинство практикующих в губернии врачей [1, С. 26]. За пределами Москвы раньше всего собственными врачами обзавелись промышленно развитые уезды: Серпуховской, Богородский и Дмитровский [1, С. 32].

Вплоть до начала XX века такая диспропорция сохранялась: наиболее обеспеченными по части медицинской помощи оставались Москва, Московский уезд и несколько уездов с наиболее развитой промышленностью, а самыми обделёнными уездами были преимущественно сельскохозяйственные – Можайский, Верейский, Рузский и Волоколамский [1, С. 126].

Звенигородский уезд Московской губернии имел удачное с точки зрения эпидемиологии и санитарии расположение, находясь западнее и северо-западнее Москвы, выше города по течению Москвы-реки. К благоприятным санитарно-эпидемиологическим факторам в Звенигородском уезде следует отнести относительно низкую плотность населения и небольшое число промышленных предприятий в уезде. По количеству медицинских работников Звенигородский уезд находился примерно в середине списка уездов Московской губернии.

До 1879 года во всём Звенигородском уезде имелась только одна небольшая одноэтажная деревянная больница на 15 кроватей, расположенная в уездном городе; в то вре-

мя она находилась в удовлетворительном состоянии, нуждаясь только в косметическом ремонте (отреставрирована в 1864 году на средства купца Бардана), и на фоне других уездных больниц Московской губернии, для которых сырость, прогнившие полы, гигантские щели в окнах и клопы были в порядке вещей, смотрелась вполне сносно [1, С. 30].

Ряд уездных и московских больниц отличался высокой смертностью по причине неудовлетворительного санитарного состояния помещений, тесноты, отсутствия отдельных оборудованных помещений для операций и вскрытия тел, а также из-за ржавых и грязных хирургических инструментов [1, С. 30]. Подобные вопиющие нарушения в Звенигородской больнице никогда не фиксировались.

Сравнительно полные документальные данные о заболеваемости и смертности в Звенигородском уезде, о штате уездных медицинских работников и о наличии в их распоряжении медицинского оборудования и лекарств, мы имеем, начиная с 1840-х годов, но отрывочные сведения встречаются уже с 1814 года, когда в селе Коптево Московского уезда в возрасте 45 лет скончался работавший там по найму крестьянин Звенигородского уезда, вотчины графа Ивана Павловича Кутайсова села Рождествено Иван Емельянов. В качестве причины смерти в документах были указаны чахотка и плохое питание [2, Л. 131-131 об].

Документы, касающиеся организации медицинской помощи и борьбы с инфекционными заболеваниями в Звенигородском уезде, отложились в фонде Московского врачебного управления (до 1877 года – Московская врачебная контора) (фонд №1) в Отделе хранения документов до 1917 года Центрального государственного архива Москвы (ОХД до 1917 ЦГА Москвы). Московское врачебное управление находилось в подчинении Медицинского департамента Министерства внутренних дел и осуществляло общий надзор в сфере здравоохранения в Москве и Московской губернии. В ведении управления находились аптеки, управление выдавало разрешения на открытие медицинских учреждений, проводило экзамены для аптекарских и лекарских учеников, рассматривало жалобы на врачей и качество врачебной помощи, инспектировало больницы. Также врачебное управление курировало проведение судебно-медицинских исследований и криминалистических экспертиз (вскрытие трупов, химические исследования с целью обнаружения следов крови, яда и т.д.) по заданию следственных органов и суда.

Начиная с 1840-х годов, Московская врачебная контора ежегодно собирала по каждому уезду протоколы вскрытия и другие документы, касающиеся исследования трупов лиц, скончавшихся скоропостижно или при подозрительных обстоятельствах, а также об исследовании тел убитых и самоубийц.

Приведём для примера некоторые данные по Звенигородскому уезду за 1843 год:

1) 27 января в селе Павловском от апоплексического удара скоропостижно скончался фабричный рабочий Павловской казённой суконной фабрики Иван Семёнов 75 лет [3, Л. 4-4 об].

2) 23 февраля в деревне Холщёвики был обнаружен труп неизвестного парня, на вид около 17 лет в крестьянской одежде. Имя умершего в документах отсутствует, указано, что парень приехал в Холщёвики вместе с крестьянином Семёном Самсоновым из села Лучинского, имения помещика Голохвастова. По заключению врача, смерть парня наступила от «желудочно-желчной горячки» [3, Л. 6-6 об].

3) 19 апреля в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре скончался 43-летний московский мещанин Сергей Петров, приехавший навестить своего двоюродного брата, рясофорного монаха Гавриила. Незадолго до наступления смерти покойный жаловался на боли в груди. При вскрытии было обнаружено поражение лёгких, и причиной смерти в документах указана пневмония [3, Л. 8-8 об].

4) 26 апреля в канаве недалеко от дороги между Звенигородом и Рузой был обнаружен труп неизвестного около 45 лет. Согласно заключению врача, смерть наступила от «брюшной водяной болезни» – [3, Л. 12-12 об].

5) 4 мая от апоплексического удара скончался пономарь церкви Преображения Господня села Спасского Иван Матвеев 40 лет [3, Л. 12-12 об].

6) 9 мая от чахотки лёгких умер комиссариатский служащий Павловской фабрики Спиридон Дмитриев [3, Л. 14-14 об].

7) 11 июня в селе Аносине найден труп повесившегося крестьянина Стефана Егорова 36 лет. Отмечалось, что покойный не злоупотреблял алкоголем, но после смерти жены «впал в чрезмерную задумчивость и печаль», и, как сказано в рапорте уездного исправника, самоубийство явилось следствием «сильных ипохондрических припадков» [3, Л. 16-17].

8) 13 июля в деревне Лапино на смоленской дороге был обнаружен труп крестьянина Василия Григорьева 44 лет, возвращавшегося из Москвы с ярмарки и подвергнутого нападению грабителей. Смерть крестьянина наступила от удара тяжёлым предметом, по всей видимости, дубинкой, в висок [3, Л. 25-26].

9) 14 июля в селе Спасском, во владениях помещика Шатилова, скоропостижно скончалась крестьянка Ефросинья Филиппова 55 лет. В момент смерти Филиппова участвовала вместе с другими крестьянами в уборке господского сенокоса. Проведя вскрытие, уездный врач указал причиной смерти «удар лёгких» [3, Л. 23-23 об].

10) 29 октября в селе Бужарово от лёгочной чахотки скончалась крестьянка Марья Ерофеева 45 лет [3, Л. 28-28 об].

Как мы можем убедиться из приведённых выше примеров, классификация заболеваний и причин смерти в XIX веке отличалась от нынешней, а объективные возможности диагностики были несопоставимы с современными, поэтому судить о заболевании или причине смерти на основе архивных медицинских документов в значительной части случаев мы можем лишь предположительно.

Можно отметить, что одни и те же термины для указания причин смерти использовались значительно шире, чем это сейчас. Например, указывалось, что смерть от «апоплек-

сического удара» случилась из-за злоупотребления спиртными напитками [4, Л. 6-6 об] или под влиянием холода из-за ветхой одежды покойного [4, Л. 2-2 об., 4-4 об].

Случаи насильственной смерти рассматривались отдельно от всех остальных и расследовались полицейскими чиновниками. Даже когда всё указывало на естественные причины смерти, но имелись хотя бы минимальные сомнения, проводилось расследование. Так, в мае 1845 года от апоплексического удара, вызванного хроническим пьянством, умер рабочий Павловской казённой суконной фабрики Никита Гусев. Во время осмотра тела на виске был обнаружен шрам, что послужило основанием для проверки, повлѣкшей за собой переписку между администрацией фабрики и Московской медицинской конторой в лице штаб-лекаря, надворного советника Чистякова. В ходе проверки вероятность насильственной смерти Гусева была отвергнута, также выяснилось, что рабочий в течение многих лет злоупотреблял алкоголем, за что многократно, начиная с 1818 года, подвергался администрацией фабрики наказанию розгами и содержанию в карцере [4, Лл. 27-29].

Хорошее представление о судебной экспертизе того времени может дать дело 1847 года «О химическом испытании разных веществ, найденных в городе Воскресенске у торговцев мещан Козакова и Климовой». 30 апреля 1847 года Медицинская контора направила в Звенигородский Земский суд результаты химической экспертизы образцов различных веществ, изъятых в феврале того же года в городе Воскресенске у крестьян Василия Козлова и Макриды Климовой. К результатам исследования прилагалась справка о том, что «скипидар, масло, травы, оказавшиеся при испытании невредными и значащея под № 1, 3, 6, продавать без свидетельства можно, при продаже же белого купороса и венецианской яри, показанных под № 2, 4, 5, следует соблюдать правила, изложенные в статьях 514-520 Устава медицинской полиции (XIII т. Свода Законов изд. 1842 г.)» [5, Л. 4-5 об].

Представить себе обычный для середины XIX века уровень заболеваемости и смертности в Звенигородском уезде мы можем, благодаря Годовому отчёту врачей Московской губернии за 1857 год, сохранившемуся в фонде Московской медицинской конторы. В отчёте указывается, что в 1857 году эпидемий и эндемических (постоянное существующие на какой-либо ограниченной территории инфекционные заболевания, связанные со стойкими природными очагами инфекции) болезней в Звенигородском уезде зафиксировано не было.

К сезонным заболеваниям, характерным для Звенигородского уезда, составители документа отнесли воспаление лёгких, ревматические и катаральные (воспалительные) лихорадки, тиф и диарею [6, Л. 141 об]. Смертей, подлежащих судебно-медицинскому исследованию, в тот год в Звенигороде было зафиксировано три, а во всём уезде – 25, из этого числа 11 человек умерли от пьянства, скоропостижно скончались от разных болезней – 7, по одному смертельному случаю приходится на повешение, удушение, отравление солёной рыбой, заражение крови и гибель под колёсами телеги. Ещё два тела остались неисследованными по причине сильной степени их разложения [6, Л. 142-143].

В годовом отчёте 1857 года у пациентов из Звенигородского уезда были зафиксированы следующие заболевания: катаральная и ревматическая горячка – 8 случаев, лихорадка – 4 случая, тиф – 9, запой – 3, грудная жаба – 8, воспаление лёгких – 6, лёгочный туберкулёз – 1, одышка – 8, ревматизм – 16, болезнь сердца и артерий – 1, аневризма – 1, желудочно-кишечные заболевания – 2, болезни печени и селезёнки – 1, скорбут (цинга) – 2 [6, Л. 160].

Познакомиться со звенигородской уездной больницей середины XIX века, её персоналом, условиями и оснащением нам помогает «Журнал обследования при инспекторском обозрении медицинской части в г. Звенигороде Московской губ., 17 мая 1859 года проведённом».

Согласно этому документу, в звенигородской больнице числились двое врачей: уездный – Константин Мышков и городской – Дмитрий Николаев. Ревизоры были к ним благосклонны, в частности, они отмечали, что «в исполнении обязанности врача и пользовании больных усердны, жители и местное начальство города ими довольны и имеют к оным доверие...» [7, Л. 26].

Более подробные сведения о врачах звенигородской больницы содержатся в годовом отчёте за 1857 год. В частности, оттуда мы узнали, что Константин Николаевич Мышков – дворянин, образование получил в Московском университете [6, Л. 142-143]. Также в отчёте фигурируют уездный врач, коллежский ассессор Николай Дмитриевич Кудрявцев, духовного звания также обучавшийся в Московском университете; повивальная бабка Прасковья Зотова-Ковалинская, из мещан, изучала свою специальность также в Москве; старший лекарский ученик Константин Павлович Ярцев, сын лекарского ученика; младшие лекарские ученики Василий Павлович Конардов и Николай Семёнов – из духовенства и из мещан соответственно [6, Л. 143 об].

Согласно годовому отчёту, Мышков зарабатывал 200 рублей и 5 копеек серебром, Кудрявцев – 196 рублей и 5 копеек, Зотова-Ковалинская – 42 рубля 45 копеек, старший лекарский ученик Ярцев – 56 рублей и 1 копейку, а младшие лекарские ученики – столько же, сколько и повивальная бабка, – по 42 рубля и 45 копеек [6, Л. 143 об].

О больнице Звенигорода проверяющие сообщают, что она «...занимает собственный одноэтажный дом, стоящий на весьма возвышенном сухом месте, в отдалении от других зданий. В нём находятся две довольно просторные палаты мужские, одна женская, отдельная комната для арестантов, комната для больных питомцев, комната для одежды, прихожая. Принадлежности больницы суть: флигель, в котором помещается смотритель, кухня, баня, сарай, погреб, цейхгауз и сад» [7, Л. 26 об.-27]. «Размещение больницы удобно...» – сообщает документ [7, Л. 26 об.-27]. Вместимость звенигородской городской больницы в «Журнале...» 1859 года не указана, но эти сведения имеются в годовом отчёте уездных врачей за 1857 год: число кроватей – 10, среднее число больных – 9, минимальное число больных – 2, а максимальное – 17 [6, Л.160].

Об оснащении больницы можно прочитать следующее: «Медицинские сочинения, могущие им (врачам – А.Л.) служить хорошим руководством при исполнении служебных и практических их занятий, резко необходимые инструменты, хирургические и анатомические, имеются» [7, Л. 26]. Далее сообщается, что «... бельём и посудой хорошего качества, равно другими необходимыми вещами эта больница снабжена достаточно» [7, Л. 26]. Про аптеку, находившуюся в боковой комнате больницы, сообщается, что она полностью обеспечена необходимыми лекарствами. В аптеке поддерживалась надлежащая чистота и порядок [7, Л. 27].

Относительно условий пребывания больных в документе указано, что «... лечение больных довольно удовлетворительно: способ врачевания употребляется аналитический, основанный на правилах рациональной терапии, скорбные листки и книги о прибыли и убыли больных ведутся аккуратно; содержание больных хорошо, согласно табели; жалоб со стороны больных никаких не было; порядок и чистота в больнице соблюдаются» [7, Л. 26].

1859 год не был отмечен в Звенигородском уезде эпидемиями, поэтому читаем: «Во время инспекторского обозрения больницы находилось в больнице 6 человек, из них труднобольных двое – чахоточного и старческим изнурением (так в тексте – А. Л.). С начала текущего года было 41 человек, из коих умерло 7. О событиях каких-либо господствующей болезни замечено не было» [7, Л. 26 об].

Для недопущения эпидемии оспы к середине XIX века широко применялось оспопрививание, способ которого был разработан ещё в конце XVIII века английским врачом Эдвардом Дженоером. В «Журнале обследования...» читаем, что врачи звенигородской больницы «... прививанием предохранительной оспы занимаются с должным усердием, и оспопрививание как в городе, так и в уезде вообще довольно удовлетворительное» [7, Л. 26].

Первая масштабная эпидемия в Звенигородском уезде, сведения о которой можно найти в документах Московской медицинской конторы, началась осенью 1847 года, и, то затихая, то разгораясь вновь, продолжалась до весны следующего 1848 года [8]. Это была эпидемия холеры, о которой врачи в своих отчётах приводили следующие статистические сведения: в Звенигороде при населении 1568 человек заболело двое; в заштатном городе Воскресенске при населении 543 человека заболел и умер 1 человек.

В сёлах уезда ситуация была острее: в Красновидово из 212 человек заболели 7; в Насоново – из 262 – 41, умерли 10 человек; в селе Рождествено из 741 человек населения заболели трое и умер один; в селе Жевнево из 168 человек также заболели трое и умер один человек. В деревне Чеснохово с населением 187 человек двое заболели и один умер; в Захарово из 311 человек заболел только 1 человек; в селе Лугино из 300 человек также заболел только один, а в деревне Давыдовской с населением 249 человек заболели и умерли два человека [8, Л. 50 об-51].

В этом же архивном деле мы находим имена врачей, боровшихся с эпидемией в Звенигородском уезде – штаб-лекарь Чистосердов, состоящий при Павловской казённой суконной фабрике, и уездный врач Орлов [8, Л. 50 об-51]. В своих рапортах в Московскую медицинскую контору врачи сообщали некоторые подробности о развитии эпидемии и о заболевших в уезде.

Медики отмечали, что «...нет никаких особенных обстоятельств, влияющих на развитие эпидемии холеры в Звенигородском уезде» [8, Л. 52]. По данным, представленным Московской медицинской конторе, первым заболевшим холерой в Звенигородском уезде стал крестьянин Василий Иванов, прибывший в Красновидово из Москвы уже с признаками холеры [8, Л. 52]. Там же узнаём, что в Звенигороде, как и в Воскресенске, заболевшими были женщины. Имя заболевших женщин в бумагах не приводится. Известно, что одна заболевшая в Звенигороде – местная мещанка, чья болезнь осложнилась простудой, полученной после перехода реки вброд, а вторая заболевшая – арестантка в местной тюрьме, пересыльная из Москвы в Смоленск. Обе женщины выздоровели [8, Л. 57-58]. Про заболевшую в Воскресенске никаких сведений не приводится, сообщается только о её скоростижной смерти [8, Л. 57-58].

К концу XIX века в Звенигородском уезде, как свидетельствуют рапорты уездных врачей, ежегодно происходили вспышки инфекционных заболеваний, наиболее распространёнными были «детские» инфекции – корь, дифтерит, скарлатина и коклюш. Среди заболевших этими инфекциями действительно преобладали дети. Реже происходили вспышки брюшного тифа.

Данные за 1897 г фиксируют в Звенигородском уезде масштабную вспышку кори. В январе корь была обнаружена в деревнях Борисово и Буньково Лучинской волости (заболели 11 и 7 детей соответственно) и в самом Звенигороде (6 заболевших детей). В Буньково от кори скончались две девочки, а в Звенигороде – два мальчика [9, Л. 8, 11].

В марте корь свирепствовала в Воскресенске. По данным земского врача, в Воскресенск корь была занесена из соседнего села Никулина, где тяжёлые случаи заболевания фиксировались с февраля. Всего в Воскресенске заболели 9 человек и, к счастью, никто не умер [9, Л. 31]. Снова корь появилась летом того же года в селе Хованском Еремеевской волости, где всего заболели 13 мальчиков и 7 девочек, из которых умерли 1 девочка и пять мальчиков. Осенью корь появилась в самом селе Еремееве, где заболели 6 мальчиков и 3 девочки [9, Л. 50].

В том же году в Звенигородском уезде происходили менее масштабные вспышки инфекционных заболеваний. В августе в деревне Подгориной Еремеевской волости появилась «горячка», которой заболело 13 мужчин и 22 женщины, 1 женщина умерла [9, Л. 49]. В июле в сельце Андреевском Ягунинской волости с кровавым поносом слегли 5 девочек, из которых 2 умерли [9, Л. 56]. В августе в Аксиньинской волости была вспышка коклюша, заболели 6 мальчиков и 4 девочки [9, Л. 62]. Тогда же в селе Ильинском Павловской воло-

сти появился дифтерит, заболели 3 мальчика [9, Л. 69]. В октябре дифтеритом заболели трое детей священника Державина, настоятеля храма в сельце Троицком. Из троих детей один скончался.

Наряду с корью, по уезду активно распространялась скарлатина. В августе ею в Звенигороде болело 7 детей, 1 из которых скончался [9, Л. 70], в сентябре скарлатина появлялась в Аксиньинской волости (заболело 3 мальчика и 2 девочки), в октябре скарлатиной заболело двое детей в Еремеевской волости, двое в Аксиньинской волости и 7 учеников Звенигородского духовного училища. Духовное училище было закрыто на карантин, учащиеся досрочно распущены по домам. Вблизи Звенигорода, в Саввиной слободе, скарлатиной, занесённой, как оказалось, из Саввино-Сторожевского монастыря, заболели 8 детей, из которых двое умерли [9, Лл. 70 (б), 85, 97-97 об].

Архивные данные за 1898 и 1899 годы продолжают фиксировать ту же самую безрадостную картину: в феврале 1898 года в селе Ивановском Лучинской волости случилась вспышка скарлатины, от которой умерли двое детей [10, Л. 6]; летом в Шараповской волости от неизвестной болезни заболели 7 детей (мальчик и 6 девочек), две девочки скончались, чуть позже там возникла вспышка натуральной оспы (заболели 6 детей, один из них скончался: тем же летом в Еремеевской волости возникла масштабная вспышка брюшного тифа (заболело 11 человек, из которых умерли - 9); в 1899 году Аксиньинскую волость поразила эпидемия скарлатины - в нескольких селах и деревнях волости заболели свыше 30 детей, от которой 13 из них скончалось [10, Л. 22, 36, 29-32].

В 1908 году в Звенигородском уезде была зафиксирована эпидемия натуральной оспы. Первые сведения об эпидемии появились в докладе земского начальника 1 участка Звенигородского уезда 31 декабря 1907 года [11, Л. 7]. В тот момент в деревнях Новинки и Исаково Павловской волости уже болели 19 и 24 человека соответственно. Местные власти увидели причину эпидемии в том, что, по информации, полученной от крестьян, оспа в этой местности давно не прививалась, а больные в первое время не отделялись от здоровых [11, Л. 7].

В середине января оспа пришла в Звенигород: там заболели двое детей, ещё двое детей заболели в деревне Давыдовской Лучинской волости [11, Лл. 11, 13]. Для борьбы с эпидемией властями губернии были приняты экстренные меры: в Павловский уезд в помощь местным медицинским работникам дополнительно был командирован «эпидемический отряд» - врач и фельдшер-акушерка; в Павловской волости был оборудован заразный барак; в Павловской волости и в Воскресенске было проведено массовое предохранительное оспопрививание. Эпидемия продолжалась до марта, но новые случаи были единичными, даже в таких крупных сёлах как Глебово, Рождествено, Жевнево, Крюково, Падиково заболевших было по 1-2 человека. Больше всего заболевших было зарегистрировано в Захарово - 6 человек [11, Лл. 20, 35].

Как свидетельствуют многочисленные данные из архивных документов, приведённые в настоящем исследовании, во второй половине XIX - начале XX века распространение

инфекционных заболеваний стало серьёзным вызовом для врачей и персонала земских больниц Звенигородского уезда Московской губернии. Наиболее распространёнными инфекционными заболеваниями были корь, дифтерия, коклюш и скарлатина, а самыми опасными – оспа, тиф и холера. Вспышки инфекционных заболеваний характеризовались высокой смертностью, особенно среди детей и подростков.

Как уже отмечалось выше, Звенигородский уезд имел в плане распространения инфекционных заболеваний некоторые преимущества, связанные с удалённостью от Москвы, сравнительно низкой плотностью населения и доступностью чистой питьевой воды (на территории уезда располагались верховья Москвы-реки и важная часть её речной системы – река Истра), но с развитием железнодорожного транспорта, ростом населения уезда, увеличением потока дачников, туристов и паломников в Саввино-Сторожевский и Ново-Иерусалимский монастыри, эти преимущества стали сходить на нет.

Огромная и густонаселённая Москва чаще всего становилась центром распространения инфекций по всей Московской губернии, а в уезде локальными очагами инфекций, как правило, тоже становились самые многолюдные места: всегда заполненные паломниками монастыри, гостиницы, трактиры и, конечно, учебные заведения – школы и училища.

Наряду со скученностью, важнейшим факторами распространения инфекций были бедность, необразованность и низкий культурный уровень крестьянского населения, среди которого эпидемии бушевали чаще всего. Ещё в 1864 году известный медик и общественный деятель А. Я. Щербakov в журнале «Современная медицина» писал о социально-психологических проблемах врачебной помощи крестьянам, среди которых выделял недоверие к врачам, которые воспринимались сельскими жителями как государственные чиновники, бедность и невежество крестьян, а также плохое состояние больниц и плохое устройство всей медицинской части [1, С. 32].

О том же самом писал уже почти полвека спустя, в 1910 году известный русский философ, правовед, публицист, профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой: «Эпидемия в наших сёлах развивается оттого, что они бедны и грязны, оттого, что крестьян иногда трудно бывает убедить в необходимости воздержаться от питья сырой воды, от того, что невозможно преодолеть их суеверный страх перед больницами и т.п. Наш крестьянин болеет и умирает от своей бедности, нечистоты, неряшества, безграмотности, невежества всякого рода» [12, С. 4].

В той же статье Е. Н. Трубецкой упоминает, что «...распространению эпидемии способствует бюрократизм, господствующий в нашей общественной жизни» [12, С. 4]. Действительно, долгие десятилетия в Звенигородском уезде была только одна больница, расположенная в самом Звенигороде. Только в 1879 году, благодаря трудам и личным пожертвованиям земского деятеля П. Д. Голохвостова, фабриканта П. Г. Цурикова и помещика Николая Владимировича Рукина, больница была наконец открыта в Воскресенске – заштатном городе Звенигородского уезда [13, С. 164].

Беспорно, открытие больницы в г. Воскресенске качественно улучшило уровень оказания медицинской помощи во всём уезде, но, тем не менее, эпидемия оспы 1908 года выявила существенную нехватку медиков. Сохранившиеся в сфере медицины проблемы достались в наследство уже советской власти.

Список использованной литературы и источников:

1. Арутюнов, Ю. А. Земская медицина в Московской губернии во второй половине XIX - начале XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. / Ю. А. Арутюнов. — Москва, 2000. — 221 с.
2. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 2.
3. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 5447.
4. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 5714.
5. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 92.
6. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 897.
7. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 994.
8. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 49.
9. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 2322.
10. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 2377.
11. ЦГАМ ОХД до 1917. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 3249.
12. Трубецкой, Е. Н. Холера // Московский Еженедельник. — 1910. — № 31, 7 августа.
13. У стен Нового Иерусалима. История города Воскресенска-Истры / М. А. Крючкова, Л. Г. Невзорова, Н. И. Сафонова и др. — Москва : Лето, Историко-архитектурный и художественный музей "Новый Иерусалим", 2010. — Москва : Лето, 2010. — С. 164.

С.Ю. Мамаев

КОМПОЗИТОР ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕСНОКОВ

В 2024 году исполнилось 80 лет со дня кончины выдающего русского композитора и хорового дирижёра Павла Григорьевича Чеснокова. Он родился и вырос на Истринской земле – в селе Ивановское, где регентом местной Успенской церкви в то время служил его отец. Именно в этих краях он начал петь в церковном хоре, а затем по настоянию родителей поступил в Московское Синодальное училище церковного пения, где уже сформировался как хоровой дирижёр, композитор и педагог.

Павел Григорьевич Чесноков родился 12 октября (24 октября по новому стилю) 1877 года в селе Ивановское Звенигородского уезда Московской губернии (ныне муниципального округа Истра Московской области) в семье регента церковного хора при фабричной Успенской церкви Григория Петровича Чеснокова.

Происхождение рода Чесноковых доподлинно неизвестно. Есть лишь весьма скромные сведения о социальном статусе родителей Павла. В записи о рождении в метрической книге в графе родителей записано: «Серпуховского уезда Семёновской волости села Талижи государственный крестьянин Григорий Петров и законная жена его Марфа Феодорова, оба православнаго вероисповедания» [5, Л. 148 об].

Восприемниками при крещении были записаны врач Ивановской суконной фабрики Михаил Михайлович Цветаев и старшая сестра новорождённого Пелагея. Истринский краевед Сергей Павлович Носиков в своей книге об Ивановской фабрике задался вопросом: «Каким образом доктор оказался крёстным отцом мальчика?» и предположил, так как квартира регента тогда располагалась в мезонине больничного здания, видимо, Григорий Петрович и Михаил Михайлович часто виделись и даже дружили [8, С. 241].

Где и когда поженились Чесноковы – осталось тайной. Надо полагать, это случилось ещё до переезда (примерно в 1868 году) в село Ивановское. По одной из версий мать Павла – Марфа Фёдоровна – была мещанкой Звенигородского уезда, по другой – Григорий Петрович просто получил приглашение возглавить церковный хор. Музыкальному мастерству регент обучился в Синодальном хоре, а вот почему именно ему владелец Ивановской фабрики Павел Григорьевич Цуриков предложил стать регентом при Успенском храме, остаётся загадкой.

Первые дети в семье Чесноковых появились на свет в 1866 году (дочь Пелагея) и в 1867 году (сын Алексей), место их рождения неизвестно [8, С. 242]. Остальные дети родились уже в Ивановском – Сергей (1871), Николай (1872), Михаил (1875), Яков (1876), Павел (1877), Александр (1880), Владимир (1882), Анна (1887) и Лев (1889) – две дочери и девять сыновей. Павел был седьмым ребёнком.

Глава семейства своих детей с младенческих лет привлекал к пению в церковном хоре, развивал их голос и музыкальные способности. Помимо своей регентской деятельности Григорий Петрович Чесноков преподавал пение в местном фабричном училище – по два двух-часовых урока каждую неделю, за каждый из которых получал по рублю. [8, С. 242]. Дополнительный заработок Григорию Петровичу был очень кстати, так как семья была многодетной.

В конце 1880-х годов регент с семьёй переехал из Ивановского в Клинский уезд Московской губернии на станцию «Подсолнечная» Николаевской железной дороги (ныне город Солнечногорск). Там Григорий Петрович стал работать в конторе бумаготкацкой фабрики Товарищества мануфактур Прохорова [8, С. 242].

Семья, домашний уклад и раннее развитие певческого таланта предопределили будущее Павла и его братьев – Сергея, Николая, Михаила, Якова, Александра и Льва (все они окончили одно учебное заведение) [4, С. 68]. «Господь наградил мальчика звонким голосом и музыкальным слухом, благодаря чему его певческое “послушание” под руководством отца началось в самом раннем возрасте» [20]. Ну а в 1886 году в возрасте семи лет Павел поступил в Московское Синодальное училище церковного пения. Определение детей в это училище было очень удачным решением во всех отношениях:

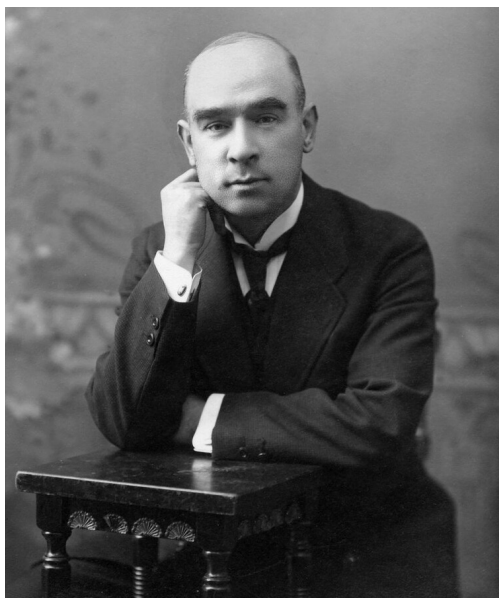

Фото 1. Павел Григорьевич Чесноков

обучение было бесплатное, ученики находились на полном обеспечении (казённое содержание и общежитие). На много лет жизнь Павла Чеснокова оказалась связана с этим музыкальным учебным заведением.

В год поступления Павла в училище, оно было преобразовано в среднее музыкальное (восемь лет обучения). Там стали преподавать 11 музыкальных и 14 общеобразовательных предметов. Два или три раза в месяц давали ученические концерты, на которых постоянно выступал и Павел Чесноков, исполняя соло и дуэтом произведения на фортепиано и скрипке. Более того, Павел считался первым скрипачом в Синодальном училище [4, С. 71].

Учебный год и вся жизнь училища строилась в соответствии с церковным календарём. Учёба неразрывно переплеталась со службами в Успенском соборе Московского кремля.

В распорядке училища были ежедневные утренние и вечерние молитвы, молитвы перед началом и после каждого урока, в трапезной.

«День в училище начинался в 7 часов утра. Молитва, завтрак, полчаса игры на рояле, полчаса на скрипке, подготовка уроков. В 10 часов спевка Синодального хора, которая оканчивалась полпервого, и в час дня подавался обед. После обеда до двух отдых, потом уроки по научным предметам, отдых и занятия музыкой по расписанию. С полседьмого до восьми подготовка к завтрашним научным урокам по курсу средней школы, с изучением латыни и греческого. После того ужин, вечерняя молитва и сон. Некоторым старшим разрешалось бодрствовать и после молитвы, но не позже десяти часов» [4, С. 69].

Годы обучения Павла Чеснокова пришлось на время реформ. В 1889 году в Синодальное училище был назначен новый директор – Степан Васильевич Смоленский. С его появлением в старейшем учебном заведении начались перемены к лучшему. Значение их оказалось велико не только в судьбе Павла Чеснокова, но и в истории всей русской духовной музыки. А до этого даже лучшие ученики не знали таблицу умножения. «Училище было совершенно расстроено, – вспоминал Смоленский, – как в учебном, так и дисциплинарном отношении; хор был относительно слажен, пел довольно стройно и звучно, но в то же время был глубоко невежествен по незнанию элементов музыки и по репертуару...» [12, С. 43].

*Фото 2. Успенский храм
в селе Ивановское. Конец XIX века*

Новый директор был настроен решительно. На заседании Совета было постановлено «вычистить училище от всех самых нетерпимых плевел, безнадежных по лени, по отсталости и прямо вредных по поведению» [4, С. 70]. Из стен училища с его новым директором и новыми учебными программами стали выходить не только высокообразованные регенты, учителя пения, певчие церковных хоров, но, главное, композиторы духовной музыки.

Преобразования, которые застал в свои ученические годы Павел Чесноков, предопределили в дальнейшем его судьбу. Многие из того, что было получено им за годы учёбы, впоследствии способствовало его профессиональным достижениям.

«В период своей учёбы в Синодальном училище Павел проявил себя

как прилежный и старательный ученик. Все свои силы юноша отдавал учебному и творческому процессу, не только изучая теоретические основы церковного пения, но и занимаясь также основами композиции, вокалом, дирижёрским искусством и регентским делом. Педагоги отмечали поразительное упорство, с которым юный студент изучал все аспекты выбранной профессии» [15]. На последнем курсе училища свои силы в композиции пробовал и Павел Чесноков, и, видимо, достаточно успешно, так как сообщал брату, что сделал по композиции «огромный прыжок», а летом собирался писать обедню. Между тем, в кремлёвском Успенском соборе на службах начали исполнять сочинения Чеснокова.

Главная цель Смоленского, стремившего возродить «новую старину», повлекла за собой углублённое изучение истории церковного пения учащимися, чему способствовала и собранная директором библиотека древних певческих книг. «Изучение этих сочинений, в связи с теоретическими курсами взрослых певчих и особенно малолетних <...>, чрезвычайно подняли интеллектуальность Синодального хора, начавшего петь умно и выработавшего превосходную голосовую технику. Начало этого совершенства относится к зиме 1893/94 годов, когда оно разбудило талант А. Кастальского, а затем П. Чеснокова, начавших писать под впечатлениями древних напевов и приёмов старого мастерства» [12, С. 86].

Первые духовные произведения юного композитора «встречались с особым вниманием со стороны Степана Васильевича Смоленского – он берёт и всячески лелеял нарождающийся талант. Без своих критических замечаний и указаний Степан Васильевич не оставил ни строчки из написанного в ту пору Павлом Григорьевичем Чесноковым» [4, С. 71]. Первые свои духовные сочинения, написанные в Синодальном училище (две «Херувимские» и две причастные «О, Всепетая Мати» и «Высшую небес»), Павел Чесноков посвятил, конечно же, любимому учителю и наставнику [2].

В 1895 году Павел Григорьевич Чесноков окончил Синодальное училище, его имя было занесено на «Золотую доску» училища. В своих «Кратких автобиографических набросках», сохранившихся в Российском национальном музее музыки, Чесноков сам определил тот рубеж, с которого началась его «взрослая» жизнь: «В 1895 году 17-летним молодым человеком я окончил курс замечательного Московского Синодального училища. С вышеупомянутого года началась моя педагогическая, композиторская и писательская деятельность» [4, С. 72].

После получения диплома с отличием Павлу Григорьевичу Чеснокову предложили (по протекции Степана Васильевича Смоленского) остаться в родном Синодальном училище в качестве учителя сольфеджио, а с 1898 года он начал преподавать ещё церковное пение. Также он помогал Смоленскому проводить цензуру пьес, присылаемых Синодом на отзыв.

Делясь впечатлениями от «новой» жизни, Чесноков писал брату Александру: «По требованию Степана Васильевича я оставил скучную «Подсолнечную» и отправился в Москву. Право, не могу описать чувства, охватившего меня во время отъезда. Я воображал себе жизнь, которая с отъездом из Подсолнечной начнётся для меня, воображал себе будущую деятельность, и всё это в высшей степени интересовало меня и волновало мою молодую

душу. Поселился я в здании родного училища, рядом с первым моим другом Степаном Васильевичем. И стал я ходить в школы, и стал я заниматься с мальчуганами» [4, С. 72].

В сентябре 1901 года Чесноков получил новую должность при Синодальном хоре – исполняющий обязанности помощника регента, при этом продолжая вести свой предмет. К 1902 году при Синодальном хоре, главным регентом которого был Василий Сергеевич Орлов, помощниками регента уже состояли Кастальский, Чесноков и Данилин. Взаимоотношения четырёх регентов были напряжёнными, поэтому вскоре Чеснокову и Данилину пришлось уйти из хора [4, С. 73].

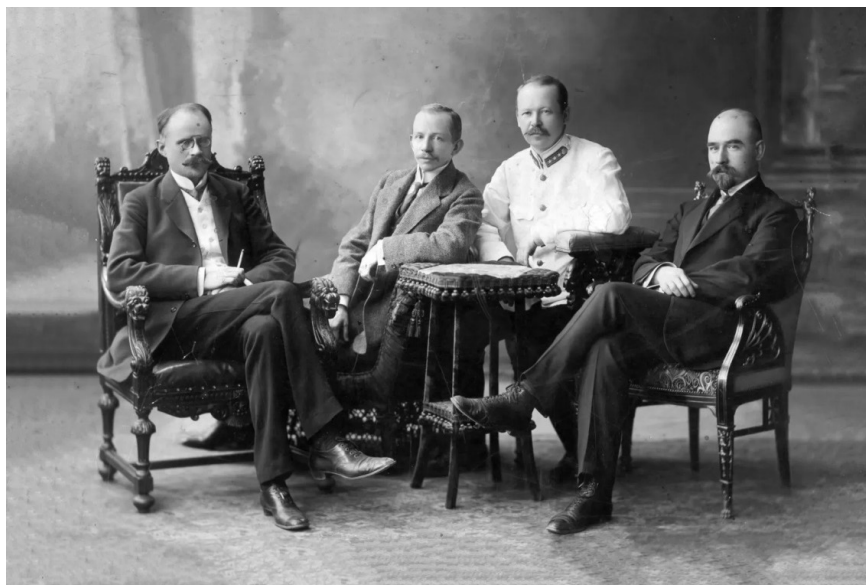

Фото 3. Павел Григорьевич Чесноков (справа) с преподавателями регентских курсов. Середина 1910-х гг.

Будучи помощником регента Синодального хора, Павел Григорьевич начал работать с любительскими коллективами, сначала с хором церкви Космы и Дамиана в Шубине (Москва, Столешников переулок, дом 2), затем с хором церкви Троицы на Грязех (Москва, улица Покровка, дом 13). Работа с этим хором совпала со временем наивысшего расцвета композиторского и регентского таланта Павла Григорьевича. К 1910 году Павел Чесноков был не только известен всей Москве как выдающийся регент, но и знаменит на всю Россию как духовный композитор [4, С. 73].

Первые композиторские опыты Чеснокова появились ещё в студенческие годы. О его таланте Смоленский упоминал в своих мемуарах: «Чесноков несомненно талантлив, знает

хор, но школа его пошла немногим далее Синодального училища. <...> Я считаю Пашу выше Каstialского по дарованию» [12, С. 95]. «Павел Григорьевич Чесноков, мой ученик, очень даровит, но мало учился, пройдя курс Синодального училища и занимаясь потом с Ипполитовым-Ивановым. Отлично знает хор, умён, скромн, но совершенно не воспитан, почему, несмотря на всю свою добрую душу, всё-таки груб и самомннен по молодости своих лет. Некоторые его хоровые вещи написаны очень живо и умно» [12, С. 108].

В декабре 1901 года Чесноков писал Смоленскому: «Вы пишете относительно моего желаня учиться музыке. Это желание действительно всегда было, а за последнее время я особенно усиленно об этом думаю. Но мне в консерватории учиться бы не хотелось. Я предпочел бы частные уроки. Собственно, мне бы хотелось учиться у Конюса. Я бы с удовольствием повторил и гармонию, и контрапункт, но не более как в течение полугода, а потом годика на два засел бы за формы и основательно изучил их. После этого разрешилось (бы) моё сомнение: композитор я или нет. Думаю, вернее, чувствую, что да. Но... чего-то не хватает: знаний, школы, вероятно. Вот мне и хотелось бы года в три всё основательно пройти, а потом — что будет» [4, С. 73]. Действительно, в старших классах Чесноков занимался композицией в классе у Смоленского, а после окончания училища, ощущая недостаточную подготовленность для свободного творческого самовыражения в композиции, продолжал занятия с именитыми композиторами, в частности, с Сергеем Ивановичем Танеевым и Георгием Эдуардовичем Конюсом [2].

В декабре 1897 года в «Московском листке» была напечатана заметка, которая, по мнению современных авторов, была первым отзывом о концертном исполнении сочинений двадцатилетнего Павла: «В четверг состоялся в Синодальном училище церковного пения духовный концерт. <...> Синодальный хор исполнил “Херувимскую” в полном совершенстве. Из остальных номеров программы отметим сочинения гг. Чеснокова и Каstialского. Чесноков — талантливый юноша, блестяще окончивший курс в Синодальном училище. Обе его вещи: “Херувимская песнь” и “Достойно есть” — обнаруживают и композиторские способности, и знание, и желательное национальное направление» [8, С. 243]. Первые издания духовной музыки Чеснокова вышли в свет позже, в 1904 году, но с того времени они стали неотъемлемой частью как церковного обихода, так и концертных программ по всей России [10].

Расцвет творчества Павла Григорьевича Чеснокова пришёлся на первую четверть XX века. В этот период была написана львиная доля всех опусов его духовных и светских хоров, которые получили широкое признание и стали исполняться по всей России. Одновременно же распространялась «слава Чеснокова как замечательного хорового дирижёра, владеющего всеми тайнами хоровой звучности» [3, С. 45]. Следует отметить, что хоры Чеснокова не утратили художественной ценности и спустя столетие. Их поэтичность, светлый колорит и превосходное звучание находили искренний отклик даже у советских слушателей.

Одним из самых выдающихся в творческой биографии Чеснокова можно назвать 1907 год, когда были написаны 7 опусов (более 70 произведений) духовной музыки. Чесноков много издавался, и столь же много о нём писали. Едва ли не в каждом номере журнала «Хоровое и ре-

гентское дело» (издавался в Петербурге с 1909 по 1917 год) рецензировались его новые сочинения, при этом отмечалось, что «Чесноков как композитор духовно-музыкальных произведений пользуется репутацией далеко незаурядного работника в данной области» [16, С. 63].

Ещё одним «урожайным» в творчестве Павла Григорьевича можно назвать 1912 год, когда были написаны ещё 7opusов [4, С. 75]. До революции все произведения Чеснокова печатались в издательстве Петра Ивановича Юргенсона, а во второй половине 1920-х годов 17 песнопений были размножены на гектографе благодаря Поликарпу Мироновичу Кирееву, ранее владельцу издательства [10].

В это же время Павел Григорьевич уже сам преподавал хоровое пение в гимназиях и женских пансионах, а хор при церкви Святой Троицы на Грязех под его руководством стал одним из лучших в Москве, несмотря на свой любительский статус. «Один из старейших регентов Москвы, Николай Сергеевич Данилов, отмечал, что коллективы, которым посчастливилось работать под началом Павла Григорьевича, были настолько популярны, что многие певчие были готовы еженедельно платить за право работать в их составе» [15].

В журнале «Хоровое и регентское дело» в 1913 году была напечатана рецензия на юбилейные концерты хора, где автор так описывает свои впечатления: «П. Г. Чесноков в деле дирижирования хором и виртуоз замечательный, и тончайший художник. Просто и серьёзно, смиренно и строго пел хор. Никакого стремления удивить необычайным эффектом, подготовить что-нибудь поражающее, какой-нибудь разительный контраст. Все оттенки даются такими, каких требует внутреннее чувство и музыкальная красота каждого исполняемого произведения» [18, С. 69].

Сам же Павел Григорьевич в одном из писем Смоленскому ещё в самом начале своей работы с хором Троицкой церкви в 1903 году писал: «Не имея никакого успеха в Синодальном училище, не встречая участия, я всю энергию направил в любительский хор. Я всегда стремлюсь туда, где живое дело, а не служба со всеми её осложнениями» [4, С. 75]. Упомянув училище, Чесноков как раз говорил о том конфликте, который случился между регентами в Синодальном хоре.

Кроме того, Павел Чесноков регентовал в других московских храмах, а в 1911-1917 годах преподавал на ежегодных летних регентских курсах в Петербурге, которые назывались «курсами Смоленского», так как были продолжением дела, начатого Смоленским в Москве в 1909 году. Каждый год в конце этих курсов хор регентов под управлением Чеснокова пел в церкви Спаса на Крови литургию, где звучали произведения, как самого Павла Григорьевича, так и других авторов. После литургии служилась панихида по Смоленскому.

Неоднократно Чесноков выезжал из Москвы по приглашениям с мест для дирижирования духовными концертами (Харьков, Нижний Новгород и другие города), участвовал в работе почти всех регентских съездов, которые играли значительную роль в повышении социального статуса и улучшении материального положения российских регентов. Он ревностно следил, чтобы каждый съезд действительно давал конкретные результаты и не уходил в сторону от решения именно регентских проблем: «Материальная и обществен-

ная заботность регентов родили регентские съезды. И два первых показали ясно, чего и как могут добиться регенты. Но тут явились стыдящиеся называться регентами и слили чисто регентское дело с общехоровым. Явился 3-й съезд хоровых деятелей, и мы видим, что он дал. <...> На нём всё, относящееся к регентству, было тщательно затёрто, обойдено <...> Вот почему я пока против слияния регентских съездов со съездами хоровых деятелей» [17, С. 304]. Вообще, регентская деятельность красной нитью проходила через всю жизнь композитора, не смотря ни на какие политические катаклизмы.

Связь с Синодальным училищем его выпускников сохранялась обычно всю жизнь. Чесноков, пройдя все этапы, — от ученика до преподавателя и помощника регента — так же, как и многие другие выпускники, оставался благодарным своей школе и, особенно, своему учителю и другу Степану Васильевичу Смоленскому. Около 1912 года по инициативе Чеснокова было создано Общество вспомоществования бывших воспитанников Синодального училища, которое решило установить в училище бюст Смоленского. Торжественное открытие бюста состоялось в октябре 1913 года. «Труд по сбору всей надобной суммы и все хлопоты по устройству и постановке бюста принял на себя ученик покойного, известный духовный композитор Павел Григорьевич Чесноков» [19, С. 171].

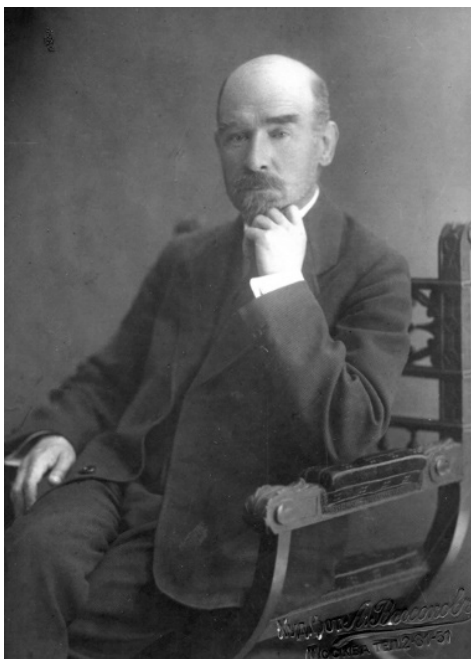

Фото 4. Павел Григорьевич Чесноков

В 1913 году, в возрасте 36 лет, будучи уже известнейшим регентом и автором духовных сочинений, он поступил в Московскую консерваторию, где посещал лишь некоторые предметы: композицию, историю музыки, гармонию, инструментовку. Там же он и продолжал сочинять музыку. К 1917 году, своему сорокалетию и году окончания консерватории, он имел 36 (из 38 им написанных) духовных опусов (всего к тому моменту их было 50 — вместе со светской музыкой), позади — два десятилетия неустанного труда на хоровом и регентском поприще и активной общественной деятельности [6, С. 6].

«Подобно Баху, вобравшему в себя всю немецкую музыку, существовавшую до него, чтобы затем по кирпичику выстроить грандиозное здание, неподвластное тлению, Чесноков к трагическому 1917 году подвёл итог тысячелетней истории русской церковной

музыки, вознеся над миром купол нерукотворного храма, призванного очистить души человеческие» [6, С. 3]. К 1917 году Чесноков достиг пика славы: его музыкальное творчество находилось в самом расцвете.

Как считают исследователи, истоки творчества Павла Чеснокова следует искать «в глубине веков, когда в монастырях и храмах полуязыческой Руси пелись одноголосные распевы, пришедшие из Греции и Византии. Строгий аскетический дух подвижников раннехристианской эпохи жил в этих песнопениях, устной традицией передаваясь из поколения в поколение. Помимо знаменного (одноголосного) распева употреблялись многоголосные» [6, С. 3].

Ну а главным идеологом и вдохновителем этого направления в русской духовной музыке выступил, конечно же, Степан Васильевич Смоленский – непосредственный учитель и наставник Павла Чеснокова, оказавший на него огромное влияние. Благодаря Смоленскому, «сложилось новое направление в русской духовной музыке – многогранное культурно-художественное явление, целостно охватывающее музыкальную композицию, научные труды по истории и теории древнего и современного церковного пения, тесно и непосредственно связанное с русской хоровой исполнительской школой» [10].

Павел Григорьевич Чесноков не мыслил себя вне церкви, оставаясь верным этому служению до конца своих дней. Наверное, не было случайностью и то, что именно Чесноков со своим хором участвовал в интронизации патриарха Тихона в 1917 году. Этот год стал переломным для всей страны, и для Павла Григорьевича в частности. Началась совсем другая жизнь – прекратилась работа летних регентских курсов, Синодальное училище сначала было преобразовано в Хоровую академию, а затем упразднено, храмы закрывались один за другим, а о регентских съездах уже не могло быть и речи.

Многие из окружения Павла Григорьевича Чеснокова либо эмигрировали, либо остались без работы, а ему на пятом десятке лет пришлось заново строить свою карьеру. С 1917 по 1920 год он преподавал в Музыкальном училище имени Октябрьской революции, а с 1920 года стал профессором Московской консерватории (и трудился там до конца жизни), где под его руководством выросло целое поколение хоровых деятелей. В 1917-1922 годах Чесноков руководил 2-м Государственным хором, в 1922-1923 годах – Московской академической капеллой. Как видно, «после Октябрьской революции Чесноков занимался преимущественно исполнительской и педагогической деятельностью. Обстоятельство это не случайно, так как в его творческом облике основной была исполнительская, а не композиторская сторона, и вторая всецело подчинялась первой» [3, С. 45].

Что в первую очередь привлекало слушателей в музыке Чеснокова? Её красота – красота мелодии, гармонии, хорового звучания. «Написано стильно и очень красиво», – отмечал критик в 1898 году об одном из песнопений. А в 1925 году, уже в советской стране широко отмечалось 30-летие композиторской деятельности Чеснокова. «Празднование развернулось довольно широко: в личном архиве Павла Григорьевича сохранилось более 40 поздравлений, присланных со всей России и от регентов, и от духовенства, и от прихожан, которые желали

почтить музыкальные труды Чеснокова. В одном из адресов говорилось: «Ваше имя тесно связано с каждым, даже мало музыкальным человеком, и нет того глухого угла в необъятной России, где бы ни наслаждались плодами Вашего творчества» [4, С. 78].

В ноябре 1925 года прошла торжественная литургия в ознаменование 30-летия регентской и композиторской деятельности Чеснокова в храме святого Василия Кессарийского (не сохранился). Хор этой церкви стал последним любительским коллективом, с которым проработал Чесноков до 1928 года. А вообще, в первые годы советской власти развилась практика духовных концертов, которые обычно проходили в приходских храмах в свободное от служб время. В таких концертах можно было увидеть многих выдающихся «синодалов», в том числе и Чеснокова [7, С. 244]. Но всё же постепенно и болезненно происходил переход к «новой жизни», которая в полной мере всех страданий и тягот проявилась в годы «антицерковной пятилетки» (1932-1937) [4, С. 79].

*Фото 5. Павел Григорьевич Чесноков (сидит в центре)
со студентами консерватории. 1940 г.*

После 1917 года, по имеющимся данным, Чесноков сочинил только 20 духовных произведений, некоторые из которых были изданы, а другие, оставшиеся в рукописях, вошли в опусы №51 и №53 [6, С. 7]. Последнее духовное сочинение композитора «Ангел вопияше»

было написано в конце 1927 года, когда шла непримиримая борьба с «опиумом для народа», а религиозное мировоззрение стало несовместимо с идеологией нового советского человека [2]. В эти же годы Павел Григорьевич Чесноков работал над главным теоретическим трудом своей жизни – книгой «Хор и управление им».

«Трудом всей жизни Павла Григорьевича стала фундаментальная работа “Хор и управление им”, начатая им в 1917, а завершённая лишь в 1930 году. Долгие годы рукопись лежала в ящике стола, неоднократно отвергаемая государственным музыкальным издательством по причине её “аполитичности”.

Известно, что Чесноков отправлял рукопись Сергею Рахманинову в надежде на её издание. В 1940 году, после долгих мытарств этот труд всё же был издан. Тираж разошёлся за считанные часы. До настоящего времени книга является настольной для ведущих мировых дирижёров» [2].

На самом деле, можно сказать, что работа над этим масштабным научным трудом началась ещё раньше, в 1912 году, когда Павел Чесноков «в процессе анализа состояния церковного хорового пения и осмысления своей регентской деятельности» написал брошюру «Записки регента». Этот небольшой по объёму труд (42 тетрадных страницы) содержал шесть заметок-размышлений, написанных просто, без лишней теории. Автор часто обращался к красочным сравнениям, ярко обрисовывающим излагаемую мысль [7, С. 85].

Павел Чесноков писал свою книгу изначально для регентов, и в первой части книги рассказывается именно о работе регента, заведовании нотами, о расположении хора в храме. Во второй части определяются практические приёмы управления хором. «В книге отчётливо ощущается тот внутренний надлом, который произошёл в авторе после революции. По первоначальному замыслу этот труд должен был подвести итоги и сделать обобщение церковно-певческого опыта, наполнявшего жизнь композитора и регента, но из-за атеистической политики советской власти Чесноков был вынужден писать просто о хоре» [6, С. 7]. В результате корректуры из текста было изъято всё, так или иначе связанное с церковью и церковным пением. «Вместо многочисленных примеров из церковных песнопений были подобраны фрагменты из светских сочинений самого Чеснокова и других композиторов» [7, С. 93]. С тех пор труд неоднократно переиздавался и переводился на иностранные языки – и это вполне заслуженно: специалисты считают, что лучшей книги, соединяющей в себе теорию и практику дирижирования хором, ещё никто не написал.

В одной из публикаций о Чеснокове сказано: «Это была незаурядная личность. Он был последним регентом Храма Христа Спасителя, бывшего Московского кафедрального собора, взорванного в сталинское время. Когда храм был разрушен, Павел Чесноков был настолько потрясён этим, что перестал писать музыку. Он дал своеобразный обет молчания. Как композитор он умер вместе с Храмом Христа Спасителя. Великолепнейший музыкант, Павел Чесноков очень тонко чувствовал каждое слово, каждый стих, каждую молитву. И всё это отражал в музыке» [14].

Последние годы жизни Павла Григорьевича Чеснокова были наполнены нуждой и лишениями, хотя за границей его сочинения издавались и пользовались большим успехом. Затем началась Великая Отечественная война. «Старые певчие вспоминали, что Чесноков, будучи регентом, не поехал вместе с большой группой профессоров Московской консерватории в город Нальчик и, лишившись хлебных карточек, провёл последние дни в очередях в булочную на улице Герцена, где и нашли его замёрзшее, бездыханное тело, навсегда покинутое чистой, по-детски наивной душой» [6, С. 7].

В противовес к сказанному можно привести цитату из интервью с Борисом Таракановым, который несколько лет назад отыскал в архивах партитуру неопубликованной ранее оперы Павла Григорьевича Чеснокова «Потоп», написанной в судьбоносном 1917 году. Отвечая на высказывание, что за многие годы личность Чеснокова обросла множеством мифов, исследователь говорил: «Я сам когда-то повёлся на одну досужую легенду об обстоятельствах смерти Чеснокова, и даже, каюсь, дал ей ход на страницах книги “Хор вам в помощь!” – якобы композитор умер от голода на ступеньках булочной напротив консерватории. Легенда оказалась столь же жутковато-красивой, сколь и не состоятельной – Чесноков умер в больничной палате №5 Института Склифосовского, это неоднократно подтверждал его внук, Павел Сергеевич Новожилов, даже дубликат свидетельства о смерти публиковался» [1].

Последнее пристанище Павел Григорьевич нашёл на Ваганьковском кладбище в Москве. Цитата из некролога, опубликованного в журнале Московской Патриархии в 1944 году: «11 марта сего года скончался, на 67-м году жизни, виднейший русский композитор в области церковной музыки и выдающийся мастер хорового искусства – Павел Григорьевич Чесноков. Вечером следующего дня многочисленные представители музыкальной Москвы, друзья и родные покойного собрались в храме, что в Брюсовском переулке, отдать Павлу Григорьевичу последний долг» [9, С. 27]. Заканчивался некролог так: «В музыке церковных песнопений П. Г. Чесноков оставил нам великолепные, неувядающие плоды своего музыкального дарования, одухотворённого верой в Бога и любовью к родному русскому искусству хорового пения. Эта музыка, окрыляющая наши молитвы во время богослужения, останется вечным памятником скромной и светлой личности покойного» [9, С. 28].

Легко заметить, что ни в одной публикации о Павле Григорьевиче не сказано о его личной жизни. Свет на это пролил истринский краевед Сергей Павлович Носиков в своей книге о селе Ивановском: «У Павла Григорьевича не было своих детей. Ещё до революции (примерно в 1908 году) он познакомился с начинающей артисткой Юлией Владиславовной Карнатовской. Та уже была без мужа с дочерью на руках, которую звали Галина. По рассказам этой женщины, её с мамой привёз Павел Чесноков из Ташкента. А поженились они примерно в 1925 году.

Галина Павловна вышла замуж за педагога, любителя хорового пения Сергея Новожилова. Через год у них родился сын Павел. Отец ребёнка погиб в 1942 году, Галина Павловна после окончания войны вышла второй раз замуж за В. Гурьева, сына московского протоиерея» [8, С. 246]. Остаётся добавить, что Юлия Владиславовна Чеснокова скончалась в 1962 году и была погребена в одной могиле с мужем.

Музыкальное наследие Чеснокова велико: оно составляет более пятисот произведений, написанных для хора. Сам композитор в письме к Альфреду Свану от 22 октября 1933 года сообщал, что написал около пятисот духовных и около ста светских сочинений [13]. Прежде всего, это церковные произведения для богослужбной практики, включающие ряд полных циклов литургии и всенощного бдения и избранных песнопений из них, отдельные сборники, многочисленные переложения, гармонизации распевов и другое.

В постсоветские годы в Москве было предпринято несколько попыток издания произведений Павла Чеснокова, однако пока полного собрания его сочинений так и не издано. Хотя музыковед, исследователь его творчества Алексей Александрович Наумов составил подробный «Перечень духовно-музыкальных сочинений П. Г. Чеснокова», дающий ясное и чёткое представление о хронологии его творчества с 1895 по 1927 год [10]. Ещё нельзя не упомянуть, что до сих пор нет ни одного памятника или бюста Чеснокову, а на месте его захоронения на Ваганьковском кладбище – самая простая мраморная доска.

В завершение рассказа о композиторе хотелось бы несколько слов сказать о том, каким он был человеком. Ученик Чеснокова, советский хоровой дирижёр Клавдий Борисович Птица писал: «Павел Григорьевич Чесноков был человеком глубокой порядочности, сохранившим до преклонных лет наивную простоту и непосредственность своей поэтической и тонко чувствующей души. Он имел настойчивый и упорный характер, неохотно отказывался от составленных ранее мнений, в суждении и высказываниях был прямым; внутренне сосредоточен; в проявлении чувств сдержан и немногословен, лишь изредка обнаруживая значительную внутреннюю силу натуры; склонен к тонкому и умному юмору; во всех своих действиях всегда нетороплив, пунктуален; в обращении с людьми, как правило, внимателен, корректен и сдержанно ласков, исполнен большого человеческого обаяния, верен своим дружественным чувствам» [12, С. 62-63].

Список использованной литературы и источников:

1. Библейский код Павла Чеснокова : Интервью с Борисом Таракановым / бесед. Татьяна Свиридова // Открытый текст : электрон. период. издание. URL: <https://www.tuzklondike.ru/announc/340>. (дата обращения: 15.01.2025).
2. Великий мастер хорового искусства // Российский национальный музей музыки / Новости от 24.10.2022. URL: <https://music-museum.ru/about/news/velikij-master-horovogo-iskusstva.html> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Дмитриевская, К. Н. Павел Григорьевич Чесноков / К. Н. Дмитриевская // Русская советская хоровая музыка. – Москва : Советский композитор, 1974, – Вып. 1. – С. 43-68.
4. Кравец, Л. Л. Павел Григорьевич Чесноков: жизнь и творчество / Л. Л. Кравец // Труды Московской регентско-певческой семинарии. 2000-2001. Наука. История. Образование. Практика музыкального оформления богослужения: сборник статей, воспоминаний, архивных документов. – Москва, 2002. – С. 67-85.

5. Метрическая книга Успенской церкви при Ивановской суконной фабрике. 1877 год. - ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 768.
6. Муратов, А. Г. Чесноков Павел Григорьевич / А. Г. Муратов, Д. Г. Иванов // Собрание духовно-музыкальных сочинений. Тетрадь 1. Для хора без сопровождения. – Москва : Фонд «Молодёжь за Россию», 1994. – 39 с.
7. Нефёдов, А. П. Г. Чесноков – дирижёр, регент, учёный / А. П. Нефёдов // Труды Московской регентско-певческой семинарии. 2000-2001. Наука. История. Образование. Практика музыкального оформления богослужения: сборник статей, воспоминаний, архивных документов. – Москва, 2002. – С. 85-109.
8. Носиков, С. П. История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви (по материалам архивных исследований) / С. П. Носиков. – Москва : Сам полиграфист, 2023. – 656 с.
9. П. Г. Чесноков (некролог) // Журнал Московской Патриархии. – 1944, №4. – С. 27-28.
10. Плотникова, Н. Ю. Чутко к музыкальной красоте, к движениям душевным // Православие и современность. Саратовские епархиальные ведомости / Н. Ю. Плотникова. – 2017, №41(57).
11. Птица, К. Б. Мастера хорового искусства в Московской консерватории / К. Б. Птица. – Москва, 1970.
12. Смоленский, С. В. Синодальный хор и училище церковного пения / С. В. Смоленский // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 1. – Москва, 1998. – С. 42-149.
13. Тевосян, А. Т. Неизвестные письма П. Г. Чеснокова / А. Т. Тевосян // Московский журнал. – 1999, №6. – С. 42-46.
14. Терновых, Е. Памяти Павла Чеснокова, русского композитора – посвящается // pravoslavie.uz : официальный сайт. URL: https://pravoslavie.uz/archdiocese/department_diocese/Sretenie/NamDate/22.php. (дата обращения 02.09.2024).
15. Филиппов, Ф. Павел Григорьевич Чесноков: биография и творчество // FB.ru. : портал. URL: <https://fb.ru/article/458886/pavel-chesnokov-biografiya-i-tvorchestvo>. (дата обращения 05.09.2024).
16. Хоровое и регентское дело. – 1909, №2 – 1909.
17. Хоровое и регентское дело. – 1910, №12 – 1910.
18. Хоровое и регентское дело. – 1913, №4 – 1913.
19. Хоровое и регентское дело. – 1913, №11 – 1913.
20. Хоровых дел мастер // Православный паломник: электронный журнал, официальное издание Паломнического центра Московского Патриархата. – <https://journalpp.ru/page.php?id=295>. (дата обращения 15.09.2024).
21. Чесноков, П. Г. Хор и управление им. Пособие для хоровых дирижёров / П. Г. Чесноков. – Москва : Музгиз, 1961. – 240 с.

В.Б. Маслова

ЧТОБ НЕ РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Натан Александрович Шнеерсон – под таким именем вошёл в историю культуры России человек, которому выпала честь стать основателем и Первым¹ директором одного из самых замечательных российских музеев – музея «Новый Иерусалим»².

Самым, наверное, знаковым в культурной жизни города Воскресенска 1920-х годов XX века (ныне г. Истра) было закрытие Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и основание в его стенах нового музея³ [4, С. 75]. История эта довольно подробно описана в книгах, изданных музеем. Фундаментальная научная статья Александры Геннадьевны Смирновой довольно подробно рассказывает о «золотом десятилетии» воскресенско-

Фото 1. Натан Александрович Шнеерсон

го краеведения, о документах, в которых можно почерпнуть сведения о деятельности его сотрудников, в том числе Натана Александровича Шнеерсона. Об этом человеке, о его деятельности написано много, не всегда одна информация стыкуется с другой, много тёмных пятен.

Цель моей работы – рассказать о важных вехах личной биографии Натана Александровича Шнеерсона, которая во многом парадоксальна. Как «капля в море российской истории», она отражает время, в которое ему выпало жить. Родился герой моего рассказа под одним именем, а своей деятельностью прославил имя умершего родственника. Хорошо обеспеченный капиталами отца, юноша ратовал за

¹ Заведующей историко-художественным музеем 29 марта 1920 года назначена местный педагог П.К. Разумовская.

² Название музея в годы работы Н.А. Шнеерсона: ноябрь 1921 года — Музей местного края; апрель 1922 года — Государственный историко-краеведческий музей; начало 1930-х годов — Государственный опытно-показательный музей Московской области в г. Истре; 31 декабря 1935 года — новый объединённый музей Московской области - Московский областной краеведческий музей (МОКМ).

³ Новоиерусалимский монастырь был национализирован 14 июля 1919 года. Закрытие монастыря завершилось 11 ноября 1919 года.

свержение богатых. Не окончил даже трёх классов гимназии, а стал экспертом в области истории и искусства. Сидел как в царской тюрьме, так и при советской власти. Противостоял идеям Ленина, а стал советским высокопоставленным чиновником, директором государственного музея, при этом числился беспартийным. Был атеистом, как и все революционеры, а музей, который он возглавил, располагался в стенах монастыря. Парадоксально. Но обо всём по порядку.

Итак, родился Анатолий Абрамович Шнеерсон 6/18 марта 1881 года в зажиточной еврейской семье в городе Екатеринославе Екатеринославской губернии.

Отец Анатолия - Абрам Лейбович Шнеерсон - потомок знаменитого Alter Rebe из Любавичей, купец первой гильдии, владел домами и довольно крупными мануфактурными магазинами в Петербурге. Абрам Лейбович получил сословные привилегии – он, например, был избавлен от ограничений, связанных с обязанностью проживать в черте оседлости, на него это правило не распространялось. Поэтому из Екатеринослава семья смогла переехать в Петербург.

Дочь и первый сын Абрама Шнеерсона стали зубными врачами. Второй сын выучился на юриста. А вот третий сын Абрама Лейбовича, Анатолий рано увлёкся революционными социал-демократическими идеями. Именно поэтому его обучение закончилось, когда ему было 13 лет. Он учился в третьем классе гимназии, когда скончался император Александр III (20 октября [1 ноября] 1894 года). Во время панихиды по усопшему царю в гимназии младший Шнеерсон отказался встать на колени. Стало известно о связи Анатолия с революционным кружком, из образовательного учреждения он был исключён. В дальнейшем, в анкетах Анатолий Абрамович Шнеерсон в графе образование будет писать – начальное. Отец был очень недоволен поведением своего третьего сына. То ли отец выгнал непутёвого сына из дома, то ли юный революционер сам порвал с семьёй после конфликта с отцом, неизвестно. Но с 13 лет Анатолий стал жить у чужих людей и обучаться профессии фотографа.

О дальнейшей «революционной» странице жизни Анатолия Абрамовича можно найти упоминание в Полном собрании сочинений В.И. Ленина [7]. Шнеерсон А. А. — социал-демократ, указана профессия — фотограф. В сентябре 1902 года Анатолий Абрамович входил в группу пропагандистов Петербургского искровского комитета, вёл переписку с редакцией «Искры», участвовал в съездах РСДРП. Составил проект «Организации С.-Петербургской революционной партии» и послал его В. И. Ленину для критики. Ответом явилось ленинское «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», опубликованное автором в 1904 году отдельной брошюрой в Женеве. В ноябре 1902 года Шнеерсона арестовали в Киеве по делу петербургской организации «Искры»⁴. В апреле 1903 года он был отдан под особый надзор полиции в Петербурге. С мая 1903 года жил в Германии. Выехал в Женеву.

⁴ Из письма Комитета государственной безопасности на имя дочери Шнеерсона Веры Натановны: «...член РСДРП /м/ с 1902 по 1917 год. Аресты за революционную деятельность до революции: 1903, 2904, 1906, 1907 гг.

На II съезде РСДРП (июль 1903 года, Брюссель — Лондон) произошёл раскол партии на большевиков и меньшевиков. Шнеерсон занял позицию лидера меньшевиков - Мартова, в чьей партии играл не последнюю роль.

После II съезда РСДРП юный меньшевик работал в Ростове-на-Дону, Киеве, Одессе и Петербурге. Анатолий Абрамович был сотрудником сборников: «Освобождение труда» (Одесса, 1907), «Отголоски» (Спб., 1907) и др. Печатался под псевдонимами: Фрид—ъ; Фрнд—т. [8, С.530]. В партийных документах указаны псевдонимы: Фридрих, Ерёма, Стенька.

В конце 1903 года объезжал южные комитеты РСДРП. В марте — апреле 1904 года — Шнеерсон в Николаеве. 28 (15) апреля 1904 года был арестован в Ростове-на-Дону и до февраля 1905 года сидел в тюрьме [16].

В списках делегатов V (лондонского) съезда Шнеерсон А. А. — делегат «с решающим голосом» от Екатеринославской губернии, меньшевик. Был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП (предположительно). На съезде убеждённый меньшевик посмел выступить с критикой взглядов В. И. Ленина. Из воспоминаний дочери Анатолия Абрамовича Александры: «Помню, ещё в детстве слышала о таком эпизоде. Отец был делегатом на Лондонском съезде и выступил там с горячей речью, критикуя позиции большевиков. Замечу, что партийная кличка его была Ерёма⁵. Ленин со злым лицом слушал отца, а когда тот окончил, ехидно проговорил: «Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома!». По мнению дочери, с тех пор Ленин затаил на отца злобу.

По совету одного из старших товарищей, Анатолий самоучкой освоил курс математики в объёме, необходимом для работы банковского клерка. И тот же товарищ устроил его в банк, где сам занимал видное место. Так Анатолий стал банковским служащим и успешно продвигался по служебной лестнице. Он получил командировку в Екатеринослав, чтобы установить связи со здешним отделением банка. Это вышло очень кстати, так как совпадало с партийными делами в городе.

В Екатеринославе Анатолия, приехавшего «из центра», особенно интересовала работа марксистских кружков. Один из таких кружков в общезнании рабочих железнодорожных ремонтных мастерских вела молоденькая революционерка Сарра Губер-Гриц. Сарра родилась в 1888 году в Таганроге⁶, была младшей дочерью в семье Анны Захаровны и Абрама Самуиловича Губер-Гриц. Отец умер, когда младшей из трёх дочерей было семь лет. После окончания Таганрогской гимназии она переехала в Екатеринослав. Девочка рано увлеклась социалистическими идеями и решила посвятить свою жизнь борьбе за свободу и счастье народа, под разными предлогами убегала из дома на сходки, собрания, митинги. Вскоре

⁵ В документах съезда РСДРП указан псевдоним Шнеерсона - «Фридрих».

⁶ Вторым мужем Сарры стал Роберт Соломонович Гильман. Он был дважды арестован: в 1922 году на 3 года, второй раз его арестовали в 1929 году. Сарра уезжала вслед за мужем в Сибирь. Детей Шнеерсона от первого брака, Александру и Марию, растили бабушка и сёстры жены. Проживали они в Петербурге. Умерла Сарра Губер-Гриц, по первому мужу Шнеерсон, 21 августа 1973 года в Царском селе, похоронена на Казанском кладбище.

товарищ Губер-Гриц получила задание вести кружок, в котором она и познакомилась с товарищем из «центра». Молодые люди поженились и вскоре переехали в Петербург.

В годы реакции Анатолий отошёл от политической деятельности. Унаследовав от отца значительные средства, вернулся в Россию, формально вышел из партии меньшевиков, но фактически стал одним из ключевых спонсоров меньшевистской партии. Шнеерсон-младший получил в наследство от отца в модном курортном городке Сестрорецке пять дач, которые приносили хороший доход. Немалые деньги Анатолий зарабатывал в банке. Но, человек редкой доброты, он широко помогал друзьям и знакомым – всем, кому нужна была помощь. В доме Анатолия Абрамовича подолгу жили друзья, нуждающиеся в поддержке.

По совету мужа Сарра поступила на Высшие историко-литературные и юридические женские курсы Н. П. Раева и возобновила занятия пением. Анатолий вместе с женой изучал курс истории, литературы, искусства. Несмотря на хороший достаток, жили Шнеерсоны очень скромно. В 1910 году в Екатеринославе в семье родилась старшая дочь. Её назвали Александрой в честь старшего брата жены, с которым в этот год случилось несчастье. При невыясненных обстоятельствах Александр Губер-Гриц был найден повешенным (ходили слухи, что причиной стала несчастная любовь). Анатолий и Сарра жили в Петербурге, лето проводили на даче. В 1915 году в семье родилась вторая дочка, её назвали Марией в честь подруги матери Сарры.

Фото 2. Анатолий Шнеерсон и его первая жена Сарра, 1910 г.

Февральскую революцию 1917 году Шнеерсоны встретили радостно. Но отец решил увезти семью к бабушке, на юг в Екатеринослав, подальше от беспокойного и голодного Петро-

града. А сам вернулся в Петербург домой по делам. Знакомая Анатолия, Любовь Николаевна Радченко, попросила привезти к ней в Киев свою дочь, которая жила и училась в Москве.

Евгения (1895 г.р.)⁷ к тому времени уже имела серьёзный жизненный опыт. В годы Первой мировой войны (1914-1916 гг.) она была сестрой милосердия в госпиталях и лазаретах Земского Союза⁸, в «передовых отрядах» Юго-Западного и Западного фронтов. Свою деятельность на медицинском поприще она начинала в одном из госпиталей под Новым Иерусалимом. В октябрьские дни 1917 года Евгения была в большевистском штабе, готовила с другими сёстрами милосердия перевязочный материал для пункта Красного Креста для приёма раненых [1, С.239]. Вернувшись с фронта, Евгения активно занималась общественной работой: Совет рабочих депутатов в Бутырском районе (1917-1918 гг.), организация профсоюза работников стекольной и фарфоровой промышленности.

22-летняя Евгения Радченко была страстно влюблена в Анатолия. Как написано в воспоминаниях дочерей от первого брака: «В пути (в поезде по дороге в Киев) произошло непоправимое...». В Екатеринослав Анатолий вернулся убитый, потерянный. «Это – как пожар ... – это как стихия, и человек с ней не в силах совладать...». Шнеерсон ушёл из семьи⁹. С новой женой он жил в Киеве.

С первых же дней революции 1917 года он деятельно участвовал в работе Петроградского рабочего кооператива и в 1918 году оказался уполномоченным «Пецкеркоопа»¹⁰ на Украине по заготовке и снабжению продовольствием рабочих Петербурга. Он успел наладить производство и отправку различных видов продовольствия, но приход «белых» в Киев остановил эту работу. Шнеерсон пытался всеми способами спасти созданные склады продовольствия. Он даже имя поменял.

У старших дочерей Шнеерсона, рождённых в первом браке, отчества – Анатольевны. Сын и две дочери, рождённые во втором браке, будут носить отчество Натановичи. В ходе революционной круговерти, при не до конца выясненных обстоятельствах, Анатолий начал использовать паспорт умершего родственника. Шнеерсон стал Натаном Александровичем.

Дом, в котором снимали комнату Шнеерсоны, находился напротив Царского сада, на высоком берегу Днепра. Позже семья переехала в деревянный особняк на Михайловской

⁷ Евгения Степановна Радченко (21.10.1895 – 9.01.1987) родилась в Петербурге. Училась сначала в гимназии Екатеринославля. В 1911 году закончила с золотой медалью одну из лучших Киевских частных женских гимназий. В 1912-1917 обучалась на Историческом факультете Московских Женских курсов Герье. С 6 класса гимназии репетиторствовала. Летом 1914 года заведовала яслями в Тульской губернии. Радченко знала три языка: немецкий, французский, английский.

⁸ Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам был основан в Москве 30 июля 1914 года на съезде уполномоченных губернских земств.

⁹ Сарра и Анатолий после разрыва оставались в дружеских отношениях, регулярно переписывались. Отец систематически посылал детям деньги, девочки писали отцу нежные письма. Александра приезжала к отцу в Подмосковье.

¹⁰ Петроградский центральный рабочий кооператив.

улице около площади Софийского собора. Киев переходил из рук в руки: гремели разрывы снарядов, жильцы прятались в подвалах. В Киеве 2 августа 1919 года у супругов родился сын Дмитрий. Два с половиной года Шнеерсоны жили в Киеве, с ними жили тёща Анатолия, Любовь Радченко, и свояченица Наташа.

Пожар Гражданской войны полыхал на Украине четыре года. Красные, белые, денкинцы, петлюровцы, махновцы. При белых Шнеерсон работал в Городской думе, поэтому с приходом красных ему пришлось бежать [1]. Это написано в книге Н.В. Баранской – первое издание 2009 год. Из биографии жены Шнеерсона, написанной в 1974 году узнаем, что власти «Добровольческой армии» арестовали Шнеерсона: «Он бежит из-под ареста, и мы с грудным ребёнком на руках уходим из Киева. По дороге попадаем в руки махновцев, пережив массу тяжёлых моментов, после долгих мытарств только к зиме 1920 года попадаем в Москву».

Пришедшие к власти большевики начали закручивать гайки. Уже весной 1918 года начались аресты и казни: в Рыбинске, в Сестрорецке, Тамбове, на Урале проводились расстрелы. В мае 1920 года большевики запретили меньшевистскую печать.

Здоровье Натана Александровича было совершенно подорвано (нервное расстройство). Он согласился на предложение своей двоюродной сестры Елены Иосифовны Кабо, работавшей в библиотеке в Воскресенске Московской губернии, приехать в провинциальный городок на реке Истре, где ему, вероятно, удастся найти работу. Действительно, по приезду в Воскресенск (10 апреля 1921 года) Шнеерсон был приглашён заведовать Уездным статистическим бюро. Сравнительно спокойная обстановка подмосковного городка, знакомая работа (статистика) – всё это привело к быстрому восстановлению здоровья, и Натан Александрович буквально ринулся в работу.

В 1921 году в Подмоскowie был образован Воскресенский уезд из части территории Звенигородского и упразднённого Рузского уездов. Предстояло провести учёт населения, земельных площадей, посевов. После революции Евгения Степановна Радченко, жена Шнеерсона, закончила курс «Исторических наук» и стала работником профсоюза. Она вспоминала: «Мне поручили организовать работу по изучению современности Воскресенского уезда. В первую очередь производила обследование уезда в сельскохозяйственном отношении (данные о рабочей силе, земле и посевах в населённых пунктах). Телефонная связь была тогда лишь с волостными центрами, транспортом уисполком не располагал. Поэтому ходили пешком по всему уезду. На оплату этого труда было выделено несколько мешков соли» [5]. Шнеерсоны не планировали ни жить в Воскресенске, ни становиться краеведами. Они работали в исполкоме.

Музей

Но судьба распорядилась иначе. В Воскресенске Шнеерсон обратил внимание на величественный православный монастырь, который действовал в Новом Иерусалиме вплоть до революции. Под давлением революционеров монахи монастырь покинули, и здания

монастыря начали разрушаться. Шнеерсону пришла в голову мысль использовать пустующие постройки и организовать в них историко-краеведческий музей. В июле 1921 года Натан Александрович подал в исполком докладную записку с обоснованием необходимости создания краеведческого музея и перечнем необходимых отделов.

Члены президиума исполкома доброжелательно встретили докладную записку: «признать организацию музея в высшей степени необходимой». Это начинание получило поддержку местных советских органов. Так подмосковный монастырский комплекс «Новый Иерусалим» фактически получил вторую жизнь. Натан Шнеерсон стал директором нового музея. Семнадцать лет (1920—1937 годы) Шнеерсон возглавлял Государственный музей

Фото 3. Евгения Степановна Радченко

Московской области «Новый Иерусалим». Евгения Степановна Радченко, жена Натана Александровича, его верная помощница, разделяла с ним научное руководство музеем, она заведовала историческим отделом, была учёным секретарём.

Натан Александрович в буквальном смысле возродил Воскресенский край, обследовал бывшие храмы и церкви, ближние и далёкие сёла (в поисках экспонатов), (...) подобрал штат талантливых реставраторов. (...) Под его руководством в Иерусалимском храме начались большие реставрационные работы. Он был пионером раскопок древних курганов и городищ на территории Истринского района.

В 1920–е годы Шнеерсон развернул активную работу по обследованию усадеб западной части Московской губернии. Общались с крестьянами,

обследовали кустарные промыслы, изучали фабрики и заводы. Мандаты, выданные Шнеерсону Главмузеем, давали право вывозить в музей художественные коллекции из усадеб и церквей («Помгол»¹¹), которым грозила гибель. Он широко пользовался этим правом, подчас вступая в противоборство с местными властями, желавшими самостоятельно распоряжаться обобществлённым имуществом, а иногда натываясь и на сопротивление своих коллег-музейщиков [2, С.17].

Сотрудники музея предприняли десятки экспедиционных обследований хозяйств, промысловых артелей, а также заводов и фабрик не только Воскресенского, но и Звенигородского, Рузского, Тульского, Каширского, Коломенского и других районов, поскольку по административному делению того времени все они входили в состав Московской области. Из этих экспедиций сотрудники привозили не только материалы обследований, на которых строились доклады, отчёты и публикации, но и новые экспонаты, пополняющие музейные фонды.

¹¹ Помгол, или ВК Помгол — общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ).

Директор музея был членом райисполкома, заведующим уездным статистическим бюро; музей строил свои планы, исходя из задач экономики и культуры района, учитывая его нужды и достижения.

В соответствии с этой принципиальной концепцией были разработаны методологические принципы, изложенные в докладе «Принципы построения Государственного историко-художественного музея в г. Воскресенске». Доклад сделал Н.А. Шнеерсон «2 сентября 1926 г. в Методической комиссии по краеведческим музеям Отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса». Е.С. Радченко приводит конспективную формулировку этих принципов: «... основой деятельности музея является его научно-исследовательская работа. Музей изучает жизнь края в его прошлом и настоящем, считая, что правильное понимание современности невозможно без знания прошлого».

О том, какой популярностью пользовался музей, говорит хотя бы то, что в начале 30-х годов он — первый и единственный из всех подмосковных музеев — стал Московским областным музеем. К 1936-му году его ежегодно посещали до 40 тысяч человек. Под началом музея в ноябре 1924 года было создано краеведческое общество [19, С.43].

Население активно вовлекалось в изучение своего края. Особое место в просветительной деятельности музея занимала школа — учителя и учащиеся. Все виды работы музея требовали внимания, времени и сил директора музея. Однако, отдельно следует сказать о той части его работы, которая связана с обеспечением музея средствами. Почти всё время музей жил на официальном бюджете, очень скромном, из которого 50% составляли спецсредства, которые музей имел право добывать «на месте». Добывание денег «на месте» означало непрерывную и трудоёмкую работу, которая целиком ложилась на директора музея. Это — эксплуатация фруктового сада, земельного участка, питомника подопытных животных, реализация продукции с этих объектов, эксплуатация городской бани, единственной в городе и находящейся на территории музея [3]. Н.А. Шнеерсон работал без выходных и отпусков. Единственный раз за весь 16-летний период он воспользовался путёвкой в свой летний отпуск.

С 1929 года начались политические процессы, направленные на перестройку научной мысли, по «делу академиков» начались аресты сотрудников Академии наук, в основном историков-архивистов. И под следствием оказались историки, архивисты, краеведы, искусствоведы и сотрудники музеев. Провинциальные отделения Центрального бюро краеведения закрылись как филиалы «монархической контрреволюционной организации». Проводились аресты краеведов по всей стране.

Н.В. Баранская в своей книге пишет, что Н.А. Шнеерсона в годы советской власти арестовывали дважды. Первый арест был связан с делом краеведов, гонение на которых началось в 20-е годы. Н.В. Баранская пишет: «К концу 20-х годов краеведческое движение оформилось организационно. Центральное бюро краеведения (ЦБК) в Ленинграде объединило учёных - историков, географов, филологов, готовых помогать местным силам. Та-

кая структура – центр и широкая сеть на местах – показалась соблазнительной «органам»: можно было изобразить краеведение контрреволюционной силой с хорошо организованной сетью. Предполагалось устроить судебный процесс. Думаю, что дьявольская выдумка использовать ЦБК для уничтожения старой интеллигенции, принадлежала не одному только ГПУ. Вероятно, замысел родился в структурах ЦК ВКП(б). Живое просветительское дело краеведов, основанное на памятниках культуры и произведениях искусства, противостояло серости и скуке «политпросвещения».

В начале 30-х годов (по воспоминаниям Баранской) в Петербурге арестовали приятельницу Шнеерсонов, убеждённую меньшевичку, Бетю Штейнпресс. В библиотеке, где она работала, нашли бандероль из-за границы с номерами «Социалистического вестника», издававшегося Мартовым. Бетя часто бывала в первой семье Анатолия, которая тогда жила в Петербурге. При обыске изъяли записную книжку с адресами знакомых: Лиды, сестры первой жены Шнеерсона, и самого на тот момент Натана Александровича Шнеерсона. Для распоряжения об аресте этого оказалось достаточно. Он был арестован, хотя вскоре был отпущен¹². За Шнеерсона хлопотала тёща - Любовь Радченко (Баранская), жена Степана Радченко, соратника Ленина, друга семьи Аллилуевых. Натана Александровича в начале 1930-х годов с трудом удалось спасти [14].

В 1930 году на Первом Всероссийском музейном съезде¹³ Н. А. Шнеерсон выступил с большим докладом о новых на тот момент идейных и практических принципах организации советских краеведческих музеев [10, С.700].

В 1933 году Шнеерсона вновь арестовали. Это было связано с борьбой управления по строительству канала «Москва-Волга» с Дмитровским краеведческим музеем. Для решения вопроса была создана правительственная комиссия. Натан Александрович Шнеерсон был членом этой комиссии, представителем от Наркомпроса. Он защищал директора Дмитровского музея Кирилла Алексеевича Соловьёва, с которым был дружен. Сотрудников Дмитровского музея арестовали 20 января 1933 года и отправили в Бутырскую тюрьму. Через несколько месяцев их отпустили без права возвращения в Дмитров. Видимо, в эти же сроки был арестован и Натан Шнеерсон. И на этот раз его отпустили.

В Воскресенске (с 1930 года – Истре) семья Шнеерсона жила по адресу улица Урицкого, дом 19. Я решила разыскать это место. Как известно, в годы войны Истра выгорела почти дотла. Старожилы-истринцы рассказали, что после войны людям выделяли участки под строительство и делянки в лесу, для распила деревьев для строительства дома. Если за два года обладатели участка дом так и не смогли построить, участок в городе отбирали. Место,

¹² Возможно, Баранская ошибается, это было не в начале 30-х годов. Об аресте Шнеерсона в 1928 году указано в справке КГБ СССР от 09.07.1990 № 6/М-441 на имя дочери Шнеерсона – Веры Натановны Михайловой.

¹³ Первый Всероссийский музейный съезд был созван в Москве 1 декабря 1930 г. в помещении Политехнического музея. В его работе приняли участие 500 делегатов, в том числе 70 представителей краеведческих музеев.

на котором стоял дом, где жили Шнеерсоны, облюбовала семья Бурмистровых. Они до войны жили рядом со Шнеерсонами. Причина, по которой соседи решили выбрать участок рядом: «очень крепким был фундамент», сообщил мне Алексей Николаевич Бурмистров – хозяин дома. Поскольку нумерация домов на улице Урицкого менялась несколько раз, сейчас на участке, где когда-то жила семья Н.А. Шнеерсона, располагается дом №17.

Террор

Ранней весной 1937 года музей посетил видный советский военный деятель, военачальник РККА времён Гражданской войны, военный теоретик, Маршал Советского Союза (1935) Михаил Николаевич Тухачевский [11, С.252]. Натан Александрович показывал маршалу музей. Михаил Николаевич просил подобрать предметы искусства (картины, скульптуру) для военного санатория в Архангельском, которым занимался лично. Визитов было несколько, второй – в мае 1937 года.

Радченко вспоминала: «Толя принимал приятного ему гостя радушно, показывал храм, водил по монастырским стенам, по Гефсиманскому саду, он любил своё «хозяйство», охотно рассказывал о том, что успел и что предполагает сделать. В конце экскурсии показывал ферму, угощал свежим творогом со сметаной, хвалился породистыми коровами, хвалил работников»¹⁴ [1, С.547]. Сын Дмитрий помогал приехавшим при передаче, упаковке и погрузке картин.

22 мая 1937 года Тухачевский был арестован в Куйбышеве, 24 мая перевезён в Москву, 26 мая дал первые признательные показания [17] в подготовке военного заговора в РККА, целью которого было насильственное свержение власти и установление в СССР военной диктатуры, признал, что им были переданы германской разведке сведения, составляющие государственную тайну, о количестве и местах сосредоточения РККА в приграничных областях.

27 мая 1937 года был арестован сын Шнеерсона Дмитрий Натанович (1919-1941 гг.) как участник «маршальского заговора», за контрреволюционную агитацию среди молодёжи. До выпуска из 10 класса оставался всего месяц. Дмитрий заканчивал школу имени Тимирязева, ныне школа имени А. П. Чехова, с 1934 по 1937 год был членом ВЛКСМ. Решением Истринского РК ЛКСМ от 03.09.1937 г. был исключён из рядов ВЛКСМ за политическую неустойчивость.

Н. В. Баранская пишет: «Старшеклассники обсуждали, возможна ли война СССР с Германией, и если она будет, то кто начнёт первым. Дима сказал неосторожно: «Гитлер уж, наверное, не глупее Сталина». Один из участников беседы сбегал к секретарю комсомольской ячейки, а тот передал по инстанции. Если взрослые уже понимали, что каждое слово, сказанное о «вожде», может оказаться гибельным, то юность ещё не набралась мудрости. Донос одноклассника и казался нам причиной ареста Димы».

¹⁴ В книге Баранской Н.В. «Странствие бездомных» целая глава «Истринская трагедия» посвящена трагическим событиям 1937 года (С. 546-556).

Шнеерсон-отец был арестован 28 мая 1937 года¹⁵. Уводили Натана Александровича под конвоем. Его последними словами жене были: «Продай всё, береги детей». Дочерей Евгения Степановна отправила в Нальчик к подруге, предупредив ее телеграммой. В поезд на Курском вокзале девочек посадила домработница Вера.

Евгения Степановна регулярно ходила на Кузнецкий мост, дом 24. «Направо от ворот стояло здание, где находилось справочное бюро НКВД. У окошка, выходящего во двор, в приёмные дни часами томились в очередях несчастные люди, чтобы хоть что-нибудь узнать об участии своих близких. Среди других стояла здесь в очереди и наша мачеха. Отец был уже давно расстрелян, а ей неизменно отвечали: «Жив, здоров, работает...». В 1974 году в своей биографии Радченко укажет: «И муж, и сын умерли в заключении. Сын 5 апреля 1942 года, муж – 2 июня 1945 года». Но есть документ, в котором дата смерти указана – 2 июня 1945 год, причина – паралич сердца (дезинформация НКВД). Евгения Степановна так и не узнает правды.

Радченко Е.С., жена Шнеерсона, была уволена из музея. Но надо было жить дальше. Она получила работу секретаря Истринской Коопстрахкассы. Жить в Истре было непросто. Внучки рассказывали, как было больно бабушке, когда люди, только вчера приветливые и доброжелательные, отвернулись от семьи врага народа. А учителя школы, люди одной из самых святых профессий на свете, не смогли вручить выпускнице Чеховской школы Вере Шнеерсон заслуженную золотую медаль за её отличные успехи.

Об этом времени красноречиво рассказывают статьи местной газеты «Истринская стройка»¹⁶. К сожалению, формат статьи не позволяет напечатать эти красноречивые документы той непростой эпохи. Перечислю номера газет «Истринская стройка» со статьями о враге народа Н.А. Шнеерсоне. Одни заголовки чего стоят! 1937 год: № 82 «Враг народа на музейном фронте»; № 83 «Наш ответ на вылазки врагов»; № 89 «Беспечность и ротозейство использует враг»; № 121 «Когда будет открыт музей?»; №181 «Искоренить все остатки Шнеерсоновщины»; 1939 год; № 212 «Чуткий большевик» (О разоблачителе Шнеерсона).

В мае 1938 года пришли арестовывать Евгению Степановну, оказалось, что она больна скарлатиной, её положили в инфекционное отделение больницы, приставив к больной охранника из НКВД - караулить. После выздоровления Радченко арестовали прямо в больнице. Об ужасах пережитого в Бутырской тюрьме она будет молчать всю жизнь. Единственное, о чём расскажет родным - о камерах-душгубках, в которых набивали людей так, что нельзя было лечь, где люди теряли сознание от отсутствия свежего воздуха. Через полгода пребывания в тюрьме Евгению Степановну всё-таки выпустили.

Всем жёнам «врагов народа» предлагали подать заявление о разводе, обещая жизнь без преследования. Радченко не отреклась от своего мужа. В доме на улице Урицкого уже жила семья работника ГПУ. В родном музее работать ей запретили.

¹⁵ Следственное дело хранится в ГАРФ.

¹⁶ Благодарю истринских краеведов А.Н. Гольцева и С.П. Носикова за неоценимую помощь в поиске материалов.

Натан Александрович и его сын Дмитрий так и погибли в сталинской мясорубке. 10 сентября 1937 года Шнеерсон Н.А. был осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям: 58-8 и 58-11 УК РСФСР. Обвинение: член нелегальной контрреволюционной меньшевистской организации. Приговор – высшая мера наказания (расстрел) был приведён в исполнение 9 октября 1937 года. История смерти довольно туманна. Есть две версии. По одной, Шнеерсон был расстрелян в день вынесения приговора - 9 октября 1937 в Москве (расстрельные списки - Донской крематорий: Москва, справка о признании Шнеерсона пострадавшим от политических репрессий) и захоронен в безымянной общей могиле на Донском кладбище. В годы репрессий тела расстрелянных привозили на кладбище на грузовиках, в том числе из Лефортова и с Лубянки.

Фото 4. Мемориал на Донском кладбище

Сын Шнеерсона, Дмитрий, был осуждён Особым совещанием НКВД СССР 8 декабря 1937 года по статье «Контрреволюционная агитация» сроком на пять лет. Начало отбывания срока – 27 мая 1937 года. Восемнадцатилетний юноша отбывал наказание в Бел-Балтаге НКВД (г. Медвежья гора) с 24 февраля 1938 года. 1 марта 1942 года убыл в Уинжлаг НКВД. Из книги Баранской «Странствие бездомных»: «Дмитрий был отправлен в Медвежьегорский лагерь, который в начале войны весь поголовно вымер от голода. Он просился на фронт – не разрешили. В начале войны Дмитрий получил прибавку срока. Умер на этапе при пересылке в лагерь в Архангельской области в 1942 году, причина смерти не указана».

Н. А. Шнеерсон и его сын Д.Н. Шнеерсон будут реабилитированы посмертно в 1956 году. Семейный архив хранит переписку дочери Шнеерсона – Веры Натановны Михайловой с властными структурами.

Мария (63 года), и Александра Шнеерсон, дочери Шнеерсона от первого брака, в 1978 году эмигрировали в Соединённые Штаты Америки. Мария стала литературным критиком. Ею написаны и опубликованы десятки статей о Булгакове, Гроссмане, Солженицыне, Астафьеве, Белове, Шукшине, Кураеве...

Потомки Н. А. Шнеерсона и Е. С. Радченко живут в Москве, в Америке, во Франции. Младшая Людмила (по паспорту Анна) закончила медицинский институт. Старшая дочь от второго брака, Вера Натановна Михайлова, стала педагогом. После Великой Отечественной войны она вышла замуж за одноклассника по Чеховской школе Юрия Александровича Михайлова. Участник войны с Германией и Японией, генерал-майор, орденносец после войны выстроил в Истре дом. Именно в этом доме мне посчастливилось общаться с замечательными внуками Натана Александровича Шнеерсона - Ириной и Натальей. Мы говорили о музее, о великих энтузиастах музейного дела Н. А. Шнеерсоне и Е. С. Радченко, память о которых не должны замести пески забвения.

Список использованной литературы и источников:

1. Баранская, Н. В. Странствие бездомных [воспоминания] / Наталья Баранская. — Москва : АСТ, Астрель, 2011. — 637 с.
2. Возвращение в усадьбу. Неутраченные коллекции усадеб Подмосковья из собрания музея «Новый Иерусалим». – Москва: СИТИПРИНТ, 2020. – 240 с. – С. 17.
3. Гузеева, И. А. Евгения Степановна Радченко (1895-1986). Биография в документах: читая неопубликованные архивные материалы. // 150 лет на службе науки и просвещения. Сборник материалов Юбилейной международной научной конференции Москва 5-6 декабря 2013 г. – Москва, 2014. – С. 341 – 353.
4. Истринская земля / А. А. Зилов и др. ; ред. Л. В. Гладков. – Москва : Энцикл. сел и деревень, 2004. – 846 с. – (Серия «Энциклопедия сел и деревень Подмосковья»).
5. Истринские вести. – 1993. - № 24.

6. Каралюнец, Л. И. Воспоминания / Л.И. Каралюнец // Архив Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим».
7. Ленин, В. И. (1870-1924). Полное собрание сочинений / Владимир Ильич Ленин (1870-1924); Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1958-1965.
8. Масанов, И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов – Москва, 1960. – 558 с.
9. Михайлова, В. Н. Воспоминания / В. Н. Михайлова // Архив Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим».
10. Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков : сборник документов и материалов / М-во культуры Российской Федерации, Российский ин-т культурологии ; авт.-сост.: Э. А. Шулепова и др. ; отв. ред. Э. А. Шулепова. — Москва : Этерна, 2010. — 957 с.
11. Новый Иерусалим сквозь века / Сост. и авт. текста : М. А. Крючкова. – [Истра], Москва: Лето, 2011. – 319 с.
12. Орлов, А. Две жизни Марии Шнеерсон / Алексей Орлов // Заметки по еврейской истории : сетевой портал. URL: <https://berkovich-zametki.com/Forum2/viewtopic.php?t=476> (дата обращения 25.11.2024).
13. Орлова, А. Мой отец — Шнеерсон: каким он был, что сделал и что мог бы ещё... / Александра Орлова // Лехаим : Электр. Журнал. URL: <https://lechaim.ru/events/moj-otets-shneerson/> (дата обращения 05.11.2024).
14. Орлова, А. (Нью-Джерси). Об отце. Каким он был, что сделал и что мог бы ещё!.. / Александра Орлова // Альманах «Еврейская старина». – 2005. - №10. URL: <https://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer10/Orlova1.htm> (дата обращения 25.11.2024).
15. Орлова, А., Шнеерсон, М. Потревоженные тени : Фотографии из бабушкиного альбома / Александра Орлова, Мария Шнеерсон // Альманах «Еврейская старина». - №2(49). – март-апрель 2007. URL: <https://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer2/Shneerson1.htm> (дата обращения 25.11.2024).
16. Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903-1905 гг. – Т. 3. Книга первая // Открытый текст : электрон. период. издание. URL: <https://opentextnn.ru/history/istorija-rossii/personalia-istorija-rossii/perepiska-v-i-lenina-i-rukovodimyh-im-uchrezhdenij-rsdrp-s-partijnymi-organizacijami-1903-1905-gg-tom-3-kniga-pervaja/?ysclid=m1xjcgmus1403814938> (дата обращения 15.11.2024).
17. Показания М. Н. Тухачевского от 26 мая 1937 года //Как мы предали Сталина / Михаил Тухачевский. – Москва: Алгоритм, 2012. – С. 82. Электрон. версия печ. публ. URL: <https://istmat.org/node/28944> (дата обращения 05.11.2024).
18. Радченко, Е. С. Неопубликованные записки / Е. С. Радченко // Архив Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим».

19. Смирнова, А. Г. Истра (Воскресенск) в истории краеведения Москвы и Подмосковья 1920-начала 1930-х годов. (По материалам НИОБ РГБ и краеведческих журналов) / Первые Воскресенские чтения «Краеведческие традиции Истринской земли»: сборник материалов научно-практической конференции. 13 декабря 2017 года / Центральная библиотека имени А. П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т. В. Вартановой. – Истра; Новосибирск : Новосибирский изд. Дом, 2018. – 152 с.
20. Трунев, Д. П. Гиганты мысли и духа. (Памяти Натана Александровича Шнеерсона и Евгении Степановны Радченко) / Д. П. Трунев, В. Ф. Козлов. – Москва, 2009.
21. У стен Нового Иерусалима история города Воскресенска-Истры / М. А. Крючкова, Л. Г. Невзорова, Н.И. Сафонова и др. — Москва : Лето, Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим», 2010. — 430 с.
22. Шнеерсон, М. (Нью-Джерси). «Воспоминания щепки». : Мемуары // Вестник. – 2004. - №11. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0526/win/shneerson.htm> (дата обращения 25.11.2024).

А.Ю. Лошаков

ИСТОРИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ ПОСЛЕ ПОЖАРА В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

(по документам из собрания историко-художественного музея
«Новый Иерусалим»)

В собрании Историко-художественного музея «Новый Иерусалим» есть небольшой комплекс документов, касающийся реставрации Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря, которая была проведена под руководством архитектора М. Ф. Казакова в 1795-1797 гг. после пожара. Собрание насчитывает 17 единиц. Изображения всех указанных документов с кратким описанием можно найти на портале Госкаталог. РФ (<https://www.goskatalog.ru/portal/#/>).

Работа в Новом Иерусалиме занимает важное место в творческой биографии Матвея Казакова. Она упомянута во всех трёх известных в настоящее время списках работ архитектора: в формулярных списках («... 19. ремонт Новоиерусалимского монастыря») [1]; в собственноручном списке при прошении об отставке («... 14. Близ Москвы Воскресенский монастырь после случившегося пожара переправлен вновь») [2] и в посмертном списке из некролога («... 15. исправление после пожаров монастырей Новодевичьего и Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, где находится превосходный мраморный с золочёною бронзою иконостас во имя Святой Равноапостольной Марии Магдалины, воздвигнутый пожалованною на то суммою Государыней Императрицею МАРИЕЮ ФЕОДОРОВНОЮ (так в тексте – А. Л.), по предначертанию и под её же надзором» [3]).

В составе документального комплекса находятся 8 писем Матвея Казакова архимандриту монастыря Варлааму за 1795-1797 годы с описанием плана работ в монастыре. Из писем мы узнали об общем замысле архитектора и масштабе работ в монастыре, о количестве выделенных денежных средств и материалов, о числе привлечённых рабочих. Также по письмам Матвея Казакова мы можем судить о темпах работ и о том, что в итоге было сделано.

В частности, архитектор сообщает о планах под земляную церковь, раскрыть боковую и разобрать переднюю стену храма, а также прорыть канал для водоотведения. Письма позволяют судить о том, что план М. Ф. Казакова предусматривал существенную перепланировку как жилых, так и хозяйственных помещений монастыря: перестраивались кельи возле церкви Трёх Святителей, проводились работы в двух больших трапезных, братских кельях, в галерее над задними воротами. В братский корпус заказывались печные изразцы. В процессе работы между архитектором и архимандритом возникали разногласия, так,

например, архимандрит в ответном письме М. Ф. Казакову противился разборке верхних покоев, называемых городовыми, в то время как архитектор Казаков считал их «излишними и ненужными».

Куратором работы М. Ф. Казакова московский главнокомандующий М. М. Измайлов. Среди бумаг, относящихся к деятельности Матвея Казакова в Новом Иерусалиме, мы находим три ордера М. М. Измайлова, все от 18 января 1796 года: о выдаче денег на приобретение белого камня, о ведении расходных книг и присылке человека для получения денег из Московской казённой палаты, а также о выдаче жалования за сентябрьскую треть архитектору и его подрядчикам. М. М. Измайлов упоминается и в письмах М. Ф. Казакова архимандриту Варлааму: в письме от 9 июля 1796 года Матвей Казаков сообщает об ожидаемом приезде главнокомандующего, а в письмах от 16 апреля, 9 мая 1795 и 18 января 1796 года сообщает о получении ордеров от М. М. Измайлова и пересылает их архимандриту.

Контроль за выполнением реставрационных работ в Воскресенском монастыре был установлен не только со стороны руководства Московской губернии, но и со стороны Священного Синода. Подтверждением этому служит письмо Матвея Казакова архимандриту Варлааму от 18 июня 1795 года о присылке выписок из шнурованных книг об оплате работ и материалов в 1794 г. для предоставления в Синод.

Переписка архитектора М. Ф. Казакова также даёт нам представление и интересные сведения о подрядчиках реставрационных работ в Новом Иерусалиме. В ордере М. М. Измайлова М. Ф. Казакову от 18 января 1796 года сообщается, что белый камень для работ поставлял крестьянин помещицы Пельской Степан Матвеев. В этих же бумагах содержится условие (договор) от января 1796 года на поставку белого камня архимандрита Варлаама и архитектора Матвея Казакова с тем самым крестьянином Степаном Матвеевым, жителем сельца Трутеева Рузской округи, вотчины коллежской советницы А. И. Пельской.

Из аналогичных документов в рассматриваемых бумагах присутствует условие (договор) от 14 июня 1795 года архимандрита Варлаама и архитектора Матвея Казакова с московским мещанином Евсеем Прокофьевым на плотницкие работы в двух больших трапезных, братских кельях и в галерее над задними воротами; договор от 14 июня 1795 года архимандрита Варлаама и архитектора Матвея Казакова со слесарем, дворовым человеком полковника Фёдора Александровича Панина, Кинтилианом Мануйловичем Кривобоквым на слесарные работы, предусматривающие изготовление английских и «лапчатых» замков, задвижек на двери и окна; договор, также от 14 июня 1795 года, архимандрита Варлаама и архитектора Матвея Казакова с крестьянином дворцовой деревни Плесовской Вологодского наместничества, столяром Василием Сергеевичем Шаманиным, на настилку полов в двух больших трапезных, братских кельях и «позади трапез против колодца», на изготовление сосновых дверей для трапезных, настоятельских комнат, братских келий, галереи за задними воротами, а также дубовых рам для трапезных, настоятельских комнат, церкви Рождества Христова и братских келий.

Обобщающие сведения о реставрации Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря содержатся в отчёте архитектора М. Ф. Казакова (вероятно, 1797 г.). К сожалению, данный документ имеет серьёзные повреждения, утрачены часть текста и дата составления документа.

М. Ф. Казаков по праву считается одним из наиболее выдающихся отечественных архитекторов. Его рукописное наследие имеет огромную историческую и культурную ценность. Сотрудники Историко-художественного музея «Новый Иерусалим» бережно сохраняют ценности прошлого для будущих поколений, одновременно изучая прошлое и популяризируя знания о нём через музейные предметы.

Список использованной литературы и источников:

1. Яковлев, А. Н. Архитектурные произведения М. Ф. Казакова по письменным источникам. Часть I. Списки работ / А. Н. Яковлев // Искусствознание. – 2023. – № 4. – С. 173.
2. Яковлев, А. Н. Архитектурные произведения М. Ф. Казакова по письменным источникам. Часть I. Списки работ / А. Н. Яковлев // Искусствознание. – 2023. – № 4. – С. 179.
3. Яковлев, А. Н. Архитектурные произведения М. Ф. Казакова по письменным источникам. Часть I. Списки работ / А. Н. Яковлев // Искусствознание. – 2023. – № 4. – С. 183.

Ю.Ю. Осипова

ДЕТСКАЯ КОЛОНИЯ «ИСКРА» В ИМЕНИ ПОКРОВСКОЕ-РУБЦОВО (1919-1928 гг.)

О том, что в главном доме усадьбы Покровское-Рубцово располагался детский дом, я узнала ещё в детстве от своей бабушки Волковой Антонины Алексеевны (1909–1998). В нём она жила и училась с 1922 по 1925 гг., его считала своим настоящим домом. К сожалению, интерес к истории этого детского дома возник у меня тогда, когда бабушки уже не было в живых. Воспоминания о её рассказах были обрывочными, а в архиве остались лишь несколько фотографий (Фото 1, 2, 3) и удостоверение об окончании школы №3 «Искра».

Фото 1. Главный дом колонии. 1923-1924 гг. (из личного архива автора)

В сборнике, посвящённом истории села Покровское-Рубцово, нашлось упоминание, что после революции 1917 года в усадьбе Морозова располагалась детская колония «Искра», просуществовавшая, по некоторым сведениям, до середины 30-х годов [10, С. 18-19]. Дальнейшие поиски показали, что есть много источников, в которых довольно подробно отражена история этой школы-колонии. Заведующая школой Е. Кирпичникова описывала жизнь «Искры» в статьях, опубликованных в бюллетенях МОНО «Вестник просвещения» с 1919 по 1924 годы. Письма воспитанников колонии, выпуски стенгазет и другие материалы находятся в архиве писателя Н. Огнева (М.Г. Розанова), преподававшего в колонии «Искра» в 1923-1924 гг. [1, 2]. В фондах Цен-

трального государственного архива Московской области (ЦГАМО) хранятся некоторые документы, связанные с деятельностью школы-колонии «Искра» №3 с 1921 по 1928 гг. [12, 16, 17, 18, 19]. На основании этих материалов мне и удалось представить историю «Искры» с 1919 по 1928 годы.

Основание колонии

Зимой 1919 года Московским отделом народного образования (МОНО) было принято решение устроить под Москвой несколько загородных детских домов II ступени для детей 13-17 лет по образцу немецких «сельских воспитательных общин», особенностью которых было введение сельскохозяйственного и ремесленного труда в план общеобразовательной школы. «Искра» стала одной из таких школ-колоний. Первые школьники приехали в «Искру» 24 мая 1919 года [4].

В документах 1919-1928 гг. колония упоминается под разными названиями: детская колония «Искра», детский дом «Искра» №3, загородная школа-колония II ступени «Искра» №3, Дом Юношества «Искра». С 1919 по 1922 год «Искра» находилась в ведении МОНО, с 1922 года - Воскресенского УОНО [13], а с 1924 года снова в ведении МОНО [15].

Воспитанники и педагоги

«Искра» была устроена по принципу интерната: некоторые ученики жили там всю неделю, большинство - круглый год. Первыми колонистами были учащиеся расформированных городских училищ, сиротских домов, дети учительства и обедневших мещанских семей [5]. В последующие годы дети поступали в «Искру» из детских домов I ступени, лесных школ Москвы, Воскресенского и других уездов или непосредственно из семьи.

Не все воспитанники «Искры» были сиротами или беспризорниками. У многих были живы родители. Так, по списку колонии за 1921-1922 гг. из 82 воспитанников только 14 являлись полными сиротами. У 30 колонистов были живы оба родителя, 38 человек являлись «полусиротами» (жив один из родителей). Родители большинства детей принадлежали к категории советских служащих: школьные работники, врачи, работники судов, других советских органов и комитетов, библиотекари и т.п. Учились в «Искре» и дети сотрудников колонии [12].

Летом 1919 г. колонистов было 30 человек [4], в 1920 году в колонии уже 75 воспитанников [5]. В 1921-1922 гг. в колонии насчитывалось 80 учащихся: 32 мальчика и 48 девочек [12]. В 1923 г. в «Искре» находилось 100 детей [14], в 1924 – 110 [21].

В 1924 году комиссией МОНО был пересмотрен социальный состав детей детских учреждений Московской губернии. Из колонии были исключены 9 человек, 20 воспитанников переведены на полное или частичное платное содержание [21].

В 1925 году в колонии насчитывалось 105 постоянно живущих учеников (57 мальчиков и 48 девочек) и 16 проходящих. Из постоянно живущих сиротами являлись 49 человек, 43 человека были «полусиротами», 13 человек имели обоих родителей [16].

В 1927 году в колонии находились 78 человек (54 девочки и 24 мальчика) в возрасте от 12 до 18 лет [19].

В 1919 г. в школе работали 3 педагога [5], в 1921 году - 8 педагогов, 1 канцелярский служащий и 6 технических служащих [12]. Все школьные работники проживали в колонии. К 1925 году здесь работали 30 человек «персонала» [15].

После реорганизации детских домов в 1925 г. началось сокращение штатов колонии. В мае 1927 года в списке сотрудников числились 7 педагогов и 4 сотрудника (завхоз, кухарка, рабочий и прачка) [18].

С начала существования колонии по март 1926 года заведующей «Искрой» была Е. А. Кирпичникова. Есть основания утверждать, что это педагог и детская писательница Елизавета Александровна Кирпичникова [1]. До революции частная гимназия Е.А. Кирпичниковой принадлежала к наиболее прогрессивным учебным заведениям в Москве, была одной из немногих, где практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек.

С марта 1926 г. по сентябрь 1927 г. заведующим колонией был Александр Максимович Зайцев [18].

Дом. Материальное положение колонии

Для размещения колонии было выбрано имение Морозова в Покровском-Рубцове. Вот как описывает Е.А. Кирпичникова колонию в 1919 г.: «Искра» расположена в живописной холмистой местности близ станции "Новоиерусалимская". Большой белый дом, светлый и уютный, несмотря на почти полное отсутствие какой-либо обстановки, стоит среди обширного парка, спускающегося террасами к реке Малой Истре, мелкой, но быстрой» [4, С. 62]. В 1926 г. А.М. Зайцев пишет: «Колония занимает большой белый дом ... с большим двухсветным залом стиля «Модерн» с Врубелевским камином. ... В главном доме расположены классы, лаборатории, спальни детей, зал, столовая, клуб пионеров, столярная мастерская, школьный музей, прачечная, баня и квартиры почти всех сотрудников. Во флигелях расположены: спальня девочек, переплётная и радиомастерская и квартиры трёх сотрудников» [18, Л. 47, 47 об].

По договору, заключённому в 1922 г. между Земельным отделом Московского Совета РК и КД (МОЗО) и МОНО, загородной школе «Искра» №3 передавалось в полное пользование 8 десятин земли со всеми строениями, «домом, садом, парком, огородом... и прочими угодьями» [18, Л. 24]. По описи недвижимого имущества, составленной в июле 1924 года, в пользование колонии переданы деревянный флигель за садом и деревянный флигель за бывшей конторой [18, Л. 29].

В 1924 году между колонией и сельскохозяйственной артелью «Искра» №1, также располагавшейся в бывшем имении Морозова с 1921 года, возник имущественный спор. Два

Фото 2. Воспитанницы колонии. 1923-1924 гг. (из личного архива автора)

флигеля, занимаемые колонией, передавались по арендному договору с МОЗО в пользование артели. Ни колония, ни МОНО в известность о новом договоре поставлены не были.

Осенью 1925 года артель самовольно заняла один из флигелей колонии, служившей спальней для девочек. Для разрешения конфликта МОЗО предписал артели совершить обмен с колонией некоторыми постройками и землей. Но даже к февралю 1928 года это решение не было выполнено из-за несогласия артели на обмен и бюрократической волокиты [18].

Материальное положение колонии в первые годы было тяжёлым. «Холодают, голодают, по целым зимам сидят в нетопленных комнатах с распухшими пальцами, т.к. на всю колонию 3-4 пары худых валенок, а всё-таки живут и весной выползают на солнышко, бледные, тощие, но шумные и весёлые», - пишет Е. А. Кирпичникова о состоянии колонистов зимой 1920 года [6, С. 108]. В 1921 году она пишет: «... дети разуты, раздеты, голодают и живут в очень тяжёлых материальных условиях» [12, Л. 76].

В 1921-1922 гг. колония была обеспечена топливом на 30%. Школа отапливалась голландскими печами и средняя температура в классах в декабре была 7 °С. Канализация работала, но не работал водопровод [12].

Только к зиме 1922-23 гг. положение несколько улучшилось - были вовремя получены деньги на дрова, произведён внутренний ремонт и починено паро-водяное отопление. К 1 октября 1922 года своими силами было проведено электричество. Под руководством преподавателя физики колонисты провели внутреннюю проводку и поставили столбы. Улучшилось к 1923 году и снабжение продовольствием [6].

Сокращение в 1925-1926 гг. штата сотрудников, смена заведующего, недостаточность выделения средств на ремонт, низкие нормы топлива – все это привело к тому, что состояние помещений колонии снова ухудшилось. Из-за нехватки дров было заморожено водяное отопление [18].

Летом и осенью 1926 года колония получила значительные средства на ремонт (2,5 тыс. рублей). На эти средства было проведено электрическое освещение из Воскресенска, вырыт колодец, проведён водопровод от колодца в дом, установлен насос с электромотором. В доме отремонтирован водопровод и канализация [18].

Несмотря на материальные трудности, руководству колонии удавалось поддерживать достойное существование, сохранять здоровье и силы воспитанников. «Материальная обстановка, обычная для детских домов, бедная, но в спальнях чисто, постели опрятные. Питание удовлетворительное», - отмечается в заключении по обследованию детского дома «Искра» в апреле 1925 года [18, Л. 34].

Труд

В 1919 году в имении Покровское-Рубцово хозяйство вела латышская коммуна. По заключенному с МОНО условию, колонисты должны были 6 часов в день работать в этой коммуне: на огороде, в поле, на мельнице. Работы было много: прополка лука и клубники, сбор помидоров и огурцов, просушка табака, фасоли, брюквенного, морковного и свекольного семени, сбор листьев с лавровых деревьев, пилка дров, уборка в оранжереях, полив и пересадка цветов, уборка картофеля [4].

В 1921 году латышская коммуна прекратила существование. Пришедшая ей на смену австрийская коммуна из-за отсутствия инвентаря почти не приступала к работе и в помощи колонистов не нуждалась. Поэтому было решено проводить сельскохозяйственные работы сообразно с потребностями хозяйства школы [12].

В 1921 году «физичка» (так в колонии называли физический труд) составляла 1,5-2 часа в день (летом 2-3 часа), а в 1922 году - до 1,5 часов в день, так как много времени нужно было отдавать на школьные занятия и подготовку к ним [5]. Из-за отсутствия транспорта и оборудования все хозяйственные работы колонистам приходилось делать самим: носить в дом воду из речки на расстояние около 400 м, мыть полы в холодных комнатах, таскать на себе деревья, срубленные на дрова, чистить канализационные ямы, строить новые уборные и т.п.

До 1923 года для выполнения сельскохозяйственных работ колония пользовалась имуществом артели «Искра» №1. За использование инвентаря и транспорта колония должна была платить. Платили дорого, в основном мукой, урывая её из скудного детдомовского пайка. В 1923 году в «Искре» №3 было решено организовать собственное хозяйство. МОНО выделило колонии одну лошадь и 200 рублей [18].

К 1924 году в колонии было уже две лошади, четыре коровы, четыре свиньи, две телеги, две водовозки, двое саней, плуг, борона, сортировка, рядовая сеялка. Силами колонистов и персонала построены два сарая: бревенчатый с глиносоломенной огнеупорной крышей и

глинобитный. Земля, отведённая колонии, была тяжела для обработки, поэтому удавалось распахать из шести только четыре десятины. Был в колонии свой огород и участок луга [18].

Комсомольская ячейка колонии организовала сельхозкружок, в который входили и местные крестьяне. Кружковцы вели образовательную работу, делали в окрестных деревнях доклады и ставили спектакли, издавали стенгазету для деревни «Крестьянская правда». Летом закладывали опытные участки на полях крестьян. Сеялка и сортировка отдавались крестьянам

Участвовали колонисты и в помощи сельхозартели в «наиболее горячее время» [18, Л.48об]. Работали за плату, заработанные деньги тратились, в основном, на усиление питания.

Самоуправление

Уже во время летних работ 1919 года в колонии начало развиваться самоуправление: выбирались старшины по работе, продком (продовольственный комитет), проводились общие собрания [4]. Педагоги осознанно не навязывали ученикам готовых форм самоуправления, ждали, когда они «вырастут» естественным путем.

Летом 1920 года учащиеся предложили принять конституцию и учредить учком (ученический комитет), разделяющий вместе со школьными работниками работу по поддержанию порядка в школе [5]. В школе появились и свои партии, среди которых выделялась партия «Олимп», в которую входили самые старшие мальчики колонии. Была и оппозиция. На общих собраниях разворачивались жаркие споры об ответственности за поддержание дисциплины, о работе учкома, о пристрастности при записи «провинившихся» в штрафной журнал.

Фото 3. Воспитанницы колонии на сельхозработах. (из личного архива автора)

В 1920-1921 гг. в школе случилось два «мятежа», причём мятежниками были школьные работники. В первый раз мятеж был вызван недовольством разделения функций между ними и учкомом. Вторым мятеж случился весной 1921 года после грубой выходки нескольких старших мальчиков по отношению к одному из школьных работников. После этих событий на общем собрании был создан особый орган - «Комобс» (комитет общественного спасения), который рассматривал дела о нарушении дисциплины и проявлениях грубости [5].

В августе 1922 года, после тщательного изучения Конституции РСФСР в колонии была принята «Декларация прав» гражданина, входящего в коллектив «Искры», и обновленная «Конституция», определяющая внутренний порядок жизни школы, а сама колония стала именоваться «Юношеская республика Искра №3». У школы-колонии появился лозунг «С верой в грядущую жизнь – смело борись за свободу!» и эмблема (искры, молот и раскрытая книга) [5].

Во главе «Искры» стоял школьный совет, состоявший из педагогов, врача, заведующего хозяйством и представителей от учащихся. Наиболее важные вопросы решались общим собранием, членами которого были все учащиеся и школьные работники. Исполнительным органом общего собрания являлся Учком, включавший в себя по два представителя от учебной группы. За организацию и контроль физического труда отвечал Диском (позднее – Комтруд). В случае нарушения дисциплины в работу включался Комобс. В каждой учебной группе выбирался старшина группы, в спальнях – старшина спальни [5].

«Кажется, нет уголка жизни в доме, в котором бы не проявлялось участие детей, при этом участие серьёзное, ответственное. Самоуправление в детском доме пустило глубокие корни. Со своей общественностью воспитанники так сжились, что незаявление себя как-либо в этой области считается недостатком, и воспитанники этого недостатка стараются избежать», - заключает комиссия по обследованию «Искры» в 1925 году [18, Л. 34 об].

В 1926 г. в системе самоуправления колонии появился «президиум школьного совета», в состав которого входили заведующий, секретарь школьного совета, председатель учкома и секретарь ячейки ВЛКСМ [18]. Президиум был создан для решения «неотложных» дел. Наиболее важные его решения утверждались школьным советом.

В 1926-1927 году из-за сильного сокращения школьных работников «тяжесть» административно-организационной работы легла на школьное самоуправление. В колонии действовали санитарная, хозяйственная, бельевая, трудовая и культурно-просветительная комиссия, возглавляемые членами учкома. Работая по чётко выработанному плану, каждая комиссия разрабатывала инструкции и нормы работы, вела строгий учёт выполненных работ. Все учащиеся были поделены на артели по 6 человек, каждый ученик по определённому графику проходил все виды работ по самообслуживанию [18].

Непредвиденные проблемы

В 1924 году обострились отношения между уездными органами власти и заведующей колонией Е. А. Кирпичниковой. В Воскресенске распространилось мнение, что в «Искре» живут дети буржуазных родителей, «генеральские дочери». Деятельность «Искры» и её заведующей считалась «глубоко интеллигентской и антисоветской» [16, Л. 4]. В местной газете появилась заметка, в которой заведующую обвиняли в личной заинтересованности и потакании «враждебным» социальным элементам при сокращении штатов [8]. Уездные власти несколько раз в течение осени 1924 – весны 1925 года по собственной инициативе проводили обследование состава колонии.

Ещё одним «возмутителем спокойствия» стала комсомольская ячейка, в которую входили колонисты «Искры». Осенью 1923 года ячейка «Искры», появившаяся в колонии ещё в 1922 году, была соединена с комсомольской ячейкой Покровско-Рубцовских учебных мастерских (ПРУМ). Главенство в ячейке захватили ПРУМовцы, считая себя выше колонистов по социальному происхождению и значимости. Многие правила «Искры» (строгая дисциплина, запрет на курение и т.п.) назывались измышлениями старых педагогов. Главными же «врагами», «вредными элементами» были объявлены школьные работники и, прежде всего, заведующая колонией Е. А. Кирпичникова. Руководство комсомольской ячейки, состоявшее из учащихся Рубцовской мастерской, пыталось влиять на порядки, введённые в колонии [16].

Неприязнь руководства комсомольской ячейки и местных властей к заведующей колонией, попытки вмешаться во внутреннее устройство жизни «Искры» привели к ослаблению школьной дисциплины, утрате интереса к учёбе части детей. Благодаря жёстким мерам, избавлению от «ребят, потерявших связь с учёбой», руководству колонии удалось восстановить дисциплину. Но напряженные отношения между местными властями и руководством колонии сохранялись и в 1926-1927 гг. [18].

Школа

Школа в колонии начала работать осенью 1919 года [4]. В 1921-1922 гг. в школе насчитывалось 4 учебные группы, школа работала по программе девятилетки [12]. Учебный год, начинавшийся 1 октября, после окончания сельхозработ, был разбит на триместры.

Одной из задач школы была подготовка старших учеников к поступлению в вузы. Решить эту задачу оказалось непросто, у многих учеников были серьёзные пробелы в знаниях. Школьный совет принял решение организовать обучение на основе популярного тогда «интенсивного метода». Триместр разбивался на 4 периода по 3 недели, для каждого периода назначался доминирующий предмет, или цикл предметов. Обязательную работу нужно было сдавать только по этим предметам. Такое расписание позволяло сосредоточиться на одном или нескольких близких предметах, тратить меньше времени на подготовку к другим урокам [6].

С 1923 года школа, параллельно с интенсивным методом стала работать по Дальтоновской системе [6, 7]. Кабинеты были преобразованы в лаборатории по одному или нескольким предметам, а ученики разделены на «максималистов» и «минималистов», составлены программы различного уровня. Программа минимального уровня соответствовала обязательной программе МОНО. Изучение предметов «максималистами» проводилось в форме семинарских занятий – учащиеся самостоятельно писали рефераты по индивидуальным темам, выступали с докладами. Минималисты же изучали материал вместе с педагогом и писали работы на одинаковые темы, но работали тоже в индивидуальном темпе. При изучении обязательных для всех тем максималисты и минималисты встречались на общих занятиях. Если ученик не справлялся с высокими требованиями, он мог перейти в группу минималистов. Таким образом, внимание учителя в основном было отдано слабым ученикам, а более сильные работали самостоятельно. Но в реализации этого метода были и большие трудности. Не хватало помещений для создания лабораторий по каждому предмету, было недостаточно мебели, пособий и приборов. Многим ученикам было непросто самостоятельно осваивать большой объём учебного материала, спланировать и организовать самообучение [7].

В 1924–1925 гг. школа стала семилеткой, в ней были организованы 3 учебные группы [15]. Выпускники колонии теперь направлялись в техникумы.

Помимо учебных занятий, колонисты активно участвовали в работе школьных кружков. В колонии были организованы литературный, естественно-исторический, журнальный, театральный, математический, спортивный, политико-экономический и другие кружки.

Одновременно в колонии выходили несколько газет и журналов («Антенна», «Вестник», «Самозванец» и др.), в выпуске которых участвовали не только ученики, но и школьные работники. «Пресса «Искры», – пишет Е.А. Кирпичникова, – совершенно свободно, в серьёзной и в шуточной форме, наводит критику на все явления жизни колонии. Отдельные журналы полемизируют между собой» [12, Л.74].

Силами радиотехнического кружка под руководством учителя физики А.М. Зайцева в 1922–23 гг. в школе было проведено радио: ученики сделали самодельный радиоприёмник, антенну, получили разрешение на установку аппарата. По радио, которое слушали в основном ночью, принимали чтение свежих газет, радиоконцерты, поверяли точное время. Изучив азбуку Морзе, кружковцы получали метеорологический бюллетень Московского бюро погоды и составляли синоптическую карту [3]. С 1923 года в кружке стали собирать радиоприёмники. За два года работы были собраны и установлены свыше 50 радиоприёмников в школах, избах-читальнях и других учреждениях [17]. В феврале 1926 года была открыта мастерская по сборке радиоприёмников. Но из-за высокого целевого налога с октября 1926 г. радиоприёмники пришлось изготавливать только в порядке общественной работы [18].

В колонии устраивались клубные дни, в программу которых входили заседания кружков, чтение книг, лекции или беседы. Темами бесед являлись политические события, современная литература или заграничная школьная жизнь [6]. Организовывались спектакли и музыкально-вокальные вечера.

Летом в колонии занятия велись по особой программе. Продолжались занятия по некоторым предметам, проводились метеорологические наблюдения, ботанические, геологические и другие экскурсии. Работали кружки, организовывались выступления, на которые приглашались соседние колонии и местное население [12].

Большое внимание уделялось физическому воспитанию и укреплению здоровья колонистов. В заключении по обследованию «Искры» в 1925 году отмечается: «... вся жизнь детей строится таким образом, что детям прививаются надлежащие навыки по уходу за своим телом, по заботе о своём здоровье. В детском доме существует правильный режим, который неуклонно всеми подтверждается и проводится. Самым тщательным образом наблюдается за тем, чтобы в гигиенической обстановке протекал сон, работа детей и их отдых. Детским домом применяется ряд приёмов (спанье при открытых окнах или форточках, умыванье холодной водой до пояса, раннее и позднее купанье в реке и др.), закрепляющие здоровье воспитанников. ... В результате всех мероприятий у воспитанников мы видим здоровый цвет лица и бодрый вид» [18, Л.34].

Заключение

В деятельности школы-колонии «Искра» нашли отражение многие тенденции советской школы послереволюционного периода. Статьи Е.А. Кирпичниковой часто упоминаются в исследованиях, посвящённых советской школе 20-х годов [9, 11].

Хорошо известна деятельность колонии и литературоведам. Исследователи творчества Н. Огнева (М.Г. Розанова) убеждены, что именно колония «Искра» стала прототипом школы, описанной в его популярной повести «Дневник Кости Рябцева» (1927). Среди учителей и воспитанников «Искры» можно найти прообразы персонажей «Дневника...», а многие события, описанные в книге, упоминаются в статьях Е. Кирпичниковой и других документах [1, 2]. В 1981 году по этой книге режиссёром Г. Полокой был снят трёхсерийный телефильм «Наше призвание», а в 1986 году выпущено продолжение – телефильм «Я – вожатый форпоста». Об «Искре» написан и рассказ Н. Огнева «Крушение антенны» (1925) [1].

В этой статье я описала лишь самые основные события истории колонии. Рассказ о многих деталях и подробностях сложной и драматической, но насыщенной и интересной жизни педагогов и воспитанников «Искры» ещё впереди.

Список использованной литературы и источников:

1. Виноградова, О. В. Детские чтения: [альманах]. Огнев, Розанов и Никпетож: об именах и псевдонимах автора "Дневника Кости Рябцева" / О. В. Виноградова. — Екатеринбург : Кабинетный учёный. — 2017. — №2 (12). — С. 280-297.
2. Виноградова, О. В. Детские чтения: [альманах]. Три измерения: несколько документов из архива Н. Огнева / О. В. Виноградова. — Екатеринбург : Кабинетный учёный. — 2017. — №2 (12). — С. 246-279.
3. Зайцев, А. Применение радио в школе / А. Зайцев // Вестник просвещения. — 1923. — № 5–6. — С. 122–132.
4. Кирпичникова, Е. А. Загородная школа «Искра» / Е. А. Кирпичникова // Трудовая школа. Бюллетени отдела народного просвещения М.С.Р.Д. — 1919. — № 7–8. — С. 62–65.
5. Кирпичникова, Е. А. История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени / Е. А. Кирпичникова // Вестник просвещения. — 1922. — № 8. — С. 73–97.
6. Кирпичникова, Е. А. Жизнь загородной школы-колонии зимой 1922 – 1923 гг. / Е. А. Кирпичникова // Вестник просвещения. — 1923. — №5–6. — С.108–121.
7. Кирпичникова, Е. А. Итоги 2,5-месячной работы по дальтонскому плану в доме юношества «Искра» / Е. А. Кирпичникова // Вестник просвещения. — 1924. — №1. — С. 83–90.
8. Разве можно их сокращать? //«Голос деревни». — 1924. — №50.
9. Рожков, А. Ю. Читая "дневник Кости Рябцева": школьная действительность 1920-х гг. Глазами историка / А. Ю. Рожков // Детские чтения. — 2017. — №2 (12). — С. 298-324.
10. Покровское-Рубцово. Историко-краеведческий сборник / авт.-сост. Е. Н. Гилярова и др. — изд. 2-е, доп. — Москва : Делмос, 2010. — 368 с.
11. Федорова, Н. М. Самоуправление в советской школе (20-е 30-е годы XX века) / Н. М. Федорова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — №52. — С.109-116.
12. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 1. — Д. 435.
13. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 1. — Д. 80.
14. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 3. — Д. 64.
15. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 3. — Д. 188.
16. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 3. — Д. 608.
17. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 3. — Д. 641.
18. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 4. — Д. 382.
19. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 4. — Д. 499.
20. ЦГАМО. — Ф. 966. — Оп. 7. — Д. 229.
21. ЦГАМО. — Ф. 4330. — Оп. 1. — Д. 269.

Выражаю благодарность краеведу Гольцеву А.Н. за предоставленные материалы.

Н.Д. Акулёнок

ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИНОДОКУМЕНТАЛИСТИКИ НА МЕСТНОСТИ. ИЛЬЯ КОПАЛИН – ОТ ФАБРИКИ ДО ОСКАРА

«Вспоминаю слова моего учителя Вертова, относящиеся к выходу на экран фильма «Шагай, Совет!» Там стояла моя фамилия как киноразведчика. Вертов сказал: «Ты видишь — твоя фамилия стоит в титрах фильма, её впервые прочтут миллионы зрителей... Это не только почётно, но и ответственно».

В том была глубокая правда. Все минувшие годы я старался с чувством большой ответственности выполнять — возложенные на меня задачи» [2].

Изучение творчества Ильи Копалина представляет собой важную задачу для понимания развития российского кинематографа. Его работы, стоявшие в самом начале истории документального кино в мире, внесли значительный вклад в формирование кинематографического языка и эстетики. Он начал свою карьеру в эпоху активного становления советского кинематографа, когда документальное кино играло ключевую роль в пропаганде и освещении достижений социалистического строя. В 1920-30-е годы, в период индустриализации и коллективизации, кинематограф стал мощным инструментом визуальной агитации. Это время отмечалось значительными социальными и культурными изменениями, которые оказывали влияние на развитие всех видов искусства, включая кино. В таких условиях формировался творческий подход Копалина, который впоследствии стал одним из ведущих режиссёров-документалистов своего времени. Но это исследование направлено не только на обзор его творческого пути, но и на то, как с этим связаны места, где Илья Петрович родился.

С наступлением XX столетия в сфере искусства возникли небывалые перспективы. Появился кинематограф, абсолютно новый вид творчества и самовыражения, где отсутствовали устоявшиеся правила и законы, и эти правила создавались здесь и сейчас. Для молодых людей, стоящих в двадцатые годы перед выбором своего дальнейшего пути, это открывало множество возможностей. Это было время экспериментов, когда документальная хроника становилась не просто развлечением, а способом фиксации истории. Среди тех, кто стоял у истоков отечественного документального кино, был и Илья Петрович Копалин — режиссёр, чья карьера началась с неожиданной встречи в родной деревне Павловское, тогда ещё Воскресенского уезда.

Илья Копалин родился в 1900 году в крестьянской семье в деревне Павловское (ныне — Истринский муниципальный округ Московской области). В юности он и не думал о кинематографе. Как и многие жители окружающих деревень, он начал свой трудовой путь на

Фото 1. Режиссер Илья Копалин. Фото ТАСС, А. Чепрунов

Ивановской суконной фабрике, как ученик портного. В своих воспоминаниях он писал, что «мечтал и пробовал себя во многом: и техника к себе влекла, и театр манил, и должность учителя казалась высокой» [3].

Стоит отметить, что вокруг Ивановской фабрики бурлила общественная и культурная жизнь. Работал театр, была обширная библиотека, и, благодаря владельцу фабрики Сергею Максимовичу Попову, образование в местной школе открывало большие горизонты. Эта атмосфера не могла не влиять на молодые умы. После национализации производства, культура вокруг фабрики какое-то время двигалась по поставленным рельсам, сместив акцент на окружающие населённые пункты, где стали появляться различные кружки. Самодеятельный коллектив в Павловском организует и Илья Копалин. Здесь ставили спектакли, концерты и даже установили связь с «Синей блузой» – популярным в те годы московским эстрадным коллективом.

Вскоре Копалин становится одним из первых комсомольцев в деревне, а в 1919 году добровольцем вступает в Красную армию. Но на поля Гражданской войны он не попадает. Илью отправляют в школу авиационных техников. После окончания войны его определяют авиатехником на Ходынское поле, на Центральный аэродром. О кино Илья тогда не думал, всё изменила случайная встреча. Летом 1923 года в деревню Павловское приехала киноэкспедиция, а Илья в это же время приехал к родителям на каникулы. Возглавляли группу кинематографистов один из первых в мире теоретиков и практиков документального кино – советский режиссёр Дзига Вертов и оператор Михаил Кауфман. Они приехали для съёмки выпуска документального фильма «Киноглаз», посвящённого открытию и жизни лагеря

московских пионеров, что расположился на берегу Истры. Прибытие кинематографистов, которые назвали себя “киноками”, стало огромным событием в деревне.

Для создания своеобразной «экранной газеты» под названием «Киноглаз» (чуть позже появится «Киноправда»), Дзига Вертов создал группу кинематографистов «Киноки». Под лозунгом «жизнь врасплох» участники группы снимали подлинную действительность – без инсценировок и прикрас, фиксируя изменения в послереволюционной стране. Снимали всё, что происходило и менялось в городах и сельской местности. Вертов считал, что только документальное кино поможет простому зрителю понять сложность нового мира, а для этого кино должно быть правдивым. При этом хроника Вертова наполнена художественными приёмами. В каждой картине он ищет новые формы и ракурсы, проводит эксперименты – так сформировался его уникальный стиль, благодаря которому он войдёт в историю мирового кинематографа.

Отсняв необходимые для фильма материалы, группа документалистов уехала. Но для Павловского история кино на этом не закончилась. Илья Копалин подружился с кинематографистами, и в деревне появился первый деревенский кружок «Киноков». Кружок ставил своей задачей разведывать факты, события. Он выпускал свою фотогазету, поддерживал связь с основной группой «Киноков» в Москве. По сути, кружок занимался творческой разведкой, или, говоря современным языком, продюсированием сюжетов. И для этой должности Дзига Вертов придумал своё название – киноразведчик. В этой ипостаси и начал свой путь в кинематографе Илья Петрович Копалин.

В 1925 году Илья был уволен в запас. Ему нужно было окончательно решить, что делать дальше. И он поступает в Механико-электротехнический институт. При этом полной уверенности в правильности выбора у него не было. Двухлетнее знакомство с Вертовым, участие в съёмках, дискуссиях, просмотрах не прошло даром. Тем более, сам Вертов не раз предлагал идти работать в его группу. Но у Ильи были сомнения, в первую очередь связанные с важным мнением родителей. Как они воспримут такую творческую, «несерьёзную» специальность?

В решении этих вопросов снова помог Дзига Вертов, а именно его фильм «Ленинская киноправда»:

«Посоветовавшись с Вертовым, мы решили пригласить на просмотр картины мою мать, которая больше, чем отец, противилась моему уходу в кинематограф. Я привёз из деревни мать, и в подвале «Культино» мы показали ей картину «Ленинская киноправда». Моя мать, деревенская женщина, вероятно, мало видела кинофильмов, а, может быть, этот просмотр был даже первым в её жизни. Не знаю, что она передумала и перечувствовала во время демонстрации картины, но, когда просмотр закончился, сказала:

— Да, сынок, иди, работай в кино» [2].

Копалин ушёл из института с третьего курса. И стал «киноразведчиком» в коллективе Дзиги Вертова. Он начинает принимать участие во всём производственном процессе, от съёмки и до выхода материала на экран; участвует в съёмке для очередного выпуска «Ки-

ноправды», а также в съёмках больших фильмов: «Шагай, Совет!», «Шестая часть мира» и других. В это время создаётся Центральное бюро группы «киноков», где Копалин дополнительно выполняет обязанности секретаря. Здесь под руководством и вдохновением Дзиги Вертова пишутся манифесты, даются оценки кинопроизведениям, которые в то время появляются на экране. Это был период исканий во всех областях искусства и культуры, период смелых экспериментов со всеми их ошибками. На этих дискуссиях Илья Копалин «впервые услышал и увидел Маяковского, познакомился с Эсфирью Шуб, Алексеем Ганом, Владимиром Ерофеевым, Григорием Болтынским, с художниками Родченко и Степановой».

В 1929 году Копалину поручают первую самостоятельную работу - сделать фильм о деревне. Это был, в принципе, первый большой документальный фильм на эту тему. Задача стояла сложная, наступил период коллективизации сельского хозяйства, ожесточённая борьба с кулачеством. В фильме надо было убедительно показать весь примитивизм единоличного хозяйства на контрасте с новым, что несла с собой коллективизация. Всё это было весьма ответственно для молодого режиссёра. Снимали «на Северном Кавказе, где существовали уже большие коллективные хозяйства, снимали в глухих районах брянского полесья», но большую часть съёмки Копалин проводит в своей родной деревне Павловское, где в то время организовывались первые колхозы. Односельчане, знавшие Илью с детства, с энтузиазмом подключились к съёмкам.

А когда был закончен фильм «За урожай», в зале клуба при фабрике состоялся показ. Здесь собрались по приглашению крестьяне из многих окрестных сёл и деревень. «Картина немая. Она идёт под аккомпанемент рояля, за которым сидит пианист, привезённый нами из города. Но зал не слышит музыки, не замечает, что фильм немой. Зал непосредственно и живо реагирует на всё, что происходит на экране, крестьяне громко читают надписи. Когда видят на экране кого-то из знакомых, все головы поворачиваются в сторону сидящего тут же в зале героя» [2].

В начале 30-х годов в кино пришёл звук. Копалин один из первых оценил его творческие, идейные и агитационные возможности. И снова берёт свою любимую деревенскую тему, и решает снять звуковой документальный фильм о коллективизации. Многими коллегами на тот момент эта идея расценивалась как дерзость. Техника была не совершенна и позволяла снимать звук лишь в павильонах или специально оборудованных помещениях. А тут, помимо «полевых» условий, ещё и обычные люди, которые рады сниматься, но делают это первый раз в жизни. Фильм «Один из многих» (1930) построен на документальном материале, записанном в обычных условиях деревни. И стал одним из первых звуковых советских фильмов, который вышел в прокат.

Местом съёмки снова становятся родные места Ильи Петровича. В это время в основном из жителей деревень Павловское, Санниково, Высоково, посёлка Троицкий формируется образцово-показательный колхоз «Обновлённый труд» (сейчас это деревня Обновлённый труд). Идеальное место для съёмки фильма об успешном развитии сельского

хозяйства и расцвете деревенской жизни на основе создания колхозов. Фильм подробно рассказывает о трудностях и достижениях жизни колхоза «Обновлённый труд» информативно и развёрнуто. Интересен комментарий, опубликованный в журнале «Пролетарское кино» в 1931 году:

«...Это подлинная история подмосковного колхоза «Обновлённый труд». Это повесть о колхозных буднях, рассказанная в хроникальном документе. Копалин настолько задавлен «документацией», так боится отступить от «фотографии», что богатейший материал, собранный им в этом колхозе, не получил поэтому художественного преломления, оставшись только материалом, зарегистрированным в известном хронологическом и историко-смысловом порядке» [5].

Не принятое в 1930-е стремление Копалина к правдивому, полному и достоверному отображению действительности, в перспективе сделало фильмы Ильи Петровича актуальными в современном мире, ценность которых растёт с каждым днём. Нельзя не отметить при этом заслугу учителя Копалина – Дзиги Вертова. В 1920-е годы он боролся за то, чтобы документальное кино показывали в кинотеатрах наравне с художественными фильмами, и у него это получилось, он обратил внимание общественности в сторону этого вида кинематографа. Спустя двадцать лет, в 1940-х, хроника стала неотъемлемой частью советской киноиндустрии и имела собственную киностудию.

В годы Великой Отечественной войны советское документальное кино изменилось, появилась новая техника и приёмы съёмки. Осень 1941 года — один из самых драматических периодов в истории нашей страны. Ноябрь 1941 года. Гитлер объявил, что в день годовщины Октябрьской революции 7 ноября он будет принимать парад своих войск на Красной площади. Но 7 ноября на Красной площади состоялся исторический парад Красной армии, на котором выступал И. В. Сталин, призывавший к разгрому врага.

И в это напряжённое время, когда враг находится в какой-то сотне километров от столицы, режиссёрам Илье Копалину и Леониду Варламову поручают работу над фильмом о разгроме фашистов под Москвой. Был составлен примерный сценарный план фильма, разработаны задания операторам, но многое «зависело от хода событий и от возможностей операторов снять эти события» [4].

На режиссёров было возложено руководство фронтовыми операторами, а это более 15 съёмочных бригад, снимавших наступательные действия советских войск на различных направлениях в реальном времени в условиях прифронтового города. До сих пор с технической и организационных точек зрения это уникальный пример. Бои развернулись на территории почти в 1 тыс. км, всем группам нужно было распределиться по линии фронта так, чтобы не упустить важные события.

«Операторов расставили по главным армейским подразделениям и родам войск, но даже количественно усиленному составу киногоруппы охватить это грандиозное пространство развернувшейся битвы было очень трудно. Операторы снимали, идя с передовыми

Фото 2. Разгром немецких войск под Москвой, афиша

частями по следам отступающего врага. Снежная зима, тридцатиградусные морозы, при которых замерзала, становилась хрупкой плёнка» [4].

Титры фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» сохранили фамилии некоторых операторов: Иван Беляков, Теодор Бунимович, Георгий Бобров, Павел Касаткин, Роман Кармен, Анатолий Крылов, Алексей Лебедев, Борис Макасеов, Борис Небылицкий, Василий Соловьёв, Мария Сухова, Семён Шер, Моисей Шнейдеров, Виктор Штатланд, Александр Щекутьев, Александр Эльберт.

Подход к съёмке мирного времени, когда можно поставить тяжёлую камеру на штатив, в спокойной обстановке её перезарядить, не подходили. Нужен был мобильный, а не стационарный вариант, тогда приняли решение снимать американскими камерами «Аймо» фирмы Bell & Howell. Также использовался и отечественный аналог «КС-4» и «КС-5». Эти компактные камеры до войны использовали для «подсъёма» деталей. И опыт работы с ними имели молодые, менее опытные операторы. Так, съёмка этого фильма вывела на первый план целое молодое поколение кинематографистов. И повлияла на развитие и создание целого ряда технических решений, от разработки телевиков (длиннофокусных объективов, позволяющих вести съёмку с безопасного расстояния) до различных приспособлений для мобильности оператора и съёмок с танков и самолётов.

Работа над фильмом шла параллельно со съёмками. Писатель Пётр Павленко, автор крылатого выражения «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!», автор сценарного плана писал закадровый текст. Когда возник вопрос создания песен для кинокартины, Илья Копалин обратился к поэту Алексею Суркову, недавно вернувшемуся с фронта. Поэт предложил уже готовое стихотворение для защитников столицы, ставшее популярной «Песней (маршем) защитников Москвы». Музыку написал композитор Борис Мокроусов.

И. В. Сталин сам непосредственно участвовал в создании фильма. Отсматривал материал, вносил существенные правки. Так, по его настоянию был сокращён дикторский текст, а оставшийся - очищен от парадных и напыщенных интонаций. Акцент смещён на изображение, монтаж и музыку.

«При доработке фильма после просмотра чернового монтажа самая драматическая, самая эмоциональная часть фильма – кадры разрушений и зверств, свершённых фашистами на советской земле, шли вообще без единого слова, на музыке Пятой симфонии П. И. Чайковского» [2].

К концу декабря, менее чем за полтора месяца с момента начала съёмок, фильм был готов. В 1942 году фильм получил Сталинскую премию первой степени в области литературы и искусства и вышел в широкий прокат по всей стране, а также демонстрировался в действующей армии. А в начале того же года фильм разослали союзникам по дипломатическим каналам. Оригинальную версию фильма показали в Нью-Йорке в августе 1942 года. Для широкого международного проката картина была адаптирована под западного зрителя. В кинотеатрах картина появилась под названием «Москва наносит ответный удар» (Moscow Strikes Back).

«Русские кинооператоры засняли этот исторический документ во время великого зимнего контрнаступления на подступах к Москве, которое началось 6 декабря 1941 года. Об этом фильме нельзя писать обычными словами рецензента, т.к. события в нём не были инсценированы специально для киноаппарата; они были засняты в подлинном беспощадном бою. Среди документов о великих сражениях мы ещё не видели равного ему». (Нью-Йорк Таймс, 15.12.1943).

Фильм номинируют на «Оскар». И в марте 1943 года «Разгром немецких войск под Москвой» получает первую для СССР награду Американской киноакадемии: «Оскар» за лучший документальный фильм. Как и многое, что связано с именем Ильи Петровича, тут многое стало первым – впервые появляется эта номинация, также впервые «Оскар» Американской киноакадемии вручают за иностранный фильм. Почти все фильмы-номинанты связаны с войной, за звание «Лучший документальный фильм» бьётся большое количество претендентов – 25. Знаменитые статуэтки в годы Второй Мировой изготавливались из гипса и красились золотой краской.

«Оскар» Копалина и Варламова хранится в московском Музее кино. На латунной табличке написано: «За героизм русского народа при защите Москвы и за работу над фильмом в условиях чрезвычайной опасности».

Главная заслуга фильма не в признании академиков, а в том, что фильм вышел в широкий прокат, его смогло посмотреть огромное количество людей. Впервые мировая общественность увидела, то происходит на самом деле, это оказало огромное воздействие на общественное мнение в странах, где фильм был показан. Фильм показал населению всего мира (стран союзников) истинный лик фашизма через трагедию обычных людей, а главное, что фашистов можно побеждать. И впервые это осуществила Красная армия.

Только в США и Великобритании кинотеатры собрали 16 миллионов зрителей – это значительная цифра, учитывая количество существующих тогда кинотеатров. Фильм длился чуть больше часа и за это время он сделал то, что до той поры не удавалось сделать ни государственным деятелям, ни дипломатам, – он рассказал людям о людях.

Ряд фильмов Копалина послевоенного периода посвящён теме борьбы за мир и дружбу между народами. Появление новых видов кино – широкого экрана и стереофонического звука – придало новые средства для документального кинематографа. И снова Илья Петрович один из первых опробывает новые технологии в своих картинах. «В чудесном городе» фильм о путешествии по паркам и павильонам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки; «Мелодии фестиваля», снятый в Варшаве во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов, и другие.

Среди всех фильмов Ильи Петровича хочется выделить ещё один – «Первый рейс к звёздам» (1961), над которым он работал вместе с режиссёрами Д. Боголеповым и Г. Косенко. Про полёт Юрия Гагарина создано много произведений, но одной из самых пол-

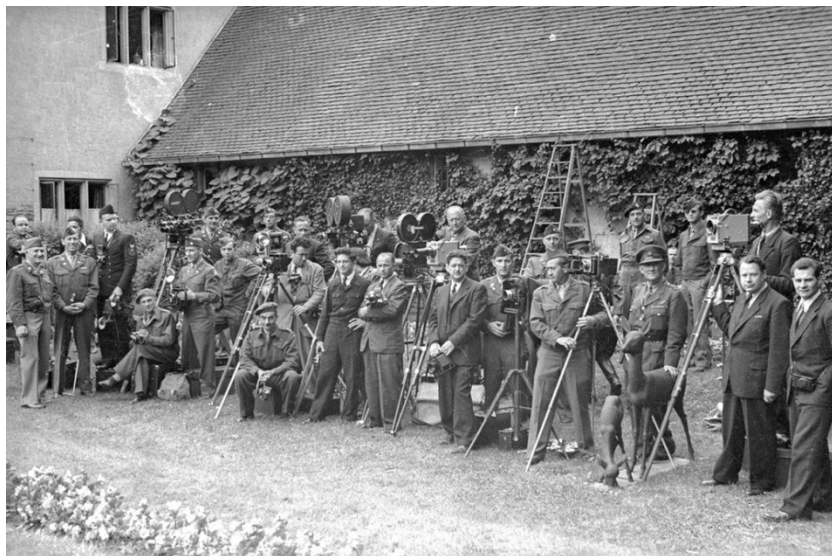

Фото 3. Репортёры на Потсдамской конференции — звукооператор Виктор Котов, режиссёр Илья Копалин. Фото Евгений Халдей

ных «энциклопедий» истории первого космического полёта по праву можно считать этот полнометражный, снятый Центральной студией документальных фильмов совместно с Моснаучфильмом.

И снова здесь, по сути, применяются приёмы организации съёмочного процесса Дзиги Вертова. Большая команда операторов (27 человек) работает сразу во многих точках Советского Союза: от Смоленщины, родины Ю.А. Гагарина, до космодрома «Байконур». И снова ответственная задача – задокументировать важнейшее событие XX века.

«Мы понимали, что пройдут годы, человек освоит космическое пространство, люди будут свободно летать на другие планеты, но первый полёт человека навсегда будет напоминать потомкам, грядущим поколениям о героизме наших первых космонавтов, о величии нашего советского народа, достигшего величайшего прогресса в науке и технике. Навсегда запомнится встреча с первым космонавтом Ю. Гагариным во время съёмок, запомнятся съёмки в Институте космической медицины, где ходили мы из одной лаборатории в другую, наблюдая работу сложнейших аппаратов и приборов, предназначенных для тренировок космонавтов» [2].

*Фото 4. И. Копалин и ассистент С. Пумпянская в монтажной, 50-е годы XX в.
Автор фото Семён Мишин-Моргенштерн*

Более 40 лет Копалин посвятил документальному кинематографу, объездив с операторами практически всю страну и Европу. Илья Петрович прошёл путь от случайного свидетеля киносъёмок в деревне до классика документального кино. Его работы стали не только историческими свидетельствами, но и образцами кинематографического искусства. С кинокамерой в руках он был очевидцем, участником и летописцем истории нашей страны. Он не только передал нам историю на плёнке, но и передал свои профессиональные знания дальше. Среди множества того, где он был первым («Оскар», звук в документалистике и т.д.) - первую во ВГИКе группу режиссёров документального кино собрал тоже он, много лет преподавал и возглавлял кафедру, передавая студентам свой творческий и профессиональный опыт.

Также вклад Копалина в развитие документального кино заключается не только в создании выдающихся фильмов, но и в формировании подходов, которые стали основой для последующих поколений режиссёров. Копалин акцентировал внимание на подлинности событий, как его учитель Дзига Вертов. Этот подход оказал значительное влияние на восприятие документального кино, картины Ильи Петровича формировали общественное мнение и продолжают служить примером того, как документальное кино может быть ближе к зрителю, не теряя исторической достоверности.

«И чувство необыкновенной гордости испытываешь от сознания того, что частица и твоего труда как летописца истории вложена во все эти кадры, что и ты частица славного отряда документалистов, которым доверено писать историю Родины» [2].

Фото 5. Илья Петрович Копалин со студентами — И. Жуковской, Х. Аряя, Л. Файнциммером. Источник - ГОСКАТАЛОГ.РФ, № 8883072

Список использованной литературы и источников:

1. Илья Копалин: кинорежиссёр, начальник фронтовой киногруппы, педагог // Музей ЦСДФ : сетевое издание. URL: <https://csdfmuseum.ru/names/4-илья-копалин> (дата обращения 10.08.2025).
2. Копалин, И. П. Рассказ о творческом пути / И. П. Копалин. — Москва : Бюро пропаганды советского киноискусства, 1966. — 51 с.
3. Мастерская И. П. Копалина : страницы истории ВГИКа / авт.-сост. В. П. Лисакович. учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по кинематографическим специальностям // Всероссийский гос. ун-т кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК) — Москва : ВГИК, 2014. — 279 с.
4. Михайлов, В. Цена кадра. Каждый второй ранен, каждый четвертый убит. Советская фронтовая хроника 1941-1945 гг. / авт.-сост. В. Михайлов, В. Фомин. — Москва : Канон +, 2010. — 1048 с.
5. Пролетарское кино : журнал. — Москва : Пролеткино, 1931. — № 5-6. — 01.05.

М.В. Мосалёв

«ВОСКРЕСЕНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ» - ПЕРВЫЙ ГОД ЖИЗНИ 1923-Й, ИСТОРИЯ ГАЗЕТНОЙ СТРОКОЙ

Сто лет, целый век жила и работала на Истринской земле районная газета, была слюдми в радости и в печали. Менялись названия газеты, её сотрудники и главные редакторы, но суть издания, предназначение нести людям полезную и достоверную информацию, оставалась незыблемой.

Газету хвалили и ругали, называли в сердцах болтушкой, но когда возникали проблемы, шли в её редакцию с письмами о помощи, и она помогала воскресенцам, а потом истринцам. Почти каждый день прибегали в газету возмущённые директора предприятий, работники торговли, любители выпить и пожить за чужой счёт, которых нещадно критиковала «районка». И ведь было за что.

Потому газету с удовольствием читали люди самых разных профессий и должностей. В хорошие годы её тираж достигал 19 тысяч экземпляров.

Мы расскажем вам о начале деятельности районной газеты в тогда ещё Воскресенском уезде, в 1923 году. В первые годы своей работы газета называлась «Воскресенские известия» и была печатным органом Воскресенского уездного комитета Российской коммунистической партии большевиков, а также Воскресенского уездного исполнительного комитета и Воскресенского уездного профсоюзного бюро.

Первый номер газеты увидел свет 21 февраля 1923 года. Выходила газета еженедельно. Один экземпляр издания стоил в киосках пять рублей. В следующем, 1924 году, после завершения денежной реформы 1922–1924 годов, стоимость одного экземпляра газеты составляла уже три копейки. А один килограмм ржаного хлеба, для сравнения, стоил 15–20 копеек. Средняя зарплата, например, милиционера равнялась 60 рублям. Это по данным из открытых источников.

В дальнейшем газета называлась «Голос деревни», в 1931 году её снова переименовали, и она получила название «Истринская стройка». После Великой Отечественной войны у издания опять сменилась вывеска, она стала именоваться «Ленинский путь». Через сорок лет, в 1991 году, обновлённая «районка» вышла в свет с именем «Истринские вести».

В том далёком 1923 году главной темой издания был подъём экономики после Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны. Вот тому первый пример. Передовая статья номера газеты за 29 октября 1923 года озаглавлена «Борьба за понижение цен» [1].

- Крестьянство остро испытывает на себе разницу цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, - сообщают читателям «Воскресенские известия». – Продукты

Цена номера 5 рублей.

ВОСКРЕСЕНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Подписная плата:
На октябрь мес. 25 руб.

Подписка принимается:
В редакцию газеты, в Уисполкоме, Уюме и во всех сельсоветках.

Плата за объявление:
Впервые текст на строку 8 р.—
Позже " " " " 5 р.—

Орган Воскресенского Уюма Р. К. П. (б), Уисполкома и Упробюро
№ 30 Еженедельная Газета. Понедельник 29 октября 1923 года.

Борьба за понижение цен.

Крестьянство остро испытывает на себе разницу цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Продукты, вырабатываемые на рынок крестьянством, стоят значительно ниже товаров и продуктов промышленности.

Пославший Воскресенский Съезд РКП, 10-я губернская партийная конференция и органы советской рабочей крестьянской власти обратили внимание на такое положение крестьянства и решили всеми мерами понизить цены на продукты промышленности и повысить цены на сельскохозяйственные продукты.

Одной из главных мер, позволяющих понизить цены на сельскохозяйственные продукты, является вывоз крестьянского хлеба за границу, где спрос на хлеб идет весьма высоко и будет продаваться за золото. На деньги, вырученные продажей хлеба за границу, советская власть сможет закупить сельскохозяйственные орудия и все необходимое для восстановления крестьянского хозяйства.

Но как понизить цены на товары без ущерба промышленности и государству?

При изучении и деления главной промышленности было установлено, что большинство фабрик и заводов не имеют полной загрузки, и таким образом, непосредственно производит большое количество. Поэтому, надо было в первую очередь сосредоточить (соединить) производство на более выгодных предприятиях.

Работа по концентрации промышленности была проведена за истекший год.

Эта мера для понижения цен на товары сама по себе недостаточна. Все условия должны

быть направлены еще и на увеличение производительности труда и сокращение всякого рода лишних издержек расходов, которые удорожают товары.

Всем переисчисленным мерам было достигнуто понижение себестоимости продукта на 10-12%. Так, доля на продукты текстильной промышленности понижена на 20%, на готовое платье — на 22%, цена на хозяйственное мыло 8 р. 80 к. (заготовку) понижена — 7 р. 50 к., также понижена цена на соль и на другие продукты.

Цены на товары возрастают еще больше, товары по пути от производителя к потребителю проходят сквозь большое количество посредников. Потребитель не получает товар непосредственно от производителя: он получает товар, прошедший много путей и, конечно, каждый посредник, чтобы выжить, повышает цену на товар. Советская власть запрещает посредничества, тесная кооперация пользуется услугами посредников. И мы видим теперь, что например, главный покупатель московской промышленности является госорганы — 15%, кооперация — 18%, частный капитал только 16%, а остальное с частными лицами только 11%.

Таким образом, тот длинный путь от производителя к потребителю (крестьянину), на котором товар обходит целый ряд посредников, сокращается товар к потребителю должен проходить кратчайшим путем, минуя посредников.

Всем этими мероприятиями советская власть стремится уменьшить продукты промышленности и сделать их доступными широкому крестьянству.

ЗА РУБЕЖОМ Положение в Германии.

В Гамбурге продолжаются бои в квартале Шмиде. Гне рабочие устроили правительные оцепы. Во многих Гамбургских кварталах происходят различные бои. Один полицейский участок окружен рабочими. Ратушу защищает чиновники и добровольческие буржуазные отряды. Прибывшие в Гамбург 4 минометсы препятствуют переносу снарядов для сражающихся в Шмиде рабочих. Объявлено усиленное оцепное положение. Введены чрезвычайные суды.

Безпрепятственно заседающая комиссия профсоюзов предложила компартии и с-д. обратиться ко всегерманской комиссии с предложением ликвидировать борьбу и объявить забастовку протеста. Компартия отклонила предложение, заявив, что Компартия не желает распылять борьбы пролетариата и что коммунисты ориентируются на хеминскую комиссию десяти.

ВОССТАНИЕ В БРЕМЕНЕ И В ГАМБУРГЕ

Революционное движение распространяется на Вандербек и Итзеке, где тамечер рейхсвер. В Бремене верфи "Вулкан", все еще заняты рабочими. Все портовые предприятия стоят. Ночь произведены многочисленные аресты коммунистических лидеров. Сегодня должны состояться многочисленные митинги по вопросу о забастовке. Властями приняты меры преследования.

В Киле крайне напряженное положение. Результат голосования в кильских предприятиях по вопросу о забастовке: за забастовку — 3.000, против — 3.000 голосов.

Ожидая, что в Гамбурге и Бремене будет вынесено такое же решение.

Во всей Германии забастовки и волнения

Во всей Германии происходят забастовки и волнения безработных. В Среднегерманском угольном бассейне полная забастовка горнорабочих. Зейтценбургский угольный район также забастовка. В Брауншвейгском угольном районе разгромлена булочная и продовольственные магазины также, как и в Лены булочная и продовольственные магазины также, как и в Верней Силезии всеобщая забастовка рабочих горнозаводских предприятий. В Штеттине, где администрация верфей Вулкан объявила ложуть рабочие, последние заявили верфи: но были удалены полиции.

ЗАБАСТОВОЧНАЯ ВОЛНА

В Бремене и в бременских районах Вейгезак и Блюменталь объявлена забастовка на всех крупных заводах. В Киле объявлена забастовка на верфи "Германия". В Апенбурге и Либне объявлена всеобщая забастовка. В Бремене арестованы 50 активных рабочих компартии. Помещение бюро партии разгромлено, типография партии приведена в негодность.

В Берлине, в связи с похоронами жертв последней демонстрации безработных, была объявлена на всех предприятиях одночасовая забастовка.

В Гамбурге

Рейхвером и Лютон восстание в Гамбурге подавлено. Частичные бои в отдельных частях города еще продолжаются. Среди рабочих производится массовые аресты.

КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ что делается в С. С. С. Р.
КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ что делается за границей
КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ что делается в нашем уезде.
КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ КАК НАДО правильно вести свое хозяйство.
ЧИТАЙ
„Воскресенские Известия“.

Фото 1. Первая страница газеты «Воскресенские известия», 1923 год

и товары, выбрасываемые на рынок крестьянством, стоят значительно ниже товаров и продуктов промышленности.

Последний Всероссийский съезд РКБ (6), 10-я Губернская партийная конференция и органы советской рабоче-крестьянской власти обратили внимание на тяжёлое положение крестьянства и решили всеми мерами понизить цены на продукты промышленности и повысить цены на сельскохозяйственные продукты.

(Примечание автора: Газета имеет ввиду XII съезд Российской коммунистической партии (большевиков), он проходил в Москве с 17 апреля по 25 апреля 1923 года.

В работе съезда приняли участие 875 делегатов, из них 458 - с решающим голосом, 417 - с совещательным голосом, представляющих 386 тысяч членов партии.

Это был первый из съездов РКП (6), в котором по болезни не принял участие В.И. Ленин, и последний, состоявшийся при его жизни).

- Одной из главных мер, повышающих цены на сельскохозяйственные продукты, становится вывоз крестьянского хлеба за границу, где русский хлеб ценится высоко и продаётся за золото, - информировали далее «Воскресенские известия». - На деньги, вырученные от продажи хлеба за границу, Советская власть сможет закупить сельскохозяйственные орудия и всё необходимое для восстановления крестьянского хозяйства в России.

(Примечание автора: По данным, опубликованным в научно-практическом журнале «Экономика и управление» в 2023 году, только в Германию в 1923 году Россия поставила 354590,7 тонн зерновых культур – пшеницы, ржи, ячменя и овса. В итоге за первые девять месяцев 1923 года в той же Германии было приобретено товаров на 24 млн золотых рублей) [16].

- Но как понизить цены на товары без ущерба для промышленности и государства? – задаётся вопросом в том же материале газета.

И оказывается, что при детальном изучении дел в нашей российской промышленности того времени многие фабрики и заводы не имеют полной загрузки, и таким образом непроизводительно поглощают большие средства. Поэтому надобно сконцентрировать производство на более выгодных предприятиях. Работа по концентрации промышленности была проделана за истекший год.

Разумеется, были приняты меры по росту производительности труда и по избавлению от большой цепочки посредников, через которые проходили товары. Советская власть запретила государственной промышленности, трестам и кооперации пользоваться услугами посредников.

Таким образом, цены на продукты текстильной промышленности, как сообщали «Воскресенские известия», были снижены на 20%, на готовое платье – на 25%, цены, к примеру, на хозяйственное мыло снизились с 8 рублей 80 копеек до 7 рублей 50 копеек [1].

«Кто хочет узнать, что делается в СССР, кто хочет узнать, что делается за границей, кто хочет узнать, что делается в нашем уезде, кто хочет узнать, как надо правильно вести свой хозяйство? Читайте “Воскресенские известия”». – Такие призывы были напечатаны на первой странице газеты. Слова набраны крупным шрифтом и взяты в рамочку. Этот чёрно-белый баннер, говоря современным языком, размещён на первой странице газеты от 29 октября 2023 года. [14]. Его мы встретим и в следующих номерах «Воскресенских известий».

Заметим, газета своё слово держала. Вот новая информация об экономике. № 32 от 12 ноября 1923 года. Передовая статья называется «Состояние первичной кооперации» [5].

- За последние шесть месяцев (март-август 1923 года), - информируют читателей «Воскресенские известия», - масштаб первичной кооперации в Московской губернии увеличился. Количество лавок возросло на 10%, количество промышленных предприятий – на 33%. И это несмотря на то, что общая сеть кооперативов подверглась организационному сокращению на 12%.

К первому августу 1923 года по губернии насчитывалось 57 рабочих кооперативов, объединявших 79830 человек. Крестьянских кооперативов было 57 с общим числом участников 111053 человека. 18 кооперативов служащих насчитывали 78179 человек. Всего по губернии действовали 369 кооперативов, объединяющих 272052 человека. Работали 609 лавок.

- За прошедшие полгода, - сообщила газета, - первичные кооперативы заготовили товаров на 4 980 750 рублей. Главнейшими предметами закупок стали мука и крупа – 19%, жиры и мясо – 15%, мануфактура – 12%, сахар и кондитерские изделия – 10%. Общая стоимость проданных за полгода товаров составила 5 689 022 товарных рубля.

Частная торговля стала испытывать тяжёлую конкуренцию со стороны новых магазинов. В то же время непросто было и самим кооперативам. Накладные расходы в них росли с каждым днём. В первичных рабочих кооперативах она составляла 70,9%, в крестьянских – 71,7%, в кооперативах служащих накладные расходы равнялись 83,2%.

Значительная часть накладных расходов приходилась на жалованье служащих там работников – 41-46%.

В итоге собрание председателей первичных кооперативов Московской губернии приняло решение создать комиссию, которая должна была сократить накладные расходы в центре и на периферии.

- Да, в ряде кооперативов, - делала вывод газета, - будут значительные убытки, которые на общей работе всей кооперации Московской губернии серьёзно не отразятся.

На второй странице этой газеты опубликовано сообщение Воскресенского уездного исполкома о том, что в городе Воскресенске вновь открыта электрическая мельница, работающая с восьми утра и до часа ночи. За это время она способна размолоть 300 пудов зерна, то есть почти пять тонн – 4800 кг – ржи, пшеницы и ячменя. Плата за помол взималась натурой – с пуда три фунта, то есть 1,360 килограмма, что не очень много [6].

И тут же рядом с этим объявлением размещена интересная заметка о пользе печной золы. Сдобренная ею земля отзовется хорошим урожаем.

- Русская печка, - пишут «Воскресенские известия», - фабрика удобрений. А некоторые неосознательные граждане высыпают эту самую золу на дорогу рядом с домами [2].

Замечательная заметка о золе, которая, кстати, и в наше время служит хорошим удобрением для приусадебных участков.

«Воскресенские известия» уделяют очень большое внимание сельскому хозяйству. И правильно. Ведь многие в Воскресенском уезде живут в сёлах и в деревнях и обеспечивают себя продуктами самостоятельно. Вот тут и приходит им на помощь газета. Только читайте и следуйте немудрёным правилам, продиктованным самой природой.

В материале «Чисть поле и огороды под зиму!» говорится о подготовке пашни для будущего урожая: «... На отвердевших, прибитых дождём и пастьбой почвах, иссушенных снятым урожаем, разложение корневых остатков, дернины, жнивья не может идти также хорошо, как на поднятой, взрыхлённой плугом пашне. На поднятой пашне воздух, вода, угольная кислота и животные микроорганизмы лучше делают свою работу по поспеванию пашни к посеву» [11].

И тут же заметки о борьбе с гусеницами, уничтожающими яблони, и о том, как бороться с чесоткой лошадей [7].

Человек, живущий в 21 веке, только улыбнётся, прочитав такие заметки, а зря, кое-какая информация, идущая к людям от уездной газеты, может сослужить пользу и в наше электронное время.

«Кто хочет узнать, что делается за границей?» - помните этот вопрос газеты, опубликованный выше. В 1923 году он был очень актуален. Люди в России ждали продолжения Октябрьской революции в других странах. На эту тему есть заметки и в «Воскресенских известиях». Газета вместе с жителями Воскресенска искренне переживает и сочувствует пролетариям из других государств, решивших бороться за социализм в своих странах.

Часть первой страницы издания посвящена, как правило, международному положению. А оно в 1923 году было очень сложным, особенно в Германии [3].

- В Гамбурге продолжают бои в квартале Шивбек, - информируют «Воскресенские известия». - Один полицейский участок окружён рабочими. Ратушу защищают чиновники и добровольческие буржуазные отряды.

Революционное движение распространяется на Ицехее и Вандбек. Все портовые предприятия стоят. Ночью произведены аресты коммунистических лидеров.

По всей Германии происходят волнения безработных. В Берлине арестованы 50 активных работников компартии [4].

В начале ноября началось вооружённое восстание краковских рабочих в Польше. В течение целого дня продолжался бой между рабочими и военными частями.

80-й полк уланов, Катовицкий и Восточно-Галицийский пехотные полки перешли на сторону рабочих. Рабочие захватили 9 тысяч винтовок, 12 пушек и броневедомоцикл. Гарнизон вытеснен из Кракова. Организована рабочая милиция. Революционные события распространились и на города Тарнов, и Борислав.

Как помочь зарубежным пролетариям? На страницах «Воскресенских известий» объявляется сбор средств для восставших рабочих. Параллельно собираются средства на строительство советского Воздухофлота. Надо укреплять оборону первой страны Советов!

Воскресенцы вносят средства и бросают на газетных страницах вызов друзьям, соседям и коллегам по работе присоединиться к инициативе. Например, И. Ляпин внёс 17 октября 1923 года один золотой рубль, что по курсу того времени равнялось 535 обычным рублям, и призвал к аналогичным действиям всех педагогов Пятницкой волости, а также товарищей А. Миронова, Панкратова, Гниловского и Боброва [8].

А некий товарищ Димза (скорее всего, это псевдоним) по вызову тов. Спиридонова внёс в помощь немецким рабочим одну облигацию золотого займа и призвал к такому же действию товарищей И. Соколова, Г. Талалаева и В. Филюшина.

В номере 31 от 3 ноября 1923 года на первой полосе опубликована передовая статья, посвящённая шестой годовщине Октябрьской революции. Да, впереди праздник, и пора подводить определённые итоги.

- За шесть прошедших лет, - сообщают «Воскресенские известия», - мы проделали большую и трудную работу по обороне и восстановлению страны. Мы сумели заставить заработать разрушенные фабрики и заводы, мы сумели победить голод, холод и разруху.

Далее на страницах газеты опубликованы воспоминания очевидцев революционных событий [10].

Заметка «Канун Октября». Автор подписал её словом Участник, не оставив потомкам ни своего имени, ни фамилии.

Читаем его горячие строки: «Окончилось демократическое совещание – эта «лебединая песня» Керенского. Рабочие начали лихорадочно вооружаться – час революции был недалёк. На Гучковской фабрике рабочие также поспешно стали готовиться к решительному бою. Удалось достать 500 винтовок и несколько ящиков патронов. Сейчас же бюро Тушино-Гучковской организации большевиков во главе которой стоял в то время товарищ Демидов, стало обучать рабочих пехотному строю и уличной борьбе.

25 октября по старому стилю мы узнали, что в Москве началась Гражданская война. Тушино-Гучковская организация немедленно создала революционный комитет в составе пяти человек, куда вошли товарищи Демидов, Коломин и ряд других.

Революционная волна охватила и ряд крестьянских селений. В Еремеевской волости в то время имелась ячейка большевиков во главе с товарищем Коломиным. Велась работа и в деревнях Павловское, Ивановское, Лужки. Из жителей этих деревень был собран отряд в составе 150 человек.

В Шараповской и Якунинской волостях был создан отряд в составе 40 человек.

Часть товарищей из этих отрядов была вооружена дробовиками, но все рвались в бой, все жаждали сразиться за дело революции.

28 октября по постановлению Гучковского революционного комитета были заняты города Воскресенск, Волоколамск и Звенигород.

29 октября из Москвы в наш ревком приехал товарищ Реутов и от имени Московского ревкома попросил поддержать рабочих Москвы. В семь часов утра был созван ревком, который решил послать в Москву 195-й пехотный полк, который в то время стоял в Павловской слободе.

В течение пяти часов полк усилиями товарищей Демидова и Блинова был поставлен под ружьё и отправлен в Москву. Все офицеры из этого полка, за исключением двоих, скрылись.

На другой день мы получили из Москвы требование выслать ещё 100-150 человек. Когда об этом объявили рабочим Гучковской мануфактуры, то положительно никто не хотел оставаться на фабрике, все рвались в Москву на баррикады.

И вот ещё одна заметка из 31-го номера «Воскресенских известий», опубликованная на третьей странице газеты. Она не подписана. Называется «Октябрьские дни в Воскресенске».

- Как только начался переворот в Москве, - с таких строк начинается этот материал,

- по Воскресенску поползли слухи, что в город придут гучковские рабочие и солдаты из Павловской слободы. Тем временем в монастырской гостинице набилось битком людей «белой кости». В Воскресенске в ту пору располагалась команда охраны, состоявшая из десяти солдат, двух унтер-офицеров и двух прапорщиков.

Бежавшие со всех сторон золотопогонники, скрывавшиеся в захолустном городе, думали оказать сопротивление рабочим и крестьянам. Но начальник местного гарнизона заявил, что он воздержится от всякого сопротивления.

В ночь с 1 на 2 ноября в Воскресенске были арестованы начальник местной милиции и начальник гарнизона. Их отправили в Ревтройку, которая помещалась в трактире Бородина.

В эту же ночь были арестованы все приехавшие в город офицеры и у них в ходе обысков изъяли всё имевшееся оружие. Везде были выставлены патрули из прибывших рабочих и солдат.

На другой день комиссаром общественной тишины был назначен товарищ Бондарев. Начальник милиции был оставлен на своём посту.

На заседании исполнительного комитета совместно с гражданами Воскресенска представители рабочих объяснили, почему совершается переворот и что это за власть, которая осуществила эту революцию под руководством большевиков.

Настроение собравшихся вначале было удручающим, все молчали. Но потом сомнения были рассеяны, и публика разошлась по домам удовлетворённая.

Фото 2. Первомайская демонстрация в Воскресенске

7 ноября 1923 года в Воскресенске на площади Карла Маркса состоялись торжества по случаю шестой годовщины Октябрьской революции.

- К 12 часам дня, - сообщает читателям газета, - на площадь прибыли местная часть особого назначения, команда пожарных, допризывники, пионеры с красными галстуками на шеях, профорганизации и, наконец, маленькие карапузы из детских домов.

Состоялся обход частей. То там, то здесь раздавалось громкое «Ура!». А небо хмурилось, моросил небольшой дождик, но это не омрачало праздничное настроение.

После митинга был церемониальный марш. Затем демонстранты направились на площадь к школе 2-й ступени, где на грузовике был дан небольшой летучий спектакль.

В три часа дня для детей школ 1-й ступени и детских домов в Народном доме был устроен детский спектакль. А вечером на площади состоялся киносеанс, а затем в Народном доме – бесплатный спектакль «Мистерия Буфф».

Праздник ушёл в историю, и снова дела, работа без конца и края. В числе главных, ещё нерешённых до конца задач – неграмотность населения.

«На борьбу со злейшим врагом» – так называется материал, опубликованный в №35 «Воскресенских известий» первого декабря 1923 года, автор Ф. Потёмкин [12].

- Объявленная кампания по ликвидации неграмотности по Воскресенскому уезду с 15 августа по 1 сентября не везде прошла удачно, – озабочена газета. – Она совпала частью с уборкой картофеля, частью с дождливой погодой, что мешало открытию пунктов по ликвидации неграмотности.

Кампания осталась позади, а тем самым и вопрос о ликвидации неграмотности отодвинулся на задний план. «Так ли должно быть на самом деле?» – задаётся вопросом газета. Необходимо отнестись к вопросу с подобающей серьёзностью. К ликвидации неграмотности должны быть привлечены широкие массы партийных, советских и профсоюзных работников. Кампания по ликвидации неграмотности не может быть ослаблена ни в какой мере.

В Воскресенском уезде по предварительным подсчётам 4000 неграмотных, которых надо обучить за четыре следующих года, до десятой годовщины Октября.

За первый год надо обучить 1000 человек, а в пунктах по ликвидации неграмотности сейчас обучаются всего 199 человек. Сейчас наступил сезон учёбы и остальные 801 человек ждут, когда им откроют школу. Кампания по ликвидации неграмотности не должна прерываться.

Заботит газету и повышение культурного уровня населения Воскресенского уезда. По этому поводу в информационной заметке «Хорошее дело задумали» в том же 35-м номере написаны следующие строки: «Надоело бездельничать молодёжи Еремеевской волости. Пора наступила зимняя, свободного времени много, надо его использовать с пользой для себя и других. И вот 20 ноября молодёжь собрала общее собрание и решила поговорить о том, как лучше проводить зимние вечера. До сих пор они проводились в «избушках» – с самогоном, драками и хулиганством.

Поговорили, поспорили на этом собрании и, наконец, единогласно пришли к одному выводу – надо организовать избу-читальню. Только она поможет молодёжи освободиться от разврата улицы и бесполезной траты времени. Так и записали в протокол: «Для борьбы с бездельем общее собрание молодёжи постановило организовать в деревне Высоково избу-читальню». В качестве работницы единогласно избрали Анну Егорову.

- Будем надеяться, – делает вывод автор статьи, некто Б., – что комсомольцы деревни Высоково доведут начатое до конца и тем самым послужат хорошим примером для всей молодёжи Воскресенского уезда [15].

Газета регулярно публикует материалы и о Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре.

Много в «Воскресенских известиях» критики. Она, как известно, очень хорошее подспорье для того, чтобы делать выводы из ошибок и продолжать движение вперёд.

Вот, например, некто Прохожий сообщает с газетных страниц, что близ селения Рождествено Пятницкой волости протекает река Нудоль. Мост, перекинутый через эту реку, пришёл в такое ветхое состояние, что езда по нему сопряжена с большим риском. Того и гляди, что он может рассыпаться под тяжёлыми волами. Волостному исполкому, делает вывод автор, пора привлечь граждан окружающих селений к ремонту этого моста [13].

И удивительная заметка под заголовком «Серьёзный счетовод». В ней рассказывается о счетоводе Бутурове, работающем в совхозе «Аносино».

«... Любит он, чтобы рабочие относились к нему не как к своему брату, а как к персоне высокой и ответственной.

Привёз, скажем, счетовод жалованье. Приходит рабочий к нему за получкой – деньги нужны человеку до зарезу. Счетовод эдак свысока поглядит на рабочего и промямлит:

– Я устал. Мне надо отдохнуть, заниматься мне с вами сейчас некогда.

Ну и конечно рабочий откатывается колбасой обратно, жди, пока счетовод отдохнёт.

Нужно рабочему какую-нибудь справку получить у Бутурова – тот же ответ, та же ссылка на усталость. А не пора ли отправить товарища Бутурова на курорт, очевидно, он сильно переутомился [9].

Согласитесь, что такие граждане живут среди нас и ныне. Вот бы «пропесочить» их на газетных страницах.

Но три года назад наша «районка» ушла в историю. Многие жители Истринской земли до сих пор с любовью вспоминают свою газету.

Список использованной литературы и источников:

1. Борьба за понижение цен // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 1.
2. Васильев, В. Л. Удобряйте землю печной золой! / В. Л. Васильев // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 2.
3. Ватлин, А. Ю. Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин // Александр Ватлин. – Москва : РОС-СПЭН, 2002. – Стр. 10-12.
4. За рубежом. Положение в Германии // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 2.
5. Информационный баннер // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 1.
6. Информационный баннер об открытии в Воскресенске электрической мельницы // Воскресенские известия. – 1923. – №32. – С. 2.
7. Лебедев, А. // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 2.
8. Наши вызовы // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 4.
9. Один из рабочих. Серьёзный счетовод // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 3.
10. Октябрьские дни в Воскресенске // Воскресенские известия. – 1923. – №31. – С. 1-3.
11. Павлов, И. Чисть поле и огороды под зиму! / И. Павлов // Воскресенские известия. – 1923. – №29. – С. 2.

12. Потёмкин, Ф. Все на борьбу со злейшим врагом / Ф. Потёмкин // Воскресенские известия. – 1923. – №35. – С. 1.
13. Прохожий. Почините мост // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 3.
14. Состояние первичной кооперации // Воскресенские известия. – 1923. – №30. – С. 1.
15. Хорошее дело задумали // Воскресенские известия. – 1923. – №35. – С. 3.
16. Целищев, А. О. Советско-германский хлебный договор 1923 года / А. Целищев // Экономика и управление: научно-практический журнал. URL:<https://ekam-journal.com/images/2023/1-2023/Tselishchev.pdf>. – 2023. – №1. – С. 127.

Т.И. Антипова

ВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО КИРПИЧНОГО ЗАВОДА (НИКЗ)

В 2024 году заводу исполнилось бы 110 лет. К сожалению, в 2020 году завод прекратил выпуск кирпича. Но богатая история предприятия, людей, работавших на предприятии и приносивших своим трудом славу заводу, не может оставить равнодушным любого, кто был причастен к этой вековой истории, захватившей и XX, и XXI века.

В XVII веке развитие промышленности в районе было связано, прежде всего, с отраслями, обслуживающими строительство монастыря Нового Иерусалима. Для строительства здания храма, внутренних помещений (палат), длинной каменной стены-ограды требовалось огромное количество кирпичей. Для этого было налажено специальное производство - создана сеть кирпичных заводов. Согласно Описанию городов Московской губернии, относящемуся уже к 1787 году, близ Воскресенска действовали 13 кирпичных заводов. Через несколько десятилетий строительство монастыря будет завершено и строительные предприятия сойдут на нет. Сам же город по-прежнему застраивался деревянными одноэтажными домами [3, С. 53].

Заштатный городок Воскресенск Звенигородского уезда в начале XIX века, оставшись «за штатом», жил неспешно, представлял бедное мещанско-купеческое поселение, а дома его жителей сохраняли атрибуты крестьянского подворья. Воскресенские жители занимались, в основном, огородничеством и хлебопашеством, сдавали спальные места паломникам, торговали. Отсутствие промышленных предприятий отчасти компенсировал растущий поток паломников в Воскресенский монастырь. Город вёл весьма незначительную торговлю, здесь были три гончарных завода и один кирпичный (фото 1).

В первой половине XIX века в городе имелись лишь небольшие ремесленные мастерские, а в середине появилось первое промышленное предприятие - бумажно-шерстяная фабрика. Дома в городе были деревянными, многие из них сгорели при пожаре 1869 года. Необходимость скорейшего восстановления города после пожара вызвала в городе строительный подъём. Заново стали отстраиваться дома, также начали строить первые каменные здания, предназначенные только для торговли.

Строительный подъём вызвал потребность в строительных материалах. Рядом с городом были построены кирпичные заводы: в деревне Лучинское С.И. Топленкова на 15 рабочих мест и П.С. Звягина на 8 рабочих мест, близ деревни Букарёво В.С. Миронова на 6 рабочих мест; в деревне Сычёвка, в слободе Макруше купца И.С. Зорина на 10 рабочих мест. Здесь же крестьянин Берёзкин делал кирпич в собственной мастерской силами своей семьи, а житель Макруши Иван Колесников на своём заводике работал сам с одним на-

Фото 1. Ново-Иерусалимский монастырь

ёмным рабочим. При станции «Новоиерусалимской» был кирпичный завод крестьянина Г.И. Богачёва, здесь работали 15 человек.

Вот такие масштабы кирпичного производства были в конце XIX века в Воскресенске [5, С. 153].

Начало двадцатого века - время непростое, насыщенное историческими событиями. В Воскресенске, почти не имевшем промышленных предприятий, было относительно спокойно. Экономика города и уезда после революции находилась в тяжелейшем кризисе. Не работали фабрики, только действовали мелкие кустарные мастерские, лесной склад при станции «Новоиерусалимская», была организована первая белошвейная женская артель. Оживилась частная торговля. Промышленность оставалась по преимуществу полукустарной. Прошло время ремесленников-одиночек, стали образовываться производственные артели, такие как «Швейник», «Красный кустарь», артель инвалидов, обувная артель «Рабочий». При станции «Новоиерусалимская» работал Завод №6, производящий коробки и бочки.

Есть сведения о кирпичных заводах того времени. Новоиерусалимские кирпичные заводы №3 (бывший Морозова) и №4 (бывший Богачёва) входили в «Ленстройтрест». Эти предприятия выработывали залежи глины, запасы которой определялись соответственно в 12-14 и 10-12 лет. Предприятия постоянно испытывали недостаток в рабочей силе, особенно завод №3. В 1931 году вместо необходимых 200 человек здесь трудились 73, а на заводе №4 вместо 150-92 рабочих. Обычно недостаток в рабочих восполнялся сезонниками. Завод №4 связывала с карьером узкоколейка [1, С. 551].

История же нашего Ново-Иерусалимского кирпичного завода начинается в начале XX века и связана с семьёй Саввы Тимофеевича Морозова, известного промышленника, фабриканта, мецената.

Савва Тимофеевич Морозов был незаурядной личностью. Закончил естественное отделение физико-математического факультета Московского государственного университета, увлекался химией и электротехникой, знание которых нашли конкретное воплощение в его предпринимательской деятельности. Занятия химией он продолжил в Англии в Кембриджском университете, где одновременно знакомился с текстильным производством. Деловую карьеру Саввы Тимофеевича сопровождала его благотворительная и меценатская деятельность (фото 2).

Многое в жизни Саввы Тимофеевича складывалось по-особому. История его любви, женитьбы и семейной жизни служит ярким примером неординарного поведения.

Зинаида Григорьевна, урождённая Зимина, женщина, которую он страстно полюбил, обладала смелостью и решительностью, способностью делать рискованные шаги, не боясь быть отвергнутой обществом. Независимая, свобододолюбивая, своенравная и тщеславная, «... интересная женщина, весьма авторитетная и скорее

Фото 2. Савва Тимофеевич и Зинаида Григорьевна Морозовы

надменная... своего рода русский самородок», - так писал о ней П. А. Бурыйшкін в «Москва купеческая» [2, С. 61]. Став женой С. Т. Морозова, она окружила себя учителями французского и английского, и очень быстро превратилась в достаточно образованную женщину.

«Присущее ей чувство юмора, чувство русского эмоционального восприятия жизни, уверенность в своей правоте и небоязнь сказать прямо в глаза человеку то, что она о нём думает, сохраняя при этом добрые с ним отношения, её жажда жизни делали её необыкновенной», - так писали о ней современники [2, С. 64]. «...Хозяйка Зинаида Григорьевна Морозова женщина большого ума, ловкая, с вкрадчивым выражением чёрных умных глаз... вся увешанная дивными жемчугами, принимала гостей с поистине королевским величием», - так вспоминал о ней князь С.А. Щербатов [2, С. 74].

Савву Тимофеевича, вероятно, раздражало желание жены всюду показывать свои сногшибательные туалеты и ослепительные украшения, здесь она порой теряла чувство меры. Да и салон Морозовой посещала не только аристократическая элита, но и экстрава-

гантная «золотая молодёжь». Но к гостям жены Савва относился с должным уважением и беспрекословно оплачивал счета на наряды жены, заказанные в Париже.

Будучи женой Саввы Тимофеевича, Зинаида Григорьевна, сохраняя семейные традиции, занималась благотворительностью. Всей Москве были известны её вербные базары, рождественские и пасхальные праздники, которые она устраивала для детей-сирот. В 1891-1892 годах она собирала средства в пользу голодающих в Поволжье, в 1898 году построила детские ясли, организовала благотворительные концерты, помогла Обществу помощи учащимся женщинам, пересылала деньги на благотворительные дела Максима Горького [2, С. 80].

Весной 1905 года Саввы Тимофеевича не стало. По мере возможности его вдова продолжала благотворительную (или жертвенную, как говорили тогда) деятельность супруга. В память о Савве, в 1913-1915 годах, она построила в Москве дом дешёвых квартир имени Саввы Морозова, корпус на 32 койки в Старо-Екатерининской больнице для родильного дома, в 1912 году завершила строительство большого Зимнего театра в Орехово-Зуево, заложенного ещё Саввой. В годы Первой мировой войны организовала сбор средств для раненых, материально помогала семьям погибших на войне. Продолжая традиции, оказывала помощь нуждающимся студентам Московского университета и приюту для сирот в Москве [2, С. 83].

Вот такая она, Зинаида Григорьевна Морозова. После смерти мужа она приступила к управлению имением Покровское-Рубцово. В 1909 году Зинаида Григорьевна отдала имение сыну Тимофею. В это время к ней не раз обращалась её приятельница Гликерия Александровна Коротаева (из купеческого сословия) с просьбой уступить ей участок земли на левом берегу реки Малая Истра, чтобы построить пансионат для больных туберкулёзом учителей. Зинаида Григорьевна продала ей землю и, поняв, что для строительства лечебницы и прочих хозяйственных нужд понадобится кирпич, решила организовать его выработку вблизи от стройплощадки [4, С. 219].

В 1913 году в районе станции «Новоиерусалимская» был открыт сезонный кирпичный заводик «для хозяйственных нужд». На следующий год его перенесли ближе к карьеру. На стене нового цеха рабочие выложили белым кирпичом цифру 1914. В этот год завод выдал первый кирпич, и его считают первым в биографии предприятия.

В действительности кирпичные заводы существовали здесь гораздо раньше. Предшественником кирпичного производства является промысел по изготовлению поливных изразцов. В соседней деревне Сычёвки на карте 1853 года уже отмечен кирпичный завод - примерно там же, где и современный. В 1890 году при д. Сычёвки работал кирпичный завод - причта церкви с. Ильинского (Городищи), управлял крестьянин Вдовин, работали 4 человека, в 1906 году существовал завод Павла Звягина при селъце Лучинском, в 1915 году при станции «Новоиерусалимской» действовало небольшое предприятие крестьянина Гавриила Богачёва, на котором трудились 15 человек.

В 1920 году вблизи станции «Новоиерусалимской» появился новый населённый пункт, позже известный как посёлок Кирпичного завода, ныне посёлок Первомайский. В 1924 году он назывался неопределённо - Железнодорожный посёлок при Новоиерусалимской станции.

В 1924 году при станции работали 3 кирпичных завода: завод Москомхоза (102 рабочих), завод Белорусско-Балтийской железной дороги (18 рабочих), завод Комхоза уездного исполкома (10 рабочих) [1, С. 551] (фото 3).

Фото 3. Реклама кирпича. Вырезка из газеты

шоссе расположена основная масса сушильных навесов, печь для обжига и бараки рабочих. С севера находятся карьеры для добычи глины [1, С. 551].

Тогда кирпичники работали тяжело, вручную. Лопатами в карьере грузили липкую глину на тачки или конные вагонетки и толкали к месту формовки. Месили глину ногами, подчас и босиком, шутиливо приговаривая при этом: «Топ, топ, глинотоп!». Формовали будущие кирпичи руками и складывали их затем в сушильные сараи. Из них кирпичи на вагонетках доставляли в кольцевую печь для обжига, так называемую печь конструктора Гофмана. Зимой сырец подвозили к месту обжига на санях. Затем уже готовый кирпич сортировали по качеству и отправляли на продажу. Сушильные сараи занимали большую площадь и примыкали вплотную к деревне Сычёвки. Целая сеть небольших карьеров находилась тогда на широком поле возле станции «Новоиерусалимская». Формовочное отделение и печь были примерно в середине деревни Сычёвки. Рядом с формовкой и обжигом находились контора, медпункт и бараки для рабочих (фото 4).

Потребность в кирпиче постоянно росла, завод разрастался, увеличивался его коллектив. Стали осваивать новые территории около нынешней платформы «Чеховская», там фактически вырос

В конце 20-х годов здесь были 2 кирпичных завода: №4 Воскресенского промторга (58 рабочих, 15 служащих, 6 человек младшего обслуживающего персонала), в 1927/28 операционном году работал 8 месяцев, выпустил продукции на 159 тыс. червонных руб.; №5 той же организации (117 рабочих, 6 служащих, 6 человек младшего обслуживающего персонала), в 1927/28 операционном году работал 4 месяца, выпустил продукции на 139 тыс. червонных руб. [1, С. 551].

Со временем осталось одно предприятие с двумя подразделениями. Путеводитель 1934 года указывал, что к станции примыкает кирпичный завод №4, к югу от

второй завод с карьерами, камерной сушилкой, вертикальными прессами, печами обжига, перешли с сезонной на круглогодичную работу.

Заводской коллектив на первых порах формировался из жителей местных населённых пунктов. С годами он стал пополняться специалистами, присланными по разнарядке и распределению, а также рабочими, завербованными в Калужской, Рязанской и Тамбовской областях. Приезжающих расселяли по баракам и частным квартирам, ставили на работу.

Рос коллектив, росли объёмы производства. Потребность в кирпиче была очень большая, ведь в те годы вся страна представляла собой гигантскую стройку. В 1936 году был сдан в эксплуатацию ещё один цех - №2, в 1939 году предприятие перешло на круглогодичную работу. В 1940 году первую продукцию дал цех №1.

Но началась война, многие рабочие и служащие завода ушли на фронт, завод закрыли. Перед приходом фашистов основные сооружения завода взорвали, жители посёлка Кирпичного завода разошлись по соседним деревням (Ильино, Избищи, Слабошейно). Многие героические поступки совершили заводчане в годы войны. В память о погибших построили мемориал из чёрного мрамора, настоящий художественный триптих, расположенный в сквере у заводоуправления. На двух мемориальных досках высечена 51 фамилия погибших жителей посёлка.

В середине и конце 40-х годов прошлого века завод, пострадавший от боевых действий, работал с большими перебоями, не хватало электроэнергии. Посёлок как такового не было. Стояли два сгнивших деревянных барака, жители ютились в землянках и домах с печным отоплением, без водопровода и электроэнергии. Посёлок и завод создавались почти заново. Военнопленные немцы построили 4 жилых дома, общежитие, баню, медпункт, почтовое отделение, принимали участие и в реконструкции завода. В 1945 году на предприятии работали заключённые, рядом находился их лагерь. В этом лагере отбывал свой срок и работал на заводе будущий писатель Александр Исаевич Солженицын. К 1947 году восстановительные работы закончились, завод начал развиваться дальше. В 1949 году введены в эксплуатацию цех №3, железнодорожные тупики, центральная парокотельная, механический цех.

Фото 4. Работа на заводе

Первым послевоенным директором кирпичного завода был Василий Иванович Татино, главным инженером А. П. Муравлёв.

В послевоенные годы на Ново-Иерусалимском заводе сменилось много директоров, качество кирпича ухудшилось, объёмы выпуска продукции сократились.

15-м директором завода в 1971 году стал Валерий Семёнович Иванов. На новом месте он начал работу с заботы о людях. Иванов дневал и ночевал на предприятии, постепенно дела на заводе стали поправляться, завод начал выпускать качественный кирпич, стал лучшим в отрасли и ему присвоили почётное звание «Предприятие высокой культуры производства и организации труда», а Валерий Семёнович получил звание «Заслуженный строитель РСФСР». При Иванове посёлок преобразился, многие заводчане получили квартиры в новых домах, в рабочей столовой ввели бесплатные обеды, работники завода отдыхали группами и индивидуально по путёвкам. Была создана заводская самодеятельность, заводской хор с годами стал народным, выезжал на гастроли и давал концерты (фото 5).

По рекомендации Валерия Семёновича в 1998 году генеральным директором стала Валентина Гавриловна Прямикова, которая успешно поддержала темп работы, взятый Ивановым. В то время она была единственная женщина на всю Московскую область в такой должности. Годы кризиса и послекризисные годы стали тяжёлым испытанием для завода, с которыми он успешно справился.

Фото 5. Валерий Семёнович Иванов

По качеству новоиерусалимский кирпич стал лидером в нашем регионе. В 2003-2004 годах завод освоил производство реставрационного кирпича, кирпича с технологическими пустотами. Около 20 храмов Истринского района, Москвы и Московской области использовали новоиерусалимский кирпич при производстве реставрационных работ.

Преобразился внешний вид территории завода, рядом с заводскими корпусами были высажены деревья, разбиты клумбы с цветами. Работники завода обеспечивались жильём, в 1998, 2004 и 2010 годах сданы в эксплуатацию три 50-квартирных дома для рабочих и служащих предприятия.

Завод заслужил диплом первой степени на юбилейной выставке, посвящённой 50-летию строительного комплекса Московской области. Четыре раза предприятие заносилось на Всесоюзную доску почёта.

Самое большое богатство любого предприятия, организации - это люди. На предприятии, несмотря на тяжёлый труд, выросли рабочие династии, отдавшие производству кирпича десятки лет. Это династии Дорохиных, Григорьевых, Егоровых, Лагуткиных-Денисовых, Салычевых, Панченко, Широковых, Муковниных, Зыбиных, и этот список можно продолжить. Общий трудовой стаж у некоторых династий - более ста и даже двухсот лет. О каждой из них можно написать не один рассказ.

50 и более лет отработали на заводе ветераны: Н. С. Афанасенкова, В. С. Иванов, Т. Е. Исаева, В. А. Корчагин, М. П. Лагуткина, А. Н. Мамонова, Р. И. Милешина, Е. М. Норкин, Л. А. Пантелеева, Н. П. Полякова, В. В. Тамбовцева.

За трудовую доблесть орденами и медалями СССР награждены 28 заводчан, медалью «Заблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» награждены 68 человек. Многим работникам завода присвоено звание «Заслуженный строитель РФ» и «Заслуженный строитель Московской области». Честь и хвала «золотым рабочим рукам» заводчан!

В 2014 году завод отметил своё столетие. За сто лет предприятие выпустило около 5 миллиардов штук кирпича. На заводе работал сплочённый коллектив. Но судьба распорядилась по-своему. В 2020 году завод прекратил выпускать кирпич, завершилась славная вековая история предприятия. Но остались люди, своим трудом приносившие славу заводу, осталась память о них в умах и сердцах заводчан.

Список использованной литературы и источников:

1. Истринская земля / А. А. Зилов и др.; ред. Л. В. Гладков. – Москва: Энциклопедия сёл и деревень, 2004. – 846 с. – Серия «Энциклопедия сёл и деревень Подмосковья».
2. Морозова, Т. П. Савва Морозов / Т. П. Морозова, И. В. Поткина. – Москва : Русская книга, 1998. – 206 с.
3. Об Истре с любовью: Сборник историко-художественных произведений / Составитель В. Н. Жуков: В 2 т. – Т.1. – Москва : Флинта : Наука, 2001. – 432 с.
4. Покровское-Рубцово: историко-публицистическая книга / автор-составитель В. Ф. Мосалёв, Е. Н. Гилярова и др. – Москва : Делмос, 2009. – 255 с.
5. У стен Нового Иерусалима история города Воскресенска-Истры / М. А. Крючкова, Л. Г. Невзорова, Н. И. Сафонова. — Москва : Лето, Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим», 2010. — 430 с.

А.Н. Гольцев

РОЛЬ СВЯЩЕННИКОВ БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПАВЛОВСКОЙ СЛОБОДЕ В XIX ВЕКЕ

В декабре 2026 года исполнится 150 лет со дня открытия Павловской СОШ (средняя общеобразовательная школа) Истринского муниципального округа. Однако, об истории возникновения и развития школы, в особенности в первоначальный период, известно немного. В связи с приближающимся юбилеем важно не только воссоздать основные этапы развития образования, но и установить роль тех, кто в это внёс основной вклад.

В начале XIX века село Павловское (ныне Павловская Слобода) с прилегающими деревнями было передано в Комиссариатское (военное) ведомство, а существовавшая суконная фабрика была ориентирована на производство сукна для армейских нужд. Расширение и модернизация производства потребовали существенно увеличить численность работников.

Из местной крестьянской общины были отобраны и принудительно отправлены на фабрику сотни неграмотных землепашцев, ставших мастеровыми. Вчерашних земледельцев обучили различным профессиям, не требовавшим знания грамоты. Исключение касалось лишь небольшой группы писарей, осуществляющих контроль и учёт в процессе производства сукна. Обучение их основам грамоты, по-видимому, осуществлялось в школе на территории фабрики [8], возможно с привлечением кого-либо из представителей клира Благовещенской церкви с. Павловского. Также упоминаются отдельные случаи индивидуального обучения сельских детей дьячками Благовещенской церкви [13]. Но подавляющая масса жителей села и его окрестностей оставалась неграмотной.

В 1859 году Павловскую суконную фабрику закрыли. Оказавшимся за воротами бывшим мастеровым предстоял нелёгкий выбор: как жить дальше в новых условиях, как обеспечить существование семей? Прежде всего, необходимо было записаться в сословие: либо крестьянское с получением двух десятин земли, либо мещанское. Крестьянский труд был более понятен, хотя за более чем полувековой период бывших пахарей среди мастеровых почти не осталось. Совсем непонятным было мещанское сословие, ранее неизвестное в сельской местности. Мещане с. Павловского были приписаны к уездному городу Звенигороду, а село с 1864 года стало называться Павловской подгородной слободой.

Труд земледельца на Павловской земле не приносил достаточного дохода, особенно в неурожайные годы, поэтому многим крестьянам приходилось дополнительно заниматься ремеслом. Теперь это особенно касалось вновь появившихся мещан. Они вынуждены были искать себе подходящее ремесло, что неизбежно приводило к необходимости торговать трудами своей работы. Понимание полезности знания грамоты в этой ситуации доходило до них постепенно.

С середины XIX века дело начального образования в сельской местности в Российской империи находилось отчасти в руках церкви и земства. Преподавание во всех школах было вверено не особым учителям, а приходским священникам, имеющим прямые обязанности по приходу и церкви. Все предметы вёл один учитель. Приходские училища содержались за счёт приходов. «Даже и в тех случаях, когда священники, несмотря на всевозможные препятствия, заводили школы в церковных сторожках и в своих собственных домах, обучение не могло быть особенно успешным.

По причине незнакомства учителей с рациональными приёмами обучения, последнее производилось только по старинным, трудным методам, пробуждавшим мало интереса к занятиям. К этому присоединялись ещё слишком продолжительные каникулы, за время которых крестьянские дети часто забывали большую часть пройденного, и поэтому должны были в следующие осень и зиму возобновлять свои прежние занятия, так что многие из них за все время школьной жизни едва только выучивались чтению и письму» [3].

В Российской империи тенденция к созданию сельских начальных школ поддерживалась сверху. В начале 1860-х годов в Павловское волостное правление был направлен циркуляр из Московской Палаты Государственных имуществ, к которому стало принадлежать село после закрытия фабрики. Было предложено «...пригласить священников, дьяконов, причётчиков и их жён производить обучение крестьянских детей, как мальчиков, так и девочек: молитвам, чтению, письму и счёту. Обучение производить или в собственных домах священнослужителей, или в зданиях по отводу крестьян» [14].

Фото 1. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в Павловской Слободе. Гравюра 1878 года

В селе Павловском с середины XVII столетия существовала церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. В середине XIX века в клире служили два священника - Иван Озеров и Пётр Благовещенский, которые вместе с другими церковнослужителями представляли грамотное сословие села.

По-видимому, необходимость приобщения сельчан к грамоте хорошо понимал священник Благовещенской церкви Пётр Иванович Благовещенский. Он предложил Павловскому волостному правлению обучать основам грамоты сельских детей. Предложение было поддержано Павловским сельским обществом, куда входили крестьяне и мещане Павловской волости (волость - низшая единица административно-территориального деления, - прим. автора).

Пётр Иванович получил от церковного начальства разрешение быть наставником в приходском училище в с. Павловском. Для занятий с учениками он предоставил специально выстроенный дом, который размещался в его усадьбе вблизи Благовещенской церкви. С 1860 года о. Пётр начал обучать сельских детей основам грамоты, а также Закону Божьему [13]. В течение трёх лет мальчики и девочки из села Павловского и нескольких окрестных деревень овладевали первоначальными навыками чтения, письма и счёта. Обучение грамоте было бесплатным. Павловская сельская община собирала по пять копеек серебром на нужды приходской школы [7]. Обучая несколько десятков мальчиков и девочек из с. Павловского и окрестных деревень, Пётр Иванович не оставлял своей службы в церкви, что вряд ли способствовало повышению уровня знаний у детей. Были и другие сложности в усвоении школьных предметов учениками: теснота и обучение всех детей в одном помещении. Не все желающие принимались ввиду нехватки мест. Священник Пётр Благовещенский вёл учебные занятия до конца 1860-х годов.

Открытие в с. Павловском приходского училища Петром Благовещенским (не путать с церковно-приходским) было важным первым шагом на пути развития в волости начального образования, но не последним. Неизвестно, кто предложил открыть в селе земскую школу с трёхлетним обучением и изменить условия обучения, пригласив учителя с семинарским образованием Михаила Сафонова. У крестьянина И. П. Маликова было арендовано для занятий более просторное помещение в его каменном доме. С крестьян уже собирались по 14 копеек серебром с души [4].

Земская школа просуществовала с 1871 до конца 1876 года. Очевидно, что улучшение условий обучения в земской школе, по сравнению с приходской, и увеличение приёма учеников способствовало более качественному образованию и появлению большего числа грамотных в селе и окрестных деревнях.

К середине 1870-х гг. стало ясно, что существующие условия обучения в земском училище не отвечают минимальным требованиям к школьным помещениям. Об этом свидетельствовали не только теснота, плохое освещение и другие неудобства, но и невозможность принимать всех желающих учиться. Уездный инспектор народных училищ предла-

гал прихожанам устроить в селе одно- или двухклассное училище, но многие жители обоснованно опасались, что для этого от них потребуются серьёзные материальные затраты.

В это время в Благовещенскую церковь был назначен новый священник Савва Алексеевич Нечаев. Одновременно он был выбран от Павловской волости гласным (депутатом) в Звенигородском Земском уездном собрании и входил в уездный училищный совет [5]. Зная о непростых условиях обучения в земской школе, о. Савва решил непременно создать в с. Павловском более благоустроенную школу. Он хотел не только улучшить условия обучения детей, но и сделать так, чтобы в селе было как можно больше грамотных людей с более глубокими знаниями, которые могли бы противостоять влиянию староверов. Решение о строительстве школы мог принять сход сельской общины. Самым сложным о. Савве представлялось убедить сельчан в необходимости постройки новой школы, поскольку многие из них не хотели дополнительных затрат. Однако без их положительного решения дело постройки школы не сдвинулось бы с места.

Нечаев предложил волостному старшине собрать сход. На нём о. Савва пять часов уговаривал крестьян и мещан решиться на серьёзное дело и всё-таки сумел их убедить [6]. В результате в декабре 1874 года был подписан приговор (так в то время называли принятое решение).

№ 1660. В Звенигородский Уездный 19
Декабря 1874 г. Училищный Совет.

Павловское Волостное Правление, имея в виду на устроение и дальнейшее распоряжение ^{оной} ~~Сотне~~ ^{Сотне} при селѣ представитъ приговоръ крестьянъ 15 селѣй прихода села Павловскаго въ высшемъ воспродворившемся и существующемъ съ стариннымъ 22 именуемомъ Ноябрьскима дѣ, о ~~томъ~~ ~~мы~~ постройкѣ въ селѣ Павловскомъ дворянъ класснаго училища.

В. Р. Нечаевъ

Фото 2. Решение сельского схода о строительстве Павловского двухклассного училища

Фото 3. Павловское двухклассное училище. Начало XX века

Решение сельской общины запустило цепочку событий, которые привели к открытию в с. Павловском двухклассного училища с пятилетним обучением.

Почин священника был поддержан Министерством народного просвещения, принявшем основное участие в его постройке и содержании, а также местными благотворителями. Клир Благовещенской церкви принял решение о необходимости построить в селе Павловском сначала двухклассное училище, а только потом приступить к постройке новой колокольни. Торжественное открытие школы состоялось в декабре 1876 года.

С этого времени и до октябрьского переворота 1917 года получили знания сотни детей Павловской волости, что в значительной степени положительно повлияло на их дальнейшую судьбу и развитие села, и окрестных деревень.

Характерной особенностью Благовещенской церкви был очень устойчивый состав клира. Как правило, вступив в службу в Павловской Слободе, священники и причётники здесь же её и оканчивали. Другим отличием церковнослужителей являлось наличие родственных связей, например, священник Благовещенской церкви Иоанн Тимофеевич Никольский был женат на дочери священника той же церкви Петра Благовещенского.

По-видимому, положительный пример тестя и священника Саввы Нечаева подвигли Иоанна Тимофеевича внести свой вклад в дальнейшее развитие образования в своём приходе. Вот как он описывает ситуацию с обучением детей в Павловской волости: «В декабре 1876 года двухклассное училище было освящено и открыто для 120 человек. Но стремления обучать детей грамоте более и более развиваются, и были причиною того, что приходилось отказывать по недостатку мест в училище. Посему приходской священник Иоанн

Никольский, видя существенную нужду народа и желая удовлетворить её, озаботился в 1888 году приисканием средств для открытия церковно-приходской школы, что при помощи Божьей и сочувствии добрых людей ему и удалось. Школа была открыта в 1889 году и продолжает существовать до сего дня, только расположена она в наёмном помещении, а не в своём собственном, но и этот недостаток со временем устраним. Училище почти совсем уничтожает народные суеверия, дети и их родители стали религиознее» [13].

В последующие годы основатель церковно-приходской школы и её заведующий о. Иоанн упорно добивался от епархиального начальства постройки собственного здания. В 1900 году деревянное одноэтажное здание было построено [2].

Фото 4. Здание Павловской ЦПШ 1900 года постройки, конец XX века

В 1901 году по инициативе священника Иоанна Никольского при Благовещенской церкви было создано церковно-приходское попечительство, основной задачей которого стало оказание помощи в содержании Павловской ЦПШ [2, л. 7].

Обращаясь к церковному начальству в 1900 году, о. Иоанн писал: «Нынешним летом я, по милости Божьей при помощи добрых людей, устроил во всех отношениях прекрасное, стоившее около семи тысяч здание для Павловской ЦПШ. При освящении её мною предложено было присутствовавшим на оном торжестве отнестись с любовью и сочувствием к этому полезному учреждению и приложить полное усердие к открытию приходского в честь Казанской Божьей Матери Попечительства, которое имело бы главную заботу о том, чтобы, не обременяя церковь и родителей учащихся, поддержать эту школу, доставлять всё необходимое

для её преуспеяния, для покупки пособий, книг, дров, найма сторожа, поддержания чистоты и ремонта здания, а также и об открытии церковной библиотеки, не забывая и о священной обязанности христианской благотворительности для нуждающихся в оной».

К сожалению, в 2015 году деревянное одноэтажное здание Павловской ЦПШ сгорело.

Добрые традиции клира Благовещенской церкви по развитию образования в Павловской слободе поддержал в начале XX века дьякон того же прихода Дмитрий Холин. Он проживал в д. Исаково в шести верстах от села Павловского и озаботился постройкой ЦПШ для просвещения детей своей деревни. Для осуществления своего замысла о. Дмитрию необходимо было изыскать средства для постройки каменного здания. В 1908 году Исаковская церковно-приходская школа была открыта [9]. Крестьянская Черненская община (д. Чёрная) отвела под школу участок земли в 700 кв. саж. [3]. Дьякон Д. С. Холин стал в ней законоучителем и попечителем. Десятки сельских детей получили возможность обучаться основам грамоты в своей деревне.

Сын дьякона Александр Холин сообщал, что после постройки школы у отца оказалось много долгов, его одолевали кредиторы, приходилось всюду изыскивать средства и на уплату, и на текущее содержание школы [12]. На все обращения о помощи о. Дмитрию было отказано. Павловское церковно-приходское попечительство при Благовещенской церкви, которое было создано для поддержки церковно-приходских школ, не смогло ему помочь. Также было отказано в открытии третьей священнической вакансии в Благовещенской церкви.

Не найдя поддержки, Дмитрий Холин попросил перевести его священником в село Вознесенское Богородского уезда [11]. Однако, благое дело о. Дмитрия было продолжено. Священник Благовещенской церкви Александр Лебедев стал заведующим Исаковской церковно-приходской школы [10]. Исаковская ЦПШ просуществовала до революции 1917 года, после чего была преобразована в начальную школу.

Хронология существования училищ в приходе Благовещенской церкви с. Павловского

Приходское, 1860-1868, настоятель священник Пётр Благовещенский.

Земское, 1871-1876, заведующий Михаил Иванович Сафонов.

Двухклассное Министерства народного просвещения, 1876-1917, заведующий Пётр Вукулович Далматов.

Павловское церковно-приходское, 1889-1917, заведующий священник Иоанн Никольский.

Исаковское церковно-приходское, 1908-1917, заведующий дьяк Дмитрий Холин.

Выводы

1. Священник Благовещенской церкви с. Павловского Звенигородского уезда Пётр Благовещенский, открыв приходскую школу, положил начало обучению грамотности местного населения.

2. Церковнослужители той же церкви поддержали почин о. Петра. В результате в с. Павловском были открыты двухклассное училище МНП (Министерство Народного Просвещения), церковно-приходское училище и церковно-приходское училище в соседней деревне.

3. Стараниями представителей Благовещенской церкви в училища стали принимать всех желающих.

Список использованной литературы и источников:

1. Благовидов, Ф. В. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию. – Казань, 1891. – С. 5.
2. Благочинному 2 округа Звенигородского уезда Протопопу Петру Востокову, 1912 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 759. – Д. 1331. – Л. 6-7 об.
3. Дело об отводе крестьянами Московской губернии земли под постройку церковно-приходской школы в д. Исаково, 1911. // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 744. – Д. 1188. – Л. 158-158 об.
4. Дело об открытии сельского приходского училища в с. Павловском Звенигородского уезда, 1874 // ЦГАМ. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 4-7 об.
5. Крючкова, М. А. Павловская Слобода. 500 лет в истории России. / М. А. Крючкова, Л. Г. Невзорова, М. И. Соколова. – Москва : Лана, 2004. – 126 с.
6. Московские Епархиальные Ведомости. – 1876, №5. – С.39.
7. Об открытии Звенигородского очередного земского собрания, 1871 // ЦГАМ. – Ф. 17. – Оп. 44. – Д. 144. – Л. 70-71 об.
8. О пожаре на Павловской суконной фабрике, 1834-1835 // ЦГАМ. – Ф. 16. – Оп. 10. – Д. 768. – Л. 15 об.
9. Освящение каменной церковно-приходской школы // Московские епархиальные ведомости. – 1909. – №42 – С.727.
10. Послужные списки священноцерковнослужителей с их семействами, 1916 // ЦГАМ. – Ф. 1371. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 28 об.
11. Протоколы Московской Духовной Консистории, 1914 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 744. – Д. 508. – Л. 11.
12. Прошение Александра Холина Его Преосвященству Василию Епископу Можайскому, 1912 // ЦГАМ. – Ф. 1787. – Оп. 1. – Д. 136. – Л. 23.
13. Сведения о Павловском церковно-приходском училище, 1895 // РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 573. – Л. 97.
14. Циркулярные предписания и формы по разным предметам, 1861 // ЦГАМ. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 16.

Выражаю глубокую признательность краеведу С. П. Носикову за редакторскую правку и предоставленные отдельные источники.

А.С. Варцев

ЛЕРМОНТОВ В ВОСКРЕСЕНСКЕ

Лето 1830 года Михаил Лермонтов вместе с бабушкой по линии матери Елизаветой Алексеевной Арсеньевой (Столыпиной) провёл в подмосковном имении Середниково. Оно принадлежало вдове брата бабушки Дмитрия Аркадьевича Столыпина, Екатерине Аркадьевне Столыпину (1791–1853).

По помещицкому мерилу, дом был небольшим (одиннадцать комнат), но светлым и очень уютным.

В одной из комнат находилась большая библиотека, в которой во время пребывания там в 1829–1832 годах Михаил читал произведения своих любимых поэтов и писателей - А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Вальтера Скотта, Джорджа Байрона, Гёте. В работе над стихотворением «Бородино» поэту помогали книги именно из этой библиотеки, в которых описывалась военная техника того времени.

Лермонтов любил проводить время в библиотеке. Здесь было прохладно и тихо. Издали доносились взрывы смеха, и оттого ещё сильнее ощущалась окружающая тишина. За стёклами, на полках, в высоких и строгих шкафах из красного дерева были расставлены книги в кожаных переплётах.

Тут были представители французского буржуазного просвещения Вольтер и Руссо, энциклопедисты Дидро, Гельвеций и Гольбах. Рядом с ними присутствовали историки и философы древности.

Михаил подходил к шкафу, доставал с полки книгу и садился в глубокое кресло. Небольшой томик в коричневом кожаном переплёте. На корешке – тиснённый золотом строгий классический орнамент. Это Плутарх – «Жизнь замечательных людей». Со страниц книги вставали образы древних вождей и полководцев: Фемистокл, Перикл.

На гравюре римский профиль в овале. Под ним подпись: «Caius Marius» (Гай Марий)¹.

Фото 1. М.Ю. Лермонтов

¹ «Caius Marius» Гай Марий – римский военачальник, родился недалеко от Арпинума в 157 году до н. э., умер в Риме в 80 году до н. э.

Здесь Лермонтов не только читал, но и занимался переводами с латинского, французского и немецкого языков. Изучал книги по религиозной тематике. Это, безусловно, заслуга Елизаветы Алексеевны, которая сама отличалась строгими религиозно-нравственными принципами и стремилась воспитать внука в благочестивых традициях.

Ещё в Тарханах Михаилу нравилась церковь Николая Чудотворца, которая напоминала ему о матери. Он заходил сюда во время службы – постоять среди пахнущих дымом и морозом крестьян. Молился вместе с ними. Несколько раз мужики просили Михаила, который сам ещё был ребёнком, стать крестным отцом их ребятешек. И он не отказывал. Всех этих детей будущий поэт считал своей роднёй.

Фото 2. Усадьба Середниково. Московская область

Елизавета Алексеевна Арсеньева и Екатерина Аркадьевна Столыпина были богомольными и регулярно совершали паломничество по святым местам в Подмосковье. Молодёжь, собравшаяся в Середниково, охотно им сопутствовала из-за желания увидеть новые места и внести разнообразие в свою летнюю жизнь. В их числе, кроме самого Лермонтова, были его близкие друзья – Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго), Михаил Павлович Глебов, Александра Михайловна Верещагина и, в то время возлюбленная поэта, Екатерина Сушкова, приехавшая из соседней усадьбы Большаково. Последняя уверяла, что она тоже была очень набожной, и в своих «записках» упоминала, что эти религиозные посещения навсегда остались её любимыми воспоминаниями.

В частности, в «Записках Сушковой» есть описание, как они ходили на богомолье в Троице-Сергиеву лавру² и в Воскресенский монастырь³:

«Общество пошло на богомолье пешком; только бабушка ехала впереди в карете. Весело, смеясь и болтая, шла молодёжь. На четвёртый день прибыли в Лавру. Остановились в трактире. Умылись, переоделись и пошли в монастырь отслужить молебен. На паперти повстречали слепого нищего. Дряхлой, дрожащей рукой протянул он деревянную чашку, в которую спутники стали кидать ему мелкие деньги. Нищий крестился и благодарил: «Подай вам Бог счастья, господа добрые! Намедни вот насмеялись надо мною, тоже господа молодые – вместо денег положили мне камешков».

Помолясь в храме, общество вернулось в гостиницу пообедать и отдохнуть. Все говорили, суетились, только Лермонтов, углубившись в самого себя, не принимал участия в общем веселье. Он стоял поодаль на коленях и, положив бумагу на стул, что-то писал. Верный своему обыкновению, он передал бумаге впечатления и думы, занимавшие его:

*Уврат обители святой
Стоял просящий подаянья,
Бессильный, бледный и худой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку.*

*И кто-то камень положил
В его протянутую руку.
Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою:
Так чувства лучшие мои
Навек обмануты тобою.*

В этом стихотворении, которое он назвал «Нищий», Лермонтов провёл параллель со своими болезненными сердечными муками.

Паломническая поездка продолжилась посещением Воскресенского ставропигиального мужского монастыря, или Нового Иерусалима, главного детища Патриарха Никона (1605–1681), – свидетеля его возвышения и низвержения, его духовного подвига. Он был задуман как пространственная икона Святой Земли. Полуостров в излучине Истры, изгиб реки и очертания холма повторяли планы христианской Палестины. Это место с самого начала почиталось как свидетельство благодатного присутствия Божия.

К середине XVIII века Воскресенский храм поражал своим великолепием. Над Гробом Господним была возведена двухъярусная Кувуклия⁴, богато украшенная изысканной леп-

² Лавра – это крупный и особеннзначимый в православной церкви мужской монастырь.

³ Монастырь – это место, где монахи или монахини живут, работают и богослужат вместе в религиозной общине. Как правило, это единённое и выделенное пространство, где люди ведут религиозный или созерцательный образ жизни, часто следуя набору правил или руководств, установленных их религиозной традицией.

⁴ Кувуклия (греч. Κουβούκλιον — «покой, опочивальня», лат. Cubiculum) — часовня, находящаяся внутри храма. (Наиболее известная кувуклия находится на месте Воскресения Христова в храме Гроба Господня в Иерусалиме. По её образу кувуклии устраивают и в некоторых других храмах, как воспроизводящих собой храм Гроба Господня,

Фото 3. Ново-Иерусалимский монастырь

Фото 4. Патриарх Никон

ниной по рисункам великого архитектора Б. Растрелли. Внутри мраморная часовня была отделана листовым золотом, от которого при свете горящих лампад исходило невыразимое сияние. Каждая деталь Кувуклии подчёркивала святость и величие этого места. А в XIX и начале XX веков Ново-Иерусалимский монастырь был одним из самых посещаемых богомольцами мест.

Наряду с посещением святых мест, связанных с земной жизнью Спасителя, Елизавета Алексеевна также имела намерение помянуть родного брата Николая Алексеевича Столыпина, убитого в конце весны во время холерного бунта, и попросить здоровья для близких и дорогих людей, так как в это

время в некоторых губерниях России свирепствовала холера.

так и самостоятельных. В частности, в форме кувуклии выполнен алтарь Храма Христа Спасителя в Москве).

Отстояв богослужение, паломники совершили крестный ход на реку Иордан. В главном храме шла служба и толпился народ. За стенами обители⁵ в 300 метрах к северу-западу от монастырской стены располагалась довольно большая трёхъярусная постройка, на первом этаже которой находились четыре жилых помещения и печь, а на втором — домовая церковь с Богоявленским престолом. На последнем ярусе — восьмигранник с куполом, увенчанный крестом: внутри находился Петропавловский придел церкви.

Это был скит патриарха Никона. Его поэт описал в произведении «В Воскресенске»:

*Оставленная пустынь⁶ предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней ещё горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братьев к всенощне в сей мирной час!
Зелёный мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни - и кругом
Высокая польнь, — всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов.*

.....
*Таков старик, под грузом тяжких лет
Ещё хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нём печать могил
Тех юношей, которых пережил.*

*Пред мной готическое здание
Стоит, как тень былых годов;
При нём теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше тёплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.
Быть может, через много лет*

*Сия священная обитель
Оставит только мрачной след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,
Где образ божеской могилы
Между золотых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.
И там (как знать) найдёт прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по концец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук⁷
Не облегчают наших мук.
Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдёт,
Вреён тогдашних небылицы
За речи истинны почтёт,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..*

В своей тетради Лермонтов сделал пометку, что стихи написаны непосредственно «на стенах жилища Никона».

⁵ Обитель — это место проживания монахов.

⁶ Пустынь — это монастырь, ещё более удалённый от мирской жизни. Если монастыри возникали чаще всего рядом с городскими поселениями, то пустыни всегда существовали в отдалении от скопления людей.

⁷ Клобук — надеваемое на голову облачение (одежда) монаха малой схимы в Православии.

Фото 5. Скит Патриарха Никона

Существует предположение, что именно возле скита⁸ патриарха Никона в воображении Лермонтова был создан образ отшельника, который провёл в обители всю жизнь, томился там и рвался на свободу. Об этом Лермонтов пишет в стихотворении «Исповедь»:

*Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворён,
Что добродетель не названье
И жизнь поболе, чем сон!..*

*Но вере тёплой опыт холодный
Противоречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших — но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнём язвительным своим.*

В 1831 году Лермонтов продолжает находиться под впечатлением от увиденного в Воскресенской обители и у него вновь зарождается прототип монаха, стремящегося на волю к мирской жизни, и он создаёт небольшую поэму под одноимённым названием «Исповедь».

В монастырской тюрьме сидит обвинённый в преступлении молодой испанец. К нему приходит дряхлый старец. Он рассказывает старцу, что согрешил, отвергнув закон и честь,

⁸ Скит — это крупная община монахов-пустынников. Жизнь в скиту более строгая, чем в монастыре. Монахи здесь принимают дополнительные обеты — затворничества, строгого поста, усиленной молитвы или другие.

чтобы испытать ласку и девичий взор. Вспоминая девушку, он говорит, что раз возлюбленной тут нет, всё для него — ничто.

Испанец просит позвать палачей, чтобы казнь произошла немедленно. Он клянётся старцу в своей невиновности, но отказывается назвать имя возлюбленной, говоря, что тайна умрёт вместе с ним.

- Я о спасенье не молюсь,

Небес и ада не боюсь,

- гордо заявляет он. Ему не нужен рай, если там не встретит он свою земную любовь.

Так, позднее, в опубликованной 1840 году романтической поэме «Мцыри», герой за уголок земной отчизны, готов отдать вечность в раю.

Сопоставляя сведения, полученные в результате ознакомления с письмами, дневниками соотечественников поэта, работами известных литературоведов и на основании анализа произведений, написанных им после 1830 года, делаю предположение, что Лермонтов был в Воскресенском монастыре не единожды.

Как было сказано выше, середниковская молодёжь сопровождала ехавшую в карете Елизавету Алексеевну пешком. Литературовед Т. А. Иванова в своей книге «Четыре лета» пишет: «Шумной, весёлой компанией молодёжь отправлялась на далёкие прогулки. Молчаливый еловый лес за усадьбой оглашался звонкими голосами. Михаил прекрасно ездил верхом. Гарцуя на лошади, он то шутил и смеялся, то вдруг, задумавшись, становился мрачным. По дороге, ведущей на Юрлово, до монастыря можно было доехать достаточно быстро, благо от Середникова он находился всего километрах в восемнадцати».

А далее продолжает, что как-то раз приехав (именно приехав) в Воскресенск, отделился от компании и стал бродить по территории монастыря.

Кроме этого, по мнению литературоведов, поэт отличался дотошностью по отношению к своим произведениям, в основном создавал их на основе фактического материала из жизни.

Так, например, в упомянутых выше произведениях Лермонтов подробно описывает отдельные, в том числе мелкие, детали окружающих предметов, всё то, что несёт определённую смысловую нагрузку в общей картине конкретного произведения. Такие подробности, как «треснувший колокол», «теплилось паникадило», «готическое здание», «с высокой башни Угловой» и т. д., подчеркивают лейтмотив основного сюжета. Описываемые в поэме «Мцыри» руины монастыря (столбы обрушенных ворот, церковный свод, кадилниц благовонный дым, пеньё) указывают на то, что для героя монастырь — темница, которая ограничивает свободу героя.

Исходя из изложенного и, зная, что Лермонтов никогда не был «кабинетным поэтом», на мой взгляд, достаточно трудно было бы за одно посещение Воскресенского монастыря, так детально воссоздать в вышеупомянутых произведениях весь колорит и дух того времени.

Для Лермонтова характерно присущее для романтиков представление действительности в разделении на земной, реальный мир и мир мечты, идеальный, в который бы хотел попасть лирический герой.

Произведения, написанные им под впечатлением пребывания в Воскресенском монастыре, этому подтверждение.

Список использованной литературы и источников:

1. Анискина, О. В. О Воскресенских впечатлениях Михаила Лермонтова / О. В. Анискина // Третьи Воскресенские чтения «Литературное краеведение в современном мире: исследование, просвещение, новые подходы»: материалы научно-практической конференции, 13 декабря 2019 года. — Истра ; Коломна : Коломенская тип., 2020. — С. 117–123.
2. Анискина, О. В. Художественный образ в творчестве М. Ю. Лермонтова, его осмысление и развитие: материалы Международной научной лермонтовской конференции, 14-16 мая 2018 г. / Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова, Пятигорский государственный университет; общая редакция Е. Л. Сосниной. — Пятигорск : ПГУ, 2019. — С. 10–17.
3. Бродский, Н. Л. Лермонтов. Юные годы / Н. Л. Бродский. — Москва : Проспект, 2024 г. — С.231-251.
4. Висковатов, П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество / П. А. Висковатов, вступ. ст. Г. М. Фридлиндера ; подгот. текста и коммент. А. А. Карпова. — Москва : Современник, 1987. — 493 с.
5. Герцен, А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Том 5. О развитии революционных идей в России. Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года» / А. И. Герцен. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1956. — С.225.
6. Иванова, Т. А. Четыре лета. Лермонтов в Среднিকове. — Москва : Детгиз, 1959. — С. 27-55.
7. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Науч.-ред. совет издательства «Советская энциклопедия»; гл. редактор Мануйлов В. А. — Москва : Советская энциклопедия, 1981. — 746 с.
8. Модзалевский, Б. Л. Пушкин: Воспоминания. Письма. Дневники... / Б. Л. Модзалевский. — Москва : Аграф, 1999. — С. 9 – 228.
9. Николаева, М. Ф. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество, — Москва : Детская литература, 1956 г. — 296 с. — С. 45–53.
10. Серия литературных мемуаров. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников: Сборник / сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона и О. В. Миллер; вступ. ст. М. И. Гиллельсона. — Москва : Художественная литература, 1989. — С. 80-84, 86-131. — (Серия литературных мемуаров).
11. Сушкова, Е. А. Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой. 1812-184 : Материалы для биогр. поэта М. Ю. Лермонтова. — 2-е изд., с знач. против 1-го изд., напеч. в «Вестн. Европы» 1869 г., доп. и прил. — Санкт-Петербург : печ. Головина, 1870 (обл. 1871). — XVI, 259 с.
12. Сушкова, Е. А. Из «Записок» / Е. А. Сушкова // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / редкол.: В. Э. Вацуро [и др.]; сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона, О. Миллер; вступ. ст. М. И. Гиллельсона. — Москва: Художественная литература, 1989. — С. 86–130.
13. Шаталова, Л. Н. М. Ю. Лермонтов в Воскресенске / Л. Н. Шаталова // Ленинский путь. — 1979. — №49.
14. Эйхенбаум, Б. М. Статьи о Лермонтове / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — Москва ; Ленинград : Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. — С.7–40.

Е.Н. Золотарёва

ВОСКРЕСЕНСК (НА ИСТРЕ) ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ

Данное исследование – попытка объединить и систематизировать сведения об изображениях города Воскресенска (ныне Истра) на картинах художников. Городом Воскресенск стал в 1781 г. по Указу Екатерины II, [35, С. 57] в Истру был переименован в 1930 г. [35, С. 8]. В исследовании будут рассматриваться изображения до этой даты, т. е. XVIII, XIX и первой трети XX вв. Также в тему исследования не входят изображения других населённых пунктов Истринского района, исключение сделано только для работ И. И. Левитана.

Основание города Воскресенска было теснейшим образом связано с историей Ново-Иерусалимского монастыря, построенного патриархом Никоном в 1656 г. [35, С. 28]. Поэтому закономерно, что именно изображение монастыря чаще всего встречается на картинах художников. По замыслу Никона Новый Иерусалим должен был стать центром Русской Палестины – топографической и архитектурной копии Святой Земли [14, С. 9].

После окончания строительства монастыря в 1690-х гг. в Новый Иерусалим стали прибывать люди. Представители царской фамилии, священники, иностранные купцы, путешественники и простые паломники стремились посетить подмосковную святыню – Русскую Палестину, так как многие из них не могли побывать на Святой Земле. Находившиеся среди них художники оставили изображения монастыря.

XVIII век

Самое первое известное изображение – это гравюра Я. Бликланда «Воскресенский монастырь» 1708 г. Ян Бликланд (конец XVII – начало XVIII вв. – точные даты жизни не известны) [8, С. 53] в 1707-1714 гг. работал гравёром в гравировальной мастерской Оружейной палаты. В 1708-1710 годах возглавлял, сменив на этом месте Пикарта, первую российскую гравировальную картопечатню, созданную Петром I при Оружейной палате в Москве [37, С. 15]. Наиболее известные работы – монументальное произведение «Вид Москвы с Воробьёвых гор» (1710 г.) и несколько видов знаменитых московских монастырей (1707-1708 гг.), [27, С. 157-160] которые вместе с гравюрой «Вид Москвы из Замоскворечья» Питера Пикарта составили цикл парадных видов Москвы.

Следующее изображение XVIII века – гравюра, приписываемая М. Ф. Казакову, «Торжественная встреча императрицы Елизаветы Петровны в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре». 1790-е годы. Офорт, резец. Государственный Исторический музей (далее ГИМ) [5]. Также копия с резцовой гравюры середины XVIII века на тему посещения

императрицы Елизаветы Петровны Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в 1749 году под названием «Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря. Вид с юга» находится в Государственном историко-художественном музее «Новый Иерусалим». Примечательно, что художник изобразил шатёр ротонды XVII века, к тому времени разрушенный, не имея его перед глазами, вероятно, руководствуясь более ранними изображениями [34, С. 119]. В книге «У стен Нового Иерусалима» [35, С. 54] приводится ещё одна очень похожая гравюра неизвестного автора XVIII века «Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря». Ракурс и изображение собора почти идентичны, но отсутствует процессия, встречающая императрицу.

Матвей Фёдорович Казаков (1738-1812) – известный московский архитектор, один из основоположников русского классицизма и псевдоготики. Был приглашён руководить ремонтом зданий Ново-Иерусалимского монастыря после пожара 1792 года [14, С. 122]. Вероятно, тогда и была выполнена приписываемая его авторству гравюра. Также сохранились рисунки и чертежи архитектора с изображением храмов монастыря.

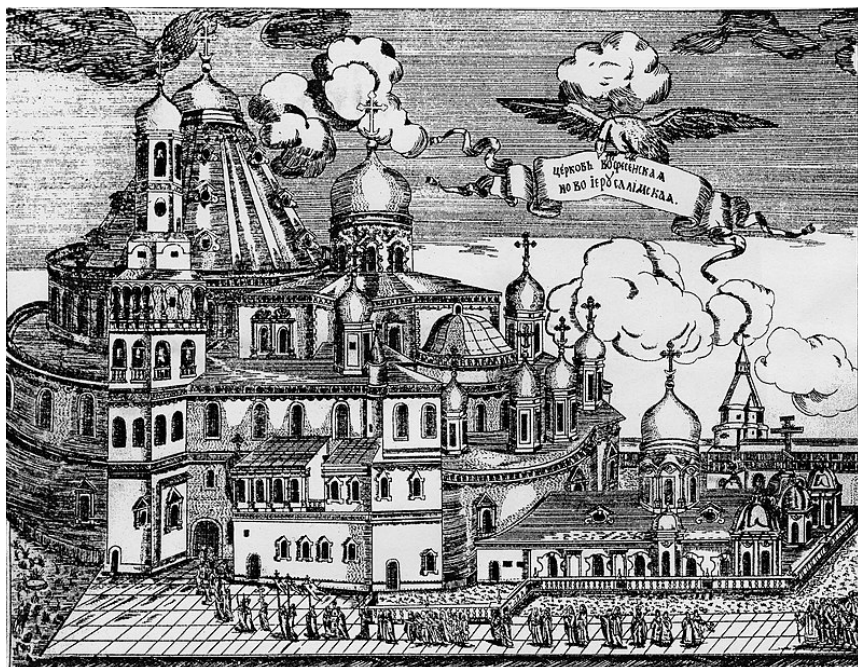

Фото 1. Казаков М. Ф. (?) Торжественная встреча императрицы Елизаветы Петровны в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре 1790-е гг., ГИМ

Сыновья М. Ф. Казакова были учениками и помощниками отца [11]. Василий исполнил тушью рисунок Воскресенского собора сквозь арку ворот «Вид Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря» (Государственный Научно-Исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева (ГНИМА) внизу подпись: «Снимал и рисовал архитектора М. Казакова сын Василей Казаков в июле в 1792 году», с которого потом была сделана гравюра [14, С. 123]. Второй сын Матвей создал акварельный рисунок «Вид соборной церкви Воскресенского монастыря» (лист из четвёртого альбома казённых строений М. Ф. Казакова ГНИМА). Внизу подпись: «Снимал и рисовал Архитекторской Первого Класа помощник Матвей Казаков».

С этого же ракурса выполнен великолепный рисунок тушью и акварелью, приписываемый Д. Кваренги «Воскресенский монастырь на Истре, или Новый Иерусалим вблизи Москвы» 1797 г. из серии «Виды Москвы и ее окрестностей», хранящейся в Эрмитаже. Джакомо Кваренги – известный архитектор и художник итальянского происхождения, яркий представитель палладианства в русской архитектуре.

В 1779 году Д. Кваренги по приглашению Екатерины II приехал в Россию, где проработал 37 лет до самой смерти [6]. Рисунок по композиции похож на предыдущие рисунки братьев Казаковых, но отличается от них манерой исполнения – он больше похож на итальянский пейзаж, чем на пейзаж средней полосы России.

Определённый интерес вызывают две гравюры неизвестного автора конца XVII - начала XVIII вв. «Бой отряда Гордона с стрельцами» и «Казни стрельцов в октябре 1698 г.», напечатанные в книге И. Г. Корба «Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) [12], другое название «Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., ведённый секретарём посольства Иоганном Георгом Корбом». (Перевод издания: Korb J.G. Diarium itineris in Moscoviam... Vieniae Austriacae [Wien], 1700.)

Иоганн Георг Корб (ок. 1670 – ок. 1741), секретарь посольства Священной Римской Империи в России, был свидетелем одного из самых драматических моментов правления Петра I – стрельцкого восстания 1698 г. и массовых казней стрельцов [19, С. 78]. Книга Корба приобрела большую известность. Но российские власти отреагировали на неё крайне негативно, она была запрещена, нераспроданная часть тиража уничтожена, что сделало её библиографической редкостью.

В 1906 г. книга вышла в новом, более полном и точном переводе [9]. Первая гравюра приводится в книге «У стен Нового Иерусалима» под названием «Бой стрельцов с царскими войсками у стен Воскресенского монастыря» [35, С. 43], в «Дневнике» Корба она подписана «Бой отряда Гордона с стрельцами». Изображение монастыря и местности мало походит на Воскресенский монастырь, то же место изображено и на второй гравюре «Казни стрельцов в октябре 1698 г.» Вероятно, рисунки были выполнены человеком, который не был свидетелем событий, в отличие от Корба и Гордона, и представляют некую фантазию художника. Тем не менее, они по-своему любопытны.

XIX век

Список изображений XIX века открывают две акварели Ф. Я. Алексеева 1800-1802 гг. из Эрмитажа: «Новый Иерусалим. Собор Воскресения Христова» и «Интерьер храма Воскресения Христова в Новом Иерусалиме (Вид Кувуклии в Ротонде храма)» [1]. Фёдор Яковлевич Алексеев – русский живописец, один из основоположников и крупнейших мастеров классицистического городского пейзажа.

Фото 2. Алексеев Ф. Я. Новый Иерусалим 1801 г. Эрмитаж

Самые известные работы – виды Санкт-Петербурга и Москвы («Красная площадь в Москве», «Вид дворцовой набережной от Петропавловской крепости» и др.). Алексеев не первый из русских художников стал вводить фигуры в пейзажи. «Но на картинах его предшественников <...> фигурки людей и животных служат «стаффажем» и даны или для масштаба, или для оживления пейзажа. У Алексеева люди в пейзаже имеют большее значение, нередко составляют целые жанровые сцены и тем самым характеризуют жизнь города» [30, С. 14].

В сентябре 1800 г. Алексею было велено указом Павла I «для снятия видов» отправится «в Москву и другие места Российского государства» [36, С. 49]. В этом же месяце художник выехал в Москву с учениками – Александром Кунавиным и Ларионом Мошковым [30, С. 16]. В письме, написанном из Москвы и датированным 26 ноября 1800 года, Алексеев сообщил

президенту Академии художеств А. С. Строганову: «в рассуждении отъездов моих для снятия видов я не могу точно донести Вам, когда и куда я буду ездить? Не иначе должен расположить мои отъезды как по советам людей, имеющих вкус: так многие и уверяют меня, что я найду около Москвы многие прелестные виды, как то Троицкой Сергиевой лавры, монастыря Воскресенского, Нового Иерусалима, села Коломенского. . . и ещё многих» [26].

Как видим, живописцу удалось запечатлеть Ново-Иерусалимский монастырь, рисунок которого он создал, скорее всего, в 1801 году, так как в ноябре 1800 года он ещё только раздумывал, какие места будет посещать, а в марте 1802 года уже вернулся в Петербург [30, С. 16]. На рисунке явно изображён летний пейзаж.

Следующие два изображения в технике акватинты – гравюры на металле «Ново-Иерусалимский монастырь. Общий вид от реки Истры» и «Скит патриарха Никона. Общий вид» 1813 г. (ГИМ) [22]. Они выполнены немецким гравёром И. Стадлером (1755-1828) по рисункам К. Кера-Портера из книги «Путевые заметки о России и Швеции 1805-1808».

Сэр Роберт Кер Портер (1777-1842) – британский художник, путешественник, писатель и дипломат. Наиболее известные работы – батальные композиции, посвящённые военной истории. В 1804 году он был приглашён в Россию в качестве исторического живописца. Император Александр I поручил ему создать картины для украшения стен Адмиралтейства. В 1809 году Портер выпустил свои «Путевые заметки» — богато иллюстрированное издание, отражающее быт и нравы России, Швеции и Финляндии [25]. Особенно интересна вторая гравюра – это первое изображение скита Никона.

Ещё одно изображение скита написал на холсте маслом малоизвестный художник Пётр Степанов в 1854 году. Его картина «Скит патриарха Никона» находится в постоянной экспозиции музея «Новый Иерусалим» [32]. Пётр Степанов окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Затем обучался в Академии художеств в Санкт-Петербурге. В 1855 г. получил звание неклассного художника пейзажной живописи масляными красками [33].

В XIX веке стали очень популярны литографии. Они были значительно дешевле гравюр по дереву и металлу, и позволяли сделать с одного изображения много копий. Одну из первых литографий с изображением Ново-Иерусалимского монастыря выполнил французский литограф Л. Бишебуа в 1847 году.

Луи Пьер Альфонс Бишебуа (1801-1850) – французский художник, стал известен в 1824 г., выставив в Парижском Салоне виды французских городов и провинций. В последующем занимался литографией, исполняя различные виды городов и архитектурные пейзажи [23].

Большой интерес представляет серия литографированных видов и планов Ново-Иерусалимского монастыря, хранящаяся в Эрмитаже [31]. Серия состоит из наружных и внутренних видов храма Воскресения Христова, выполненных в 1852-1857 годах литографом А. Т. Скино и другими мастерами по рисункам с натуры художника Д. Струкова. Вот некоторые названия листов: «Вид скита Никона и Воскресенского монастыря с северо-запада», «Вид Ставропигиального Воскресенского монастыря (Нового Иеру-

салима)», «Вид храма Воскресения Христова в Новом Иерусалиме», «Изображение гробницы патриарха Никона в Новоиерусалимском монастыре», «Внутренний вид шатра храма Воскресения в Новоиерусалимском монастыре». Особый интерес вызывает литография «Перенесение праха патриарха Никона в Новоиерусалимский храм в 1681 году», так как на ней впервые изображена Елеонская часовня.

Дмитрий Михайлович Струков (1828-1899) – русский художник-реставратор и археолог, знаток церковной старины. Был утверждён художником Оружейной палаты. В 1860 году принимал участие в реставрации Новоиерусалимского монастыря [3].

Ещё одно изображение Елеонской часовни, которая являлась началом монастырского архитектурного комплекса «Новый Иерусалим», мы видим на гравюре Н. А. Мартынова «Елеонская (Никоновская) часовня» 1880-е гг. Работа представляет определённый интерес, так как сама часовня не сохранилась.

Николай Александрович Мартынов (1822-1895) – русский архитектор и художник, почётный вольный общник Академии Художеств (1861). Изучал памятники архитектуры русской древности. В 1872 году был назначен членом-корреспондентом Московского археологического общества [21]. Путешествовал по древнерусским городам и изображал архитектурные памятники. Создал серию рисунков храмов для издания «Подмосковная старина», где запечатлены храмы, некоторые из которых не дошли до наших дней, что представляют большую историческую ценность [20].

Ещё одно изображение монастыря принадлежит кисти малоизвестного художника А. Ф. Красовского. Картина маслом на картоне «Ново-Иерусалимский монастырь» написана в 1860-е годы.

Александр Фёдорович Красовский (1848–1918) – русский художник и архитектор, выпускник Московского Училища живописи, ваяния и зодчества и Императорской Академии художеств. С 1891 года служил в Санкт-Петербургском дворцовом управлении, отвечал за проведение ремонтных и реставрационных работ в императорских резиденциях, работал в Зимнем дворце, проектировал покои для великого князя Николая Александровича и его супруги Александры Фёдоровны. Провёл реконструкцию Висячего сада, перестраивал Эрмитажный театр. Построил здание Высших женских (Бестужевских) курсов. Живописные работы художника не представлены ни в одном из музейных собраний [13].

Следующая картина маслом на дереве «Патриарх Никон в Новом Иерусалиме» В. Шварца 1867 г. Находится в Третьяковской галерее (ТГГ). Художник изобразил момент, когда Никон, объявив, что оставляет патриаршество, удаляется в свой любимый Ново-Иерусалимский монастырь. Главное место на картине отведено Никону, беседующему со служителем церкви на прогулке. Монастырь здесь выступает только в качестве фона, да и то писал его мастер не с натуры, а находясь в Петербурге и Париже [24]. Тем не менее, эта работа по-своему интересна и заслуживает внимания.

Вячеслав Григорьевич Шварц (1838–1869) – русский живописец, академик, почётный вольный общник Императорской Академии художеств, основоположник историко-быто-

вого жанра в русской живописи [41, С. 314]. Наиболее известные работы: «Вербное воскресенье в Москве во времена царя Алексея Михайловича», «Вешний поезд царицы на богомолье при царе Алексее Михайловиче», (1868, ГТГ) и др.

И. И. Левитан

Исаак Ильич Левитан – русский живописец, один из самых знаменитых пейзажистов России. Академик Императорской Академии художеств (1898).

Лето 1885 года, а потом и 1886 года И. И. Левитан провёл в окрестностях Нового Иерусалима, в пяти верстах от Воскресенска. Сначала он поселился в деревне Максимовка, где снимал угол в избе бедного горшечника Василия. А затем перебрался в соседнее имение Бабкино, где на даче у Киселёвых семья Чеховых снимала флигель [38, С. 118-119].

С семьёй Чеховых Левитан подружился ещё в Москве, когда учился вместе с Николаем, братом писателя, в пейзажной мастерской Училища живописи, ваяния и зодчества. Жизнь в Бабкино помогла Левитану справиться с меланхолией. В семье Чеховых любили шутить, дурачиться, устраивать различные розыгрыши и представления, в которых Исаак Ильич охотно принимал участие [29, С. 36-37]. В Бабкино Левитану отвели «маленький отдельный флигелёк» [38, С. 119].

Художник много и плодотворно работал. Мария Чехова, которая, кстати, тоже неплохо рисовала и оставила ряд рисунков с изображением усадьбы Бабкино, вспоминала: «Левитан иногда прямо поражал меня, так упорно он работал. . . Стены его «курятника» быстро покрывались рядами превосходных этюдов» [29, С. 37]. К сожалению, до наших дней дошло не так много работ. Известно около 20 картин и этюдов, написанных Левитаном в Бабкино и окрестностях [40].

Вот некоторые из них: «К вечеру. Река Истра» (Башкирский государственный художественный музей им. М. В. Уфа), «Река Истра», «Усадьба Бабкино» (Ялтинский музей А.П. Чехова), «Бабкино» (музей А. Чехова в Таганроге), «Осенний лес» (Музей-усадьба В. Д. Поленова), «Половодье» (Гос. худ. музей Белоруссии), «Река Истра», «У церковной стены», «Портрет Антона Павловича Чехова» (ГТГ), «Осень на реке Истра». (Историко-мемориальный зал отдела культуры ФГБУ «ЦДРА» Минобороны России). Также в Бабкино была начата известная картина «Берёзовая роща» (ГТГ), закончил которую Левитан в городе Плесе на Волге [17, С. 30], сделаны наброски и этюды к картинам «Зимой в лесу», «Речка», «Крыльцо» [4, С. 57].

Левитан бывал и в усадьбе Покровское-Рубцово, которой в то время владели Морозовы. По свидетельству сына основателя Театрального музея Ю. А. Бахрушина, Зинаида Григорьевна «принимала в качестве постоянных гостей Левитана, Чехова, Поленова, Серова» [17, С. 102].

В музее-заповеднике «Горки Ленинские» хранится картина «Дорога к храму», на которой изображена усадебная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. У этого пейзажа интересная судьба. До недавнего времени он числился в музее работой неизвестного художника второй половины XIX века. Проведённая в 2018 году ВХНРЦ имени И. Э. Грабаря экспертиза выявила авторство Левитана [16].

Фото 3. Левитан И. И. Река Истра 1885 г. Дом-музей А. П. Чехова, Ялта

XX век

В XX веке Воскресенск запечатлели два замечательных художника, представители русского авангарда – Р. Фальк и А. Лентулов.

Роберт Рафаилович Фальк (1886–1958) – русский и советский живописец, которому удалось соединить в своём творчестве пути русского модерна и авангарда. С 1905 по 1909 годы обучался в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, где сдружился с художниками – представителями новых течений: Кончаловским, Машковым, Лентуловым, Куприным, Рождественским [15, С. 11]. В 1910 году стал одним из основателей художественного объединения «Бубновый валет».

Осень и зиму 1910 года Фальк провёл в Воскресенске [7, С. 10]. О пребывании живописца в городе сведений крайне мало. Известно о шести работах, написанных художником в этот период: четыре пейзажа, один натюрморт (Серпуховский историко-художественный музей) и один портрет воскресенского портного Ф. Л. Брайнина - «Торговец старым платьем» (Новосибирский художественный музей). Ф. Л. Брайнин, уроженец Сергиева Посада, открыл первый в Воскресенске магазин, в котором по умеренным ценам продавалось го-товое мужское, женское и детское платье [35, С. 207-208].

Наибольший интерес представляет эскиз маслом на холсте «Базар в Воскресенске» из коллекции Псковского государственного музея-заповедника. Жанровая работа передаёт атмосферу базарной площади дореволюционного Воскресенска и представляет особую ценность, потому что на полотне изображены здания, утраченные в годы Великой Отечественной войны.

Два пейзажа из частных собраний «Дом на холме» и «Дома и капустное поле» также запечатлели несохранившиеся постройки. «Осенний пейзаж» («Холмы в окрестностях Нового Иерусалима») «при всей его условности и декоративности отличается удивительной достоверностью: обобщённые формы, их цветовой ритм делает ландшафт узнаваемым, а общий колорит картины с сумрачным небом передаёт состояние природы» [7, С. 11]. Эта работа вместе с «Базаром в Воскресенске» и «Натюрмортом» была представлена на выставке «Роберт Фальк. Грани творчества», проходившей в Музейно-выставочном комплексе «Новый Иерусалим» в 2018 году [7, С. 11].

Аристарх Васильевич Лентулов (1882-1943) – русский и советский художник, живописец, один из родоначальников русского авангарда, основатель объединения «Бубновый валет». Обучался в Пензенском и Киевском художественном училище. Летом 1917 года жил с семьёй в Воскресенске [2, С. 40]. Интересный эпизод о пребывании в Воскресенске Лентулов оставил в своих воспоминаниях:

«Война не прекращалась, и вождь идеи «до победного конца» Керенский собирал все силы страны для продолжения войны. Дело дошло и до меня. Я уже готовился идти на фронт, как вдруг однажды ко мне приезжает И. И. Машков. Я жил тогда под Москвой в Новом Иерусалиме. Илья Иванович имел обыкновение приезжать рано утром, садиться на лавочку под окнами нашей комнаты и подвывать дурашливые песенки, помесь частушек с «святися, святися, пирог испекися», и так до тех пор, пока я не выходил к нему.

Фото 4. Фальк Р. Р. Базар в Воскресенске. 1910 г., Псковский музей-заповедник

На этот раз И. И. довёл меня до отчаяния, не прекращая <...>, в то время постепенно вынимая из кармана бумагу, как мне казалось, что-нибудь по поводу общества или профсоюзам. Наконец, постепенно отворачивая сугла, читает фамилии и доходит до моей. Оказывается, Керенский издал циркуляр, по которому виднейшие представители искусства освобождались от призыва на фронт. Таких счастливиц оказалось тридцать два. Я не скрою, радости моей невозможно было описать, потому что до чёрта хотелось работать и ни малейшего желания не было ехать подставлять свой <...> за идею, мне ничего не говорившую» [18, С. 100-101].

Лето, проведённое в Воскресенске, оказалось очень плодотворным для художника. Лентулов создал целую серию работ с видами Нового Иерусалима, рассеянную сейчас по разным музеям и частным коллекциям. Вот основные из них, выполненные маслом на холсте: «Башни Ново-Иерусалимского монастыря. (Церкви Нового Иерусалима)» «Монастырь. Архиерейский дворик в Новом Иерусалиме», «Церкви. Новый Иерусалим» (Русский музей), «Ворота с башней. Новый Иерусалим» (Третьяковская галерея), «Вид Нового Иерусалима» (Псковский музей-заповедник), «Пейзаж с церквями» (Днепропетровский художественный музей, Украина), «Река. Новый Иерусалим. Пейзаж с купальщицами» (собрание В. С. Семёнова, Москва).

Фото 5. Лентулов А. В. Башни Ново-Иерусалимского монастыря. 1917 г., Русский музей

На этих полотнах Лентулов сочетает «предельную цветовую насыщенность с динамичностью, «взвихрённостью» форм. «Художник «раздробляет» красочную старинную архитектуру на отдельные яркие фрагменты, уподобляя их своеобразным мозаичным панно, где каждый красочный мазок подобен яркому кусочку смальты. Использует причудливые ракурсы, следуя за меняющимися, как в калейдоскопе, цветовыми искрами. Художник старается передать эту сказочность, эту безудержную фантазию формы и цвета на полотне «цветодинамикой» [10]. «Бунтарский, революционный дух» живописи Лентулова уловил провидец Велимир Хлебников: «Колокольни с высокими просветами клонились, как перешибленный палкой и вдруг согнувшийся и схватившийся за живот человек или сломанный в нескольких местах колос. . . Это сквозь живопись прошла буря; позднее она пройдёт сквозь жизнь; и много поломится колоколен» [28, С. 284]. Как точно чувствовал Лентулов дух времени, и какой провидческой оказалась его живопись!

В завершение обзора первой трети XX века стоит упомянуть работы А. А. Чумакова и А. И. Рукиной, единственной женщины в нашем списке.

Анна Ивановна Рукина, до замужества Коцуг (1877-1949). Была супругой Н. Н. Рукина – представителя древнего дворянского рода Рукиных, владельцев усадьбы Зенькино недалеко от Воскресенска. Анна Коцуг окончила студию живописи художника Дмитриева-Кавказского, преподавала живопись и черчение, готовилась к поступлению в Академию художеств в Санкт-Петербурге. В дальнейшем А.И. Рукина состояла членом Московского отделения Союза художников. После того, как её супруга репрессировали, устроилась работать художником в мастерскую при Ново-Иерусалимском музее [35, С. 286-287].

Анна Ивановна оставила несколько работ с изображением Воскресенска и его окрестностей: акварельный рисунок «Дом в Воскресенске» 1927 г., картины маслом на хосте «Вид на Ново-Иерусалимский монастырь» 1938 г. и «Зенькино» 1930–е гг. – опубликованы в книге «У стен Нового Иерусалима» [35., цвет. вкл.].

Аркадий Афанасьевич Чумаков (1868-1948). Русский живописец, педагог, представитель пейзажной и маринистической школы. Закончил Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге. Писал пейзажи и морские виды [39]. Три акварельных рисунка, датированных 1933 годом: «Дом Маевских в Воскресенске», «Чикинская больница» и «Здание приходского училища» приводятся в книге «У стен Нового Иерусалима» [35, цвет. вкл.].

Данное исследование не претендует на полноту охвата материала. Существует ещё большое количество рисунков, гравюр и литографий неизвестных мастеров. Здесь же приводятся наиболее значительные и интересные работы.

Список использованной литературы и источников:

1. Алексеев, Ф. Я. (1753/54-1824). Вид храма в Новом Иерусалиме 1801 г. // Государственный Эрмитаж: офиц. сайт. – URL: <https://collections.hermitagemuseum.org/entity/OBJECT> (дата обращения 27.07. 2025).

2. Бобровская, Л. Н. Аристарх Лентулов / Л. Н. Бобровская – Москва : Гос. Третьяковская галерея, 2019. – 48 с.
3. Бокачев, И. История русских земель и городов. – Санкт Петербург, 1896. – № 768 // RARUS'S GALLERY: – URL: <http://www.raruss.ru/saint-russie/3819-new-jerusalem.html> (дата обращения 26.07.2025)
4. Веретенников, А. М. Мир Левитана. 1860-1900 / А. М. Веретенников. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – 192 с.
5. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Посещение императрицы Елизаветы Петровны. Казаков М. Ф. (?). 1790-е гг. // Государственный историч. Музей : офиц. сайт. – URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/1722139> (дата обращения 18.07.2025).
6. Грабарь, И. Гваренги / И. Грабарь // Русский биографический словарь: в 25 томах / Издание Императорского Русского Исторического Общества. — Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. — Т. 4 : Гааг — Гербель. — С. 288–292.
7. Денисова, Л. М. Роберт Фальк Грани творчества / Роберт Фальк Грани творчества ; сост. Л. М. Денисова. – Москва : РПК «Параграф», 2018. – С. 9-17.
8. Ермакова, М. Е. Русская гравюра на меди второй половины XVII-первой трети XVIII века (Москва, Санкт-Петербург) / М. Е. Ермакова. — Москва : Индрик, 2004. — 56 с.
9. Иоганн Георг Корб: Дневник путешествия в Московское государство // ХРОНОС: сайт. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/korb00.php (дата обращения 22.07.2025).
10. К 140-летию со Дня рождения А.В. Лентулова // Псковский музей заповедник: офиц. сайт. – URL: https://museumpskov.ru/news/k_140_letiyu_so_dnya_rozhdeniya_av_lentulova (дата обращения 26.07.2025).
11. Казаков Матвей Фёдорович // Моя Москва: сайт. – URL: <https://www.mmsk.ru/people/unit/index.html?id=31227.html> (дата обращения 23.07.2025).
12. Корб, И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / И. Г. Корб; пер. и примеч. А. И. Малеина. – Санкт Петербург : издание А. С. Суворина, 1906. – 322 с.
13. Красовский Александр Фёдорович: Ново-Иерусалимский монастырь / эксперт Т. П. Горячева, Центр Художественной Экспертизы И.Е. Репина // коллекционеръ клуб: сайт. – URL: <https://collectart.ru/paintings/127-novo-ierusalimskiy-monastyr> (дата обращения 25.07.2025).
14. Крючкова, М. А. Новый Иерусалим сквозь века / М. А. Крючкова. – Москва : Лето, 2011. – 319 с.
15. Левина, Т. М. Роберт Фальк / Т. М. Левина. – Москва : Слово, 1996. – 96 с.
16. Левитан и его меценаты // Горки Ленинские: офиц. сайт. – URL: <https://mgorki.ru/science/levitan-i-ego-metsenaty/> (дата обращения 25.07.2025).
17. И. И. Левитан на Владимирской земле. – Санкт-Петербург : Северо-Запад, 2010. – 184 с.
18. Лентулов, А. В. Воспоминания / А. В. Лентулов. – Санкт Петербург : ПЕТРОНИЙ, 2014. – 288 с.
19. Малыгин, П. Д. Западноевропейские авторы XV-XVII вв. о России / П. Д. Малыгин. – материалы к биобиблиографическому словарю. – Москва : ИА РАН, 2018. – 191 с.
20. Мартынов Николай Александрович // Галерея арт подарков Rarita: сайт. – URL: https://rarita.ru/art_slovar/khudozhnik/martynov_nikolay_aleksandrovich/ (дата обращения 25.07.2025).
21. Мартынов Николай Александрович (1822–1895) // Христианство в искусстве: сайт. – URL: https://www.icon-art.info/author.php?author_id=1062 (дата обращения 25.07.2025).

22. Ново-Иерусалимский монастырь. Общий вид от реки Истры. Из книги «Путевые заметки о России и Швеции 1805-1808». Кер-Портер К., Стадлер И. 1813 г. Государственный историч. Музей: офиц. сайт. – URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/1728916?index=0&paginator=entity-set&entityType=OBJECT&entityId=1728022&attribute=like_predm (дата обращения 24.07.2025).
23. Новый Иерусалим. Литографировал Бишебуа. Москва–Санкт-Петербург, издание Дациаро, 1840-е гг. Литография в паспарту, издательская раскраска акварелью // Русский библиофил. магазин антикварной книги: сайт. – URL: <https://www.rusbibliophile.ru/bookprint/?book=povuu-ierusalim-litografiroval> (дата обращения 24.07.2025).
24. Патриарх Никон в Новом Иерусалиме. Шварц Вячеслав Григорьевич (1838 – 1869) // Азбука искусства: сайт. – URL: <https://azbyka.ru/art/patriarh-nikon-v-novom-ierusalime/> (дата обращения 25.07.2025).
25. Путевые зарисовки в России и Швеции, сделанные в 1805, 1806, 1807, 1808 годах Робертом Кер Потером. В двух томах // Магазин антикварной книги BooxVoks: сайт. – URL: <https://www.booxboks.com/robert-ker-porter-1809> (дата обращения 24.07.2025).
26. О посылке художника Алексева для снятия видов // РГИА. – Ф. 789. – Оп. 20. – Д. 2.
27. Ровинский, Д. А. Русские гравёры и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств / Д. А. Ровинский. – Москва : Уваров, 1870. – 403 с.
28. Русский музей. От иконы до современности. – Санкт Петербург, 2015. – 392 с.
29. Сергиевская, Н. И. Левитан / Н. И. Сергиевская – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 127 с.
30. Скворцов А. Фёдор Яковлевич Алексеев. 1753 – 1824. / А. Скворцов. – Москва, Ленинград : Искусство, 1945. – 24 с.
31. Скино, Александр Тимофеевич (1826-1875). Автор рисунка: Струков, Дмитрий Михайлович (1827-1899) / Вид скита Никона и Воскресенского монастыря с северо-запада 1854 г. // Государственный Эрмитаж: офиц. сайт. – URL: <https://collections.hermitagemuseum.org/entity/OBJECT/1627617?avtor=854600&index=0> (дата обращения 25.07.2025).
32. Скит патриарха Никона // Культурное наследие России: сайт. – URL: <https://starina.net/m/eglbnm> (дата обращения 24.07.2025).
33. Степанов Пётр (вторая четверть XIX века ?). Вид на Казань. 1859 // Аукционный дом «Русская эмаль»: сайт. – URL: <https://auction-rusenamel.ru/gallery/item/stepanov-petr-vtoraya-chetvert-xix-veka-vid-na-kazan-s-zaliva-1859> (дата обращения 27.07.2025).
34. Тепфер, Л. Э. Реконструкция Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря на конец XVII века / Л. Э. Тепфер // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»/ Сост. и науч. ред. Зеленская Г. М. – Москва : Северный паломник, 2002. – С. 119-132
35. У стен Нового Иерусалима. История города Воскресенска-Истры. – Москва : Лето, 2010. – 432 с.
36. Фёдоров-Давыдов, А. Фёдор Яковлевич Алексеев / А. Фёдоров-Давыдов. – Москва : Искусство, 1955. – 167 с.

37. Фель, С. Е. Картография России XVIII века. (Опыт исследования) / С. Е. Фель. – Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора технических наук // Моск. ин-т инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. — Москва, 1953. — 30 с.
38. Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления / М. П. Чехов – Москва : Московский рабочий, 1980. – 254 с.
39. Чумаков, Аркадий Афанасьевич // Аукционный дом №1: сайт. – URL: <https://www.antiqueauction.ru/avtory/chumakov-a-a> (дата обращения 26.07.2025).
40. Чурюканова, О. В. Усадьба Бабкино в жизни и творчестве И. И. Левитана: сайт. – URL: <https://ples-museum.ru/upload/iblock/113/Usadba-Babkino-v-zhizni-i-tvorchestve-l.pdf> (дата обращения 25.07.2025).
41. Шварц Вячеслав Григорьевич // Большая советская энциклопедия. – Т. 29. Чаган — Экс-ле-Бен. — Москва : Советская энциклопедия, 1978. – С. 314.

Е. С. Казанцева, Н. М. Казанцева

МАРНАЧЁВЫ-МАЙОРОВЫ ДЕРЕВНИ ЛОБАНОВОЙ ИЛИ КАК СКУЛЬПТОР СЕРГЕЙ КАЗАНЦЕВ ОКАЗАЛСЯ НА ИСТРИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Скульптор, народный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств Сергей Сергеевич Казанцев родился в городе Александров Владимирской области в 1946 году, после окончания МГАХИ им. В.И. Сурикова он начал жить и трудиться в Истринском районе [6, 7, 8]. Сюда Сергей Казанцев попал по велению сердца, супруга скульптора, с которой он познакомился на выставке портрета в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва) происходила из окрестностей села Павловская Слобода. Наталья Михайловна Казанцева (в девичестве Марначёва) получила в наследство от своей бабушки Анастасии половину дома в д. Лобаново, и именно в этот дом приехала молодая пара в 1974 году для начала своего совместного творческого и семейного пути.

Деревня Лобаново и село Павловская Слобода

Деревня Лобаново впервые упоминается в 1584-1586 гг. как старая отцовская вотчина Ивана Михайловича Морозова, в 1624 году ей владел стольник Борис Иванович Морозов. В конце XVII века деревня поступила в дворцовое ведомство, была отнесена к Московскому уезду, в конце XVII в. – к Звенигородскому уезду. До 1921 года Лобаново входило в состав Павловской волости Звенигородского уезда, с 14 января 1921 г. – Воскресенского уезда. После 1940 г. Лобаново вошло в состав Павло-Слободского сельского Совета, который входил в состав Истринского района. На сегодняшний день д. Лобаново относится к муниципальному округу Истра. Известно, что в деревне была сооружена в 1885-1887 гг. деревянная часовня иконы Богоматери «Боголюбская» (координаты 55.82525 37.11685), приписанная к Благовещенской церкви в селе Павловская Слобода. Часовня была разрушена до войны, сейчас на этом месте магазин [9, 19, 1, 4, 2].

Деревня Лобаново находится на левом берегу реки Истра, а на противоположном, правом берегу, расположен крупный административный центр – село Павловская Слобода, в прошлом – село Павловское. Первые сведения о селе относятся к 1504 году. Село было родовой вотчиной нескольких поколений Морозовых. Со смертью вдовы Бориса Ивановича Морозова Павловское, вместе с д. Лобаново, стало дворцовым. Около 1667 года в Павловском построили каменный храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В 1730 году село с деревнями, в т. ч. д. Лобаново, было пожаловано графу Павлу Ивановичу Ягужинскому, затем его сыну. В разные годы существования села здесь располагались важные промышленные объекты и социальные учреждения: Суконная фабрика Ягужин-

ских (1737-1859 гг.), кирпичные заводы, школы, рынок, магазины, почтовые отделения, трактиры, больницы, колхозы, артиллерийские бригады, военная часть, артиллерийские склады, административные учреждения [10, 20].

Марначёвы-Майоровы д. Лобаново

Михаил Васильевич Марначёв (1921-2006 гг.)

В деревне Лобаново 28 ноября 1921 года родился отец Натальи Михайловны Казанцевой – Михаил Васильевич Марначёв (1921-2006 гг.). Михаил в 1939 году окончил школу в Павловской Слободе с отличием и поступил в Борисовское автомобильное училище, которое в 1940 году было преобразовано в Орловское танковое училище. В 1941 году, получив звание лейтенант, ушёл на фронт. Он всю войну прошёл на «Т-34» в качестве командира танка, был несколько раз ранен, служил в разведке, занимался подготовкой танкистов.

После войны Михаил Васильевич поступил в Бронетанковую академию в Москве. После выпуска всю жизнь проработал инженером-конструктором сначала в Челябинске, затем в Сергиевом Посаде, имел 18 патентов на изобретения. Выйдя на пенсию, Михаил Марначёв вернулся на родину, жил в Павловской Слободе. Не стало Михаила Васильевича 12 июня 2006 года. Монуменст с его скульптурным портретом «Наши деды – славные победы» стоит на въезде в Парк скульптур Сергея Казанцева в д. Борзые м.о. Истра. Более подробно биография Михаила Васильевича описана в нескольких изданиях [8, 11, 5].

Василий Сергеевич Марначёв (1883-1947 гг.)

Отца Михаила Васильевича Марначёва (1921-2006 гг.) звали Василий Сергеевич Марначёв (1883-1947 гг.). Он родился 27 июля 1883 года в крестьянской семье в деревне Лобаново, был крещён 29 июля, родители – Сергей Родионович и Мария Егоровна [13]. Василий Сергеевич вступил в первый брак с Анастасией Васильевной Майоровой из села Павловское 11 июля 1907 года, жениху было 23 года, а невесте 20 лет [14].

По свидетельствам родственников у них родились 12 детей (из них было 11 мальчиков), выжили только четверо: Николай Васильевич Марначёв (1910-1961 гг.), Александра Васильевна Соколова (Марначёва, 1913(12)-1989 гг.), Иван Васильевич Марначёв (1915-1991 гг.), Михаил Васильевич Марначёв (1921-2006 гг.).

Семья жила в д. Лобаново дом №25 (координаты 55.826670, 37.111234), известно, что этот дом полностью сгорел и был отстроен заново в 1926 году. Василий Сергеевич занимался лошадьми, часто подрабатывал извозчиком в Москве. В 1925 году он ушёл из семьи, уехал в Москву, женился, имел в новом браке двух сыновей - Виктора и Александра. Умер Василий Сергеевич в 1947 году, отравившись паяльной кислотой, и, судя по рассказам родственников, материальное положение его было плохое, т.к. даже хоронить Василия Сергеевича было не в чем, его сын Николай занимался его похоронами в Москве и сам нашёл или купил для него костюм.

Анастасия Васильевна Марначёва (Майорова, 1886-1968 гг.)

Анастасия Васильевна Марначёва, в девичестве Майорова, родилась в с. Павловское (сейчас с. Павловская Слобода) в крестьянской семье. В дате её рождения есть расхождение, на надгробной плите написано 4 января 1884 года, а в Метрической книге – 13 декабря 1886 года, крещёная 14 декабря [18а]. Мы склонны отдать предпочтение 1886 году, т.к. это согласуется с записями о её бракосочетании в 1907 году [13].

Отец Анастасии – Василий Дмитриевич Майоров (1865–1930-ые гг.), мать – Пелагея Степ(ф)ановна Майорова (прим. 1865–1930-е гг.). Супруги Василий и Пелагея захоронены вместе на кладбище с. Павловская Слобода (координаты 55.820933, 37.075847). На табличке есть только имена, даты отсутствуют. По данным из метрических книг Благовещенской церкви с. Павловское известно, что у Василия Дмитриевича и Пелагеи Степановны Майоровых родились не менее 12 детей [18а-18м], остались в живых пятеро: Анастасия Васильевна Марначёва (Майорова, 1886-1968 гг.), Анна Васильевна Блохина (Майорова, 1888-1972 гг.), Любовь Васильевна Тюрина (Майорова, 1890-1974 гг.), Фёдор Васильевич Майоров (1904 г.р.), Николай Васильевич Майоров (1908 г.р.).

В годы Советской власти Анастасия Васильевна работала в колхозе, умерла 30 декабря 1968 года и захоронена на кладбище с. Павловская Слобода (координаты 55.820101, 37.076648). По свидетельствам родственников, одна из бабушек Анастасии была старостой Благовещенской церкви в с. Павловское, а братья Анастасии были репрессированы: «Ушли на партсобрание и не вернулись – пропали». Судьба их неизвестна. В списках репрессированных был обнаружен только её отец Василий Дмитриевич Майоров (1865 г.р.), который был арестован 29 июля 1920 года по обвинениям «по политическим мотивам», освобождён 7 ноября 1920 года [3].

Марначёвы из деревни Лобановой (до начала 1820-ых гг.)

Ветвь крестьян Марначёвых из деревни Лобановой (так часто фигурирует название деревни в метрических книгах) удалось проследить до начала XIX века по метрическим книгам Благовещенской церкви с. Павловское.

Родителями Василия Сергеевича Марначёва (1883-1947 гг.) были «деревни Лобанова крестьянин Сергей Родионов и законная жена Мария Егорова, оба православного исповедания» [12]. Сергей Родионов (Иродионов) Марначёв родился 20 сентября 1852 года, крещён 21 сентября [17], умер 23 августа 1913 года от рака желудка [18]. По метрическим книгам известно, что в браке у него было не менее 9 детей: Матрона, Анастасия, Георгий, Агафья, Агрипина, Евдокия, Алексей, Константин [17а-17ж] и Василий [5].

Родители Сергея Родионовича Марначёва (1852-1913 гг.) родились в Лобаново в начале 1820-ых годах, известно, что они вступили в брак 8 ноября 1842 года: «Жених деревни Лобавнова крестьянин Родион Максимов первым браком православного вероисповеда-

ния, 18 лет; Невеста деревни Лобанова крестьянина Родиона Афанасьева дочь девица Марина Родионова православного вероисповедания, 20 лет» [14].

Фамильный дом Марначёвых в д. Лобаново, 1970-е гг.

Скульптор Сергей Казанцев познакомился с Натальей Марначёвой в октябре 1972 года, а 23 июня 1973 года они расписались. «Свадебным подарком для нас со стороны родителей был дом в деревне Лобаново, бабушка Настасья подарила его отцу моему, а тот хотел было его отдать брату Ивану, но тот отказался, и дом достался нам. Интересная история случилась, когда мы туда приехали первый раз весной, ещё до женитьбы. Цвели вишни, жёлтые одуванчики и итальянское голубое небо. В доме ничего не было, родственники всё поувозили, и единственное, что мы нашли на чердаке – икона Казанской Божьей Матери. Видимо, судьба была мне замуж выйти за Казанцева!», – вспоминает Наталья Михайловна.

Первое время, пока Сергей Сергеевич был на дипломном курсе Суриковского института, супруги приезжали в Лобаново (дом №25) только на выходные. Они покупали молоко у соседа дяди Вани, ходили за дровами в лес, топили печь, запекали молоко в крынке. Горницу переоборудовали под мастерскую, углубили пол, чтобы высота до потолка была три метра. Вместо маленьких деревенских окошек заказали местному краснодеревщику большое окно. В горнице Сергей лепил портреты и среднего размера фигуры.

В июне 1974 года Сергей Сергеевич окончил институт, и супруги переехали в Лобаново. Сергея распределили в Художественный фонд Московской области, от которого он получал заказы. Наталья перевелась на очно-заочное отделение в университете, тогда она училась на искусствоведа на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1975 году у молодых родилась первая дочь Мария, через год – вторая - Екатерина.

Сергей продолжал работать в неотопляемой горнице. Но для более крупных работ он возвёл собственноручно павильон у картофельного поля. На художественную комиссию, которая принимала скульптуру, ему приходилось ездить вместе со скульптурой (в огромных мешках, которые ему шила супруга) на общественном транспорте из деревни в Москву. А если скульптура была очень большой, то он ехал в Тушино, чтобы позвонить и пригласить художника на просмотр в Лобаново.

Так выглядело начало совместного подвига молодых супругов на пути по созданию имени великого русского скульптора и его главного детища – Парка скульптур Сергея Казанцева в д. Борзые м.о. Истра.

Фотографии о д. Лобаново

Старых фотокарточек семьи Марначёвых-Майоровых в д. Лобаново практически не сохранилось. Но в семейном альбоме Казанцевых-Марначёвых есть очень атмосферная

фотография, снятая примерно в 1955 году Михаилом Васильевичем Марначёвым в д. Лобаново (Фото №1).

На фотографии запечатлены на переднем плане следующие лица, слева-направо: Надежда Ивановна Марначёва (Лебедева, 1925-2016 гг.), Ульяна Николаевна Марначёва (Басова, 1908-2001 гг.), Анастасия Васильевна Марначёва (Майорова, 1886-1968 гг.), Николай Васильевич Марначёв (1910-1961 гг.), Людмила Петровна Фирсова (Соколова, 1945-1994 гг.), Александра Васильевна Соколова (Марначёва, 1912/1913-1989 гг.), Пётр Васильевич Соколов (1911-1986 гг.), Владимир Петрович Соколов (гг. неизвестны). На заднем плане слева с велосипедом Надежда Николаевна Варбузова (Марначёва, 1936-2024 гг.) и Наталья Михайловна Казанцева (Марначёва, 1951 г.р.). На заднем плане справа стоят две девочки и молодой человек с велосипедом – неизвестные деревенские жители.

*Фото 1. Семья Марначёвых в д. Лобаново, примерно 1955 год.
Имена запечатлённых людей приведены в тексте статьи*

Следующей группой фотографий мы попытались передать атмосферу д. Лобаново в годы, когда там начал жить и трудиться скульптор Сергей Казанцев. Он попал в типичную подмосковную деревушку тех лет (Фото №2). Дворы с одноэтажными деревянными домами, сады с яблонями и вишнями, картофельные поля, скот и домашняя птица во дворах и на улицах, богатый ягодой и грибами лес, потрясающий вид на излучину реки Истра и чистейшие родники. Сейчас от этих просторов ничего не осталось, деревня застроена коттеджами, лес и река теперь за заборами. На Фото №3 изображена та самая горница, которую перестроил художник под мастерскую, здесь запечатлена работа над скульптурой «Такелажник», натурщик – местный житель по прозвищу «Пан-Спортсмен».

Фото 2. Вид на д. Лобаново в годы, когда там начал жить и работать скульптор Сергей Казанцев, слева вверху видна высокая липа, которая росла рядом со скульптурным павильоном у картофельного поля, где трудился художник.

*Автор фото: Бодров Николай Алексеевич, житель д. Лобаново, дата – январь 1977 года
Фото 3. Художник Сергей Казанцев за работой над скульптурой «Такелажник» в перестроенной под мастерскую горнице в доме №25 в д. Лобаново, 1976 год*

Одна из первых работ скульптора Казанцева, выполненная после выпуска из института по заказу Художественного Фонда, называется «Солдат» (Фото №4). Скульптор называет эту работу «многострадальной». Он по неопытности не рассчитал свои силы. Вместо того, чтобы сделать

Фото 4. Скульптор Сергей Казанцев за работой над памятником погибшим в годы Великой Отечественной войны «Солдат», скульптурный павильон около картофельного поля, д. Лобаново, дом №25, 1976-1977 гг.

Фото 5. Вид на скульптурный павильон в д. Лобаново, где трудился скульптор Сергей Казанцев, и мраморные блоки, которые он завёз для работы над заказами, 1990-е годы

фигуру высотой в 2.75 метра, он решил её сделать в 3.20 метра. Из-за этого объёмы работы сильно возросли, глины не хватало, он не успевал проскокам, близилась зима, скульптура стояла в неотапливаемом самодельном павильоне в д. Лобаново, поэтому влажная глина могла потрескаться от первых же холодов.

Около павильона скульптора (Фото № 5) очень эффектно и необычно в начале 1990-х смотрелась россыпь многотонных белоснежных блоков уральского мрамора. Блоки достались художнику в связи с прекращением работы скульптурного комбината в Химках, цехи закрывались и ненужные блоки Сергей Сергеевич забрал себе для работы, привёз в Лобаново и выгрузил вдоль картофельного поля.

Благодарности

Авторы статьи выражают глубокую благодарность Анатолию Николаевичу Блохину, Николаю Алексеевичу Бодрову, Алексею Николаевичу Варбузову, Екатерине Сергеевне Казанцевой за оказанную помощь по поиску информации и фотографий, которые были использованы для написания данной статьи.

Список использованной литературы и источников:

1. Деревня Лобаново. Места // Информационный портал «Familio». – URL: <https://familio.org/settlements/694aba22-5944-45d0-9b7b-83165825fb1d> (дата обращения: 20.06.2025).
2. Деревня Лобаново / Рувики // Информационный портал. – URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Лобаново_\(городской_округ_Истра\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Лобаново_(городской_округ_Истра)) (дата обращения: 20.06.2025).
3. Жертвы политического террора в СССР / Прокуратура г. Москвы, дело П-38500. // Открытый список. – URL: [https://ru.openlist.wiki/Майоров_Василий_Дмитриевич_\(1865\)](https://ru.openlist.wiki/Майоров_Василий_Дмитриевич_(1865)) (дата обращения 16.06.2025).
4. Истринская земля / А. А. Зилов, Г. П. Калужный и др. ; редактор Л. В. Гладков. – Москва, 2004. – 846 с. – (Серия «Энциклопедия сёл и деревень»).
5. Казанцева, Е. С. Дом скульптора. Связь времён: прошлое, настоящее, будущее. К 75-летию народного художника России, член-корреспондента Российской Академии художеств, скульптора Сергея Казанцева / Е. С. Казанцева. – Истра; Борзые : 2021. – 71 с.
6. Казанцева, Е. С. Творческая мастерская Сергея Казанцева в д. Борзые и памятники, установленные автором в городском округе Истра / Е. С. Казанцева, М. С. Казанцева // Литературное краеведение в современном мире: исследование, просвещение, новые подходы. Материалы научно-практической конференции, III Воскресенские чтения, 13 декабря 2019 г. / Центральная библиотека им. А. П. Чехова, под общ. ред. Т. В. Вартановой. – Истра; Коломна : Коломенская типография, 2020. – С. 157-167.
7. Казанцева, Е. С. Родословная народного художника России, скульптора Сергея Казанцева: работа в архивах, воспоминания родственников генетический паспорт / Е. С. Казанцева, Н. М. Казанцева // Пятые Воскресенские чтения. «Библиотеки и краеведение: опыт и традиции. Чеховские памятные места, музеи и библиотеки». 8 декабря 2021 г. / Истринская центральная библиотека имени А. П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т. В. Вартановой. – Истра; Москва : Перо, 2022. – С. 50-61.
8. Казанцева, Е. С. Скульптура Сергея Казанцева «Победитель», посвящённая герою отечества уроженцу Истринской земли Михаилу Васильевичу Марначёву / Е. С. Казанцева, В. Б. Маслова // Четвёртые Воскресенские чтения «Истра военная. 1941-1945. Люди, памятники, быт». Материалы научно-практической конференции, 11 декабря 2020 г. / Центральная библиотека им. А. П. Чехова, под общ. ред. Т. В. Вартановой. – Москва : Современные информационные системы, 2021. – С. 47-52.
9. Мамаев, С. Ю. Историческая справка о д. Лобаново / Утраченный Божий Дом // Информационный портал. – 25.04.2012 г. – URL: <https://www.istra-ltc.ru/chapel/lobanovo.htm#> (дата обращения 20.06.2025).
10. Мамаев, С. Ю. Историческая справка о д. Лобаново / Утраченный Божий Дом // Информационный портал. – 31.03.2012 г. – URL: <https://www.istra-ltc.ru/chapel/pavslodboda.htm> (дата обращения: 21.06.2025).

11. Маслова, В. Б. Герои Отечества / В. Б. Маслова, А. Н. Гольцев. – Павловская Слобода : Павловский печатный дом, 2020. – С. 112-125.
12. Метрическая книга Московской Духовной Консistorии Звенигородского уезда села Павловское Благовещенской церкви за 1883 год // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 22. – Л. 311 об.
13. Метрическая книга Московской Духовной Консistorии Звенигородского уезда села Павловское Благовещенской церкви за 1907 год // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3653. – Л. 263 об.
14. Метрическая книга села Павловское Благовещенской церкви за 1842 год // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 745. – Д. 1579. – Л. 115 об.
15. Метрическая книга села Павловское Благовещенской церкви за 1852 год // ЦГАМ. – Ф. 608. – Оп. 4. – Д. 211. – Л. 63 об.
16. Метрическая книга села Павловское Благовещенской церкви за 1913 год // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 4467. – Л. 348 об.
17. Метрические книги села Павловское Благовещенской церкви, информация о детях Сергея Родионовича и Марии Егоровны Марначёвых:
 - 17а. – Георгий (1902 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3294. – С. 77.
 - 17б. – Агафья (1897 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2330. – С. 57.
 - 17в. – Агрипина (1903 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3301. – С. 121.
 - 17г. – Константин (1864 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2295. – С. 13.
 - 17д. – Евдокия (1892 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2275. – С. 338.
 - 17е. – Алексея (умер 1900 г.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2355. – С. 216.
 - 17ё. – Матрона (умерла 1896 г.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2316. – С. 222.
 - 17ж. – Анастасия (1905 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3318. – С. 277.
18. Метрические книги села Павловское Благовещенской церкви Звенигородского уезда, информация о детях Василия Дмитриевича и Пелагеи Степановны Майоровых:
 - 18а. – Анастасия (1886 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 849. – Л. 62 об.
 - 18б. – Николай (1908 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3820Е. – С. 228.
 - 18в. – Ольга (1902 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3294. – С. 89.
 - 18г. – Фёдор (1904 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3307. – С. 162.
 - 18д. – Георгий (1897 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2330. – С. 71.
 - 18е. – Пётр (1901 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2368. – С. 35.
 - 18ё. – Параскева (умерла 1900 г.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2355. – С. 241.
 - 18ж. – Иоан (1892 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2275. – С. 343.
 - 18з. – Любовь (1890 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 884. – С. 139.
 - 18к. – Михаил (1895 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 2625. – С. 340.
 - 18л. – Анна (1888 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 866. – С. 5.
 - 18м. – Василий (1909 г.р.) // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3938. – С. 227.
19. Павлов, А. П. Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. / QUAESTIO ROSSICA. – СПбУ, Санкт-Петербург, 2018 г. – Т.6, №4. – С. 955-971.
20. Село Павловская Слобода // Рувики : Информационный портал. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Павловская_Слобода (дата обращения 19.06.2025).

С.П. Носиков

НАСТОЯТЕЛЬ ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ЗАШТАТНОГО ГОРОДА ВОСКРЕСЕНСКА СЕРГИЙ ХОЛМОГОРОВ

Одним из наиболее титулованных священнослужителей Звенигородского уезда Московской губернии за всю дореволюционную историю был Сергей Ильич Холмогоров, прослуживший без перерыва почти полвека настоятелем Вознесенской церкви г. Воскресенска. В конце своего служения он был удостоен высокого сана протоиерея, что до революции было крайне редким явлением, особенно в провинции. Ну, а награждение двумя орденами святой Анны (2-й и 3-й степени) вообще стало исключительным случаем для рядовых служителей Церкви, другого такого же примера найти трудно. К сожалению, имя этого уважаемого пастыря ныне почти забыто (так, в фундаментальной энциклопедии «Истринская земля» он упомянут всего один раз). Когда 13 лет назад начинался краеведческий проект «Утраченный Божий дом», Холмогоров одним из первых был занесен на сайт в раздел «Замечательные люди» [59]. В данной публикации приведены новые сведения об этом служителе, его семье, происхождении и потомках, которые удалось обнаружить в различных исторических источниках.

Известные представители рода Холмогоровых

Прежде всего, следует отметить, что фамилия Холмогоровых оказалась довольно распространенной среди священнослужителей. В одной только Московской епархии таких клириков насчитывалось десятки. Самыми известными из них являются церковные историки братья Василий Иванович Холмогоров (1835–1902) и Гавриил Иванович Холмогоров (1842–1924), издавшие до революции свыше 30 томов по истории храмов Московского, Костромского, Владимирского, Калужского и Саратовского краёв [50, С. 99–110].

Наибольшую известность братьям принесли одиннадцать книг по церковной истории XVI–XVIII веков различных десятин (уездов) Московской губернии. Значение этих уникальных трудов, несмотря на встречающиеся иногда ошибки [51], трудно переоценить, они и в наше время не потеряли своей актуальности, их повсеместно используют краеведы, писатели при описании истории отдельных храмов. Не будет преувеличением сказать, что без книг братьев Холмогоровых наши знания о подмосковных церквях были бы заметно беднее.

В роду были профессора Иван Васильевич Платонов (фамилию получил в семинарии), Михаил Семёнович Холмогоров. К числу известных представителей рода следует также отнести протодьякона Михаила Кузьмича Холмогорова (1870–1951), обладателя великолепного баса. Современники называли его «*церковным Шалапиным*». Как написано на сайте,

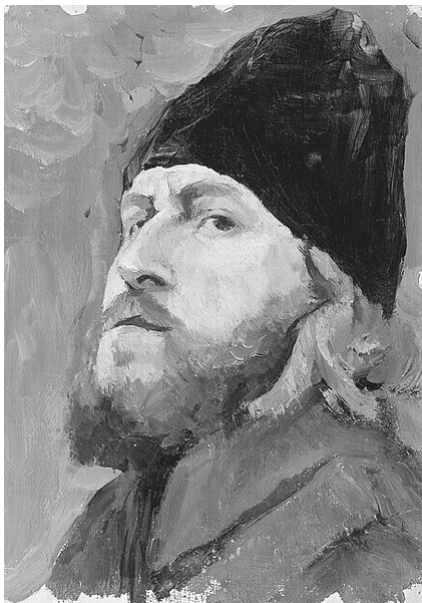

Фото 1 и 2. Иерей Гавриил Холмогоров, протодьякон Михаил Холмогоров

посвящённом Третьяковской галерее: *«Михаил Кузьмич славился своим голосом, послушать его со всей Москвы съезжались знатоки и любители церковного пения. Его служение отличалось особой проникновенностью, чёткостью произношения и выразительностью пения молитвословий. Холмогоров неоднократно получал заманчивые приглашения на оперную сцену, но остался верен своему духовному призванию»* [45]. Михаил продолжил своё служение и после революции в московских храмах, участвовал в интронизации патриарха Алексия (Симанского). По данным того же сайта: *«В 1939 году он был арестован по ложному обвинению, спустя год освобождён и реабилитирован»*. Умер протодьякон в 1951 г. от сердечного приступа, похороны состоялись на Введенском кладбище Москвы.

Возникает вопрос: а как связаны перечисленные представители рода Холмогоровых с протоиереем Сергием, служившим в Воскресенске? Ещё в 1914 г. была издана книга «Родословие Холмогоровых 1740–1903», её написал один из братьев, Гавриил Иванович. В ней приведены имена многих представителей рода. Автор указанной книги утверждает, что после изучения исторических документов XVII и XVIII веков ему не удалось установить единого предка рода. Также говорится, что к селу Холмогоры Архангельской губернии, связанному с именем знаменитого русского учёного М. В. Ломоносова, люди из Подмоскovie не имели никакого отношения. Утверждается, что первые церковнослужители были без фамилий, Холмогоровыми стали именоваться только в начале XIX столетия.

Уже в наше время на базе упомянутого дореволюционного издания фрязинский краевед Георгий Васильевич Ровенский написал книгу «Холмогоровы – родословная духовного сословия». В ней упомянуты более 400 имён, подробно описаны три ветви рода. Первая ветвь названа родом «*протодиакона Михаила Кузьмича Холмогорова*» [48, С. 7], в дореволюционном издании она именована «*рогачёво-ведерническая*». Вторая ветвь «*ведерническая*» – это «*Род Савичей*» из того же села Ведерницы (род историков церквей Холмогоровых В.И. и Г.И.). Третья ветвь «*дмитровская*» – это род «*трёх братьев Холмогоровых “Ивановичей”*». В обеих книгах (дореволюционной и современной) воскресенский протоиерей Сергей отнесён к первой ветви рода. Установлено, что он был дядей упомянутого протодьякона Михаила Кузьмича. А вот его родства с братьями-историками документально проследить не удалось. Хотя оно вполне возможно, т.к. корни обеих ветвей рода уходят в село Ведерницы Дмитровского уезда Московской губернии, да и фамилия у потомков оказалась одинаковой.

В дальнейшем речь пойдет о настоятеле Вознесенской церкви г. Воскресенска Сергие Ильиче Холмогорове (1834–1905), о его служении, происхождении, семье, потомках. К большому сожалению, не удалось найти ни одной фотографии батюшки.

Предки настоятеля Вознесенской церкви

В упомянутых родословных книгах первым в «*рогачёво-ведернической*» ветви рода записан иерей Михаил Семёнович, служивший в Троицком храме с. Ведерницы в начале XVIII столетия. Это пра(3)дедушка нашего воскресенского протоиерея. Михаил был женат на Анне Фадеевне, известны имена троих детей: Анна, Сергей и Семён. Когда Семён вырос, то стал служить вместе с отцом в том же храме на причётнической должности. Это подтверждает исповедная ведомость Троицкой церкви за 1743 г. в составе причта находился 31-летний дьячёк «*Семён Михайлов*» [9, С. 573] (прапрадедушка). Указана его жена Евдокия Фёдоровна, дочь Марфа и сын «*Михайло*». Был ещё сын Александр, который позднее был отдан в рекруты (в армию).

Упомянутый «*Михайло*» – Михаил Семёнович (полный тёзка своего деда) – оказался жителем в третьем поколении Троицкого храма с. Ведерницы. Как и отец, служил дьячком. По сведениям из дореволюционного издания он был женат на Агриппине Филипповне, дочери дьякона Успенского собора г. Дмитрова. В его семье по данным исповедной ведомости 1789 г. имелось восемь детей: Акилина, Елена, Пелагея, Пётр, Семён, Мария, Настасья, Василий [10, С. 815]. Все сыновья стали дьячками, служили в храмах Дмитровского и Клинского уездов. Дочери же, за исключением Елены, ставшей монахиней, «*были выданы в крестьянство*» (очевидно, вышли замуж за крестьян).

В приведённом списке детей Михаила Семёновича не указано имя ещё одного сына, которого звали Фёдор Михайлович (1770–1860). Нас он интересует больше всего, т.к. это дедушка Сергия Холмогорова. В семейном списке его не оказалось потому, что он в указанное время уже не жил с семьёй, служил в другом храме. По данным той же исповедной

ведомости Фёдор находился на должности пономаря в причте Богородицерождественской церкви Медведевой пустыни Дмитровского уезда. Он был женат, супругу звали Евдокия Васильевна. В составе семьи записана и «*тёща ево вдова Степанида Афонасиева*» [10, с.89]. По данным дореволюционного издания в 1803 г. причетник был рукоположен в священнический сан и определен на место настоятеля в Покровский храм с. «*Андреевское, Убежище тож*» того же уезда. На указанной должности о. Феодор находился три десятилетия вплоть до 1833 г. В дальнейшем «*13 лет служил в Москве у г. Нарышкиной*» [49, С. 12].

Доживать свой век о. Феодор вернулся в Дмитровский уезд к сыну Илье. Умер батюшка 3 апреля 1860 г. «*в день Светлого Христова Воскресения, выслушав пасхальный канон, погребен 4 числа при церкви Живонач. Троицы в селе Ольявидове близ алтаря*» [50, С. 7]. Было ему в то время 90 лет.

В семье Фёдора Михайловича выросло пять детей: Сергей, Илья, Михаил, Прасковья, Алексей. Старший из мальчиков стал чиновником. Остальные сыновья по примеру отца стали священнослужителями, имели детей. Михаил был священником московской «*Преображенской, что на Болвановке церкви*». Алексей служил дьяконом в Успенском соборе г. Дмитров.

Поговорим теперь о ещё одном сыне, который оказался отцом воскресенского протоиерея – это Илья Фёдорович Холмогоров (ок. 1802 – ?). По данным дореволюционного издания учился он в Вифанской семинарии, окончил её по второму разряду. После рукоположения в священнический сан в 1827 г. Илья был определён настоятелем в Троицкую церковь с. Ольявидово Дмитровского уезда. Здесь он служил долго, не менее трёх десятилетий. В последние годы находился на должности благочинного. Как уже говорилось, к нему после выхода из штат переехал на жительство родитель Фёдор Михайлович. В 1860 г. о. Илия был награждён скуфьёю. О времени кончины сведений нет, но, судя по документам, в 1868 г. он был ещё жив.

Супругу батюшки звали «*Анна Космина*» (Кузьминична). В семье выросли четверо детей: Иосиф, Косма (Кузьма), Сергей (будущий протоиерей), Прасковья. Дочь в начале 1860-х годов вышла замуж за Алексея Ивановича Воскресенского. Тот занял в причте Троицкой церкви с. Ольявидово место настоятеля, на котором прежде находился тесть Илия Холмогоров. Очевидно, это был случай «женитьбы на месте», довольно распространённое в то время явление. Сыновья по примеру родителя стали священниками, имели детей. По сведениям дореволюционного издания Иосиф служил в с. Ангелово Московского уезда, а Косма в с. Новосёлки Серпуховского уезда.

Юные годы Сергея Ильича Холмогорова

Переходим теперь собственно к главному герою рассказа – Сергею Ильичу Холмогорову (1834–1905), сыну священника Ильи Федоровича. Следует отметить, что сведений о нём в обоих родословных книгах почти нет, информация собиралась из разных источников, в основном архивных дел ЦГАМ.

Во многих публикациях говорится, что Сергей родился 5 сентября 1831 г. в с. Ольявидово Дмитровского уезда. Эта информация оказалась верной лишь отчасти, что стало понятно после

обнаружения метрической записи. Выяснилось, что место рождения указано верно, а вот дата появления на свет помету-то везде искажена ровно на три года. Достоверные сведения были обнаружены в метрической книге Троицкой церкви с. Ольявидово за 1834 г., в которой написано, что 5 сентября «у Священника Илии Феодорова Холмогорова и законной его жены Анны Козминой [родился] сын Сергей» [27, С. 557 об]. Восприемником (крестным отцом) записан «Дмитровской округи Села Андреевскаго бывшій Священник Феодор Михайлов». Это дедушка малыша.

О детстве мальчика сведений немного. Удалось установить, что в 1844 г. он поступил на учёбу в Дмитровское духовное училище. Находился в нём на своём «содержании» [8, С. 108], т.е. за учёбу платил отец. В документе отмечено, что способности ученика «похвальные», поведение «очень похвальное». После окончания училища в сентябре 1850 г. Сергей поступил в Вифанскую духовную семинарию. Пройдя полный курс обучения, «в 1856 году с аттестатом 2 разряда, уволен в Епархиальное ведомство» [18, С.15 об]. Выдача аттестата не первого разряда, предоставлявшего больше возможностей по трудоустройству, а второго, говорит о том, что юноша не преуспевал в учёбе. Хотя и назвать плохими его результаты обучения в семинарии тоже нельзя (по сведениям, предоставленным исследователем А. Н. Инюкиным, Холмогоров был в середине списка учеников, удостоившихся второго разряда). Так или иначе, ему пришлось ждать своего назначения на служение более двух лет.

В начале 1859 г. настоятель Вознесенской церкви заштатного города Воскресенска священник Григорий Воздвиженский собирался уходить за штат. Сам документ об увольнении не обнаружен, найдена лишь краткая запись в служебном реестре дел духовного правления. Поэтому всех обстоятельств ухода священника мы не знаем. Однако по опыту других подобных случаев можно предположить, как все происходило. Увольнявшийся за штат клирик хотел выдать свою дочь Ольгу замуж за молодого служителя, готового занять его место в причте. Тем самым он обеспечивал своё собственное пропитание в будущем. Женихом согласился стать выпускник семинарии Сергей Холмогоров. Это был ещё один случай «женитьбы на месте».

Исследователь А. Н. Инюкин установил, что Сергей Холмогоров ещё задолго до свадьбы был знаком, если не с невестой, то с ее родственниками. Речь идёт о Дмитрие, сыне настоятеля Вознесенской церкви г. Воскресенска Григория Воздвиженского. Оба молодых человека учились в одно время в Вифанской семинарии. Через сокурсника Сергей узнал об освобождающемся месте в городском причте, познакомился с невестой и её отцом. Заинтересованные стороны обо всем договорились, жених получил у священноначалия разрешение на брак, после чего сыграли свадьбу.

Венчание состоялось 18 января 1859 г. в г. Воскресенске, поручителями со стороны жениха был родитель о. Илия и брат Косма, а со стороны невесты родитель о. Григорий и тот самый брат Дмитрий [28, С. 493 об]. Вскоре после этого состоялось рукоположение молодожёна в священнический сан. Так Сергей по православной традиции стал Сергием.

А уже через несколько дней (по данным клировой ведомости 28 января) по указу митрополита Московского и Коломенского Филарета молодой священник Сергей Холмогоров был назначен на

должность настоятеля Вознесенской церкви г. Воскресенска. Так начался его долгий путь служения у престола Божия длиною почти в половину столетия, причём все время на одном месте.

Поговорим теперь о супруге настоятеля – Ольге Григорьевне, урожд. Воздвиженской (1837–1904).

Род служителей Воздвиженских

Как уже отмечалось, отца невесты звали Григорий Сергеевич Воздвиженский. О его происхождении удалось узнать следующее.

Григорий был из семьи потомственных церковнослужителей. Согласно ревизской сказке в 1795 г. в Крестовоздвиженской церкви с. Тепленово Звенигородского уезда настоятелем служил священник Стефан Ефимович (ок. 1735–1807). Его женой была записана «*Елена Прокопиева Московскаго уезда Радонежская десятины села Митрополья Николаевской церкви пономаря Прокопия Алексеева дочь*» [47, С. 709]. Это прадедушка и прабабушка Ольги. В клировой ведомости о служителе Стефане писали, что назначен в Тепленово в 1758 г., «*состояния [т.е. поведения] не худаго, но не очень воздержан*» [15, С. 4 об].

В исповедной ведомости той же Крестовоздвиженской церкви за 1794 г. указано, что в составе причта помимо настоятеля о. Стефана на пономарской должности находился его сын 21-летний Сергей Степанович (ок. 1776–1861). Это дедушка Ольги. В исповедке за 1806 г. отмечено, что он уже дьячок. А на должности настоятеля Крестовоздвиженской церкви в это время находился другой клирик. При этом отец причетника Стефан Ефимович был ещё жив, он записан в том же документе как «*Престарелый и от должности уволенный прежний Священник*» [11, С. 29]. Была также жива и мать Елена Прокопьевна. В следующем году родитель умер, об этом стало известно из метрической книги [21, С. 66].

О Сергее Степановиче можно ещё добавить, что служить начал в 1791 г. О его способностях в клировой ведомости писали: «*Читает хорошо, поет не худо, в школах не был*» [16, С. 4 об]. А поведение: «*не худаго*». В исповедной ведомости 1806 г. указан такой состав семьи дьячка: жена «*Авдотья Лукина*» (Лукинична), сыновья Сергей, Иван, Григорий, Егор.

Поговорим теперь о сыне дьячка Григории, ставшего тестем Сергея Холмогорова. Григорий Сергеевич Воздвиженский (ок. 1803–1869) учился в Вифанской духовной семинарии, окончил её с аттестатом первого разряда. В 1825 г. по данным клировой ведомости стал служить дьяконом в «*церкви Иоанна Предтеча, что на Лубянке в Москве*» [16, С. 302 об]. В том же документе отмечено, что спустя четыре года был рукоположен в священнический сан и назначен на должность настоятеля в Вознесенскую церковь г. Воскресенска. Благодаря сохранившимся исповедным ведомостям удалось установить состав семьи о. Григория. Матушку звали Анна Никитична, а десять детей имели такие имена: Александр, Татьяна, Мария, Алексей, Дмитрий, Ольга, Екатерина, Агрипина, Елена, Сергей [12, 13]. Во всё той же клировой ведомости отмечено, что мальчики обу-

чались «на содержании отца»: кто в Саввинском приходском училище (младшие), кто в Вифанской семинарии (старшие).

Служение Григория Воздвиженского у престола Божия оказалось противоречивым: были как поощрения, так и наказания. Так согласно записи в клировой ведомости «В 1848 году по неправильному произведению следствия Звенигородского уезда в селе Свинорье по беспорядкам прихода-расходных книг был удалён от должности благочинного» [6, С. 29]. А в 1854 году «за недобросовестный поступок» был отстранён «от должности духовника благочиния с объявлением неудовольствия Епархиального начальства».

И все же поощрений, заслуг у батюшки оказалось больше. Во все той же клировой ведомости написано, что с 1836 по 1848 гг. «Проходил должность благочинного». Там же отмечено: «Объявлена благодарность начальства за пожертвование 762 сажень усадебной земли в церковь – 1838 г. Объявлена благодарность начальства за успешность сбора в пользу бедных духовного звания – 1844 г. По распоряжению Епархиального начальства учил безмездно приходских детей [...] – с ген. 1845 по май 1846 г. Награжден набедренником – 1850 г. Утверждён Законоучителем в Воскресенском приходском училище – с 1850 по 1854 г.».

Ровно три десятилетия о. Григорий был настоятелем Вознесенской церкви г. Воскресенска. Как уже отмечалось, в начале 1859 г. он подал прошение об увольнении из духовного звания «по болезни» [48, С. 19] (характер заболевания не уточнён). После выхода за штат прожил ещё десять лет в семье дочери Ольги и зятя о. Сергия Холмогорова, которому уступил своё место настоятеля в причте. Когда и где умер Григорий Сергеевич, точных данных найти не удалось. Лишь в служебных документах консистории обнаружена запись, согласно которой в октябре 1869 г. было получено разрешение генерал-губернатора: «перевезти тело заштатного священника Григория Воздвиженского в г. Воскресенск для предания тела земле» [29, С. 421 об].

Первые годы служения священника Сергия Холмогорова

Но вернёмся во времени назад. Как уже говорилось, в 1859 г. началось служение о. Сергия в заштатном г. Воскресенске, было ему в то время 24 года.

О настоятеле С. И. Холмогорове собрано немало информации, в основном она характеризует клирика с положительной стороны. Однако не бывает людей идеальных, у каждого в жизни случаются ошибки. Были они и у священника Холмогорова. Но что характерно – все негативные моменты произошли в начальный период служения, когда настоятель был ещё молод и неопытен. К счастью, это оказались незначительные проступки, и они не оставили заметного следа. Но для объективности рассказать о них все-таки следует.

Первое взыскание о. Сергию было вынесено спустя год после его приезда в Воскресенск. Произошло тогда следующее. Во время литургии в Великий пост в Вознесенском храме было много причащающихся (более 200 человек), пришли также школьники из городского училища. Как потом объяснял священник: «один из мальчиков, принимая со лжицы Святыя Тайны, не

принял как должно частицы Святаго Тела, она упала на пелену и тут же была потреблена мною» [39, С. 2]. Но оказалось, что иерей не заметил другую упавшую частицу Святых Даров, её поднял с пола прихожанин. По церковным правилам это было нарушение. Осталось непонятно – сам ли Холмогоров честно доложил обо всём случившемся священноначалию, или же кто-то донёс. Так или иначе, было проведено расследование. Настоятель признал свою вину, очень сокрушался, что так ненароком всё произошло. В консистории решили «за невнимание его к благоговейному охранению святыни» послать провинившегося служителя на три дня в монастырь для покаяния и молитвы. О. Сергей принял наказание смиренно, как писал архимандрит московского Данилова монастыря, с чувством глубокой горести, полного душевного признания и раскаяния.

Второй случай произошёл в следующем, 1861 году. Бывший дьякон Вознесенской церкви Василий Цветков пожаловался священноначалию. Написал, что на Торговой площади г. Воскресенска существует часовня. В ней без разрешения начальства установлены две кружки для сбора пожертвований, а куда уходят собираемые деньги – неизвестно. Помимо этого он обвинил настоятеля храма в том, что тот самовольно взял из церковной кассы шесть рублей для оплаты транспортных расходов, причём «поездка эта была сопряжена и с собственной домашнею нуждою» [32, С. 2]. По поданной жалобе было проведено расследование. И выяснилось, что обвинения Цветкова в адрес настоятеля несправедливы. Да, действительно в городской часовне без ведома начальства имелись кружки для сбора пожертвований, что было нарушением установленного порядка. Но они были установлены задолго до вступления в должность Холмогорова. Обвинение же в трате церковных денег на личные нужды оказалось ложным, т.к. упомянутые шесть рублей были потрачены на оплату провоза купленной в Москве церковной утвари. Поэтому о. Сергия не стали наказывать, велели лишь правильно вести учёт собираемых церковных денег. Взысканию следовало подвергнуть Цветкова за ложный донос. Но, оказывается, он уже был отрешён от сана за другое, более серьёзное прегрешение.

Спустя два десятилетия случилось ещё одно происшествие, доставившее много переживаний Холмогорову. В 1881 г. вновь поступила жалоба одного из клириков Вознесенской церкви на

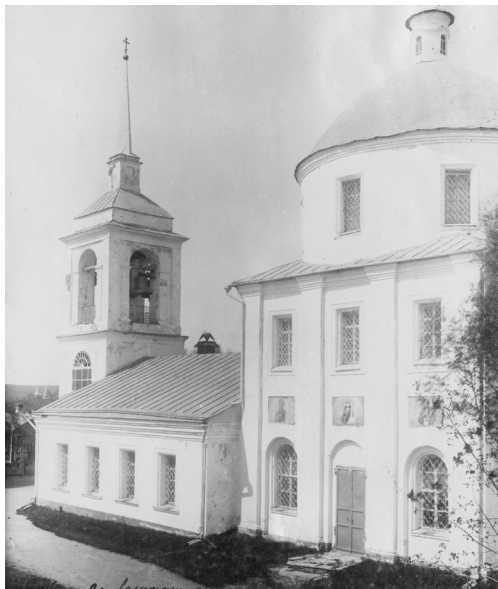

Фото 3. Вознесенская церковь г. Воскресенска

своего настоятеля [5, С. 1]. На сей раз это был дьякон Семён Смирнов, находившейся на причётнической должности. Обвинение было пустяковое: на ризе священника оказались «ласы» (полосы). Когда Смирнов сказал об этом Холмогорову, тот в ответ стал ругаться: мол, это его обязанность как причётника следить за аккуратностью и чистотой облачений. Однако Семён полагал себя невиновным, считал, что настоятель к нему придирается, т.к. облачение запачкалось после произошедшего у него истечения крови из носа. (О том, что у о. Сергия действительно было неладно со здоровьем, свидетельствует заголовок несохранившегося дела: «*О случавшихся со священником г. Воскресенска С. Холмогорова во время отправления службы припадках, 1863*»). Настоятель посчитал жалобу причётника несправедливой. Сказал, что у того давняя обида с тех пор, когда он не поддержал его стремление занять штатную должность дьякона в причте из-за замечаний по службе. Холмогоров также припомнил другой случай, когда Смирнов после молебна пришёл в его дом нетрезвым, стал ругаться и даже плюнул в лицо [33, С. 1 об]. Такой проступок грозил серьёзным наказанием, увольнением за штат. Осознав это, причётник стал просить прощение. И добрый батюшка его простил. Но, как показали дальнейшие события, такое милосердие не привело к исправлению Смирнова. Священноначалие во всех обстоятельствах дела разобралось, и наказание настоятеля не последовало.

Других жалоб в адрес Сергия Холмогорова за всё долгое время его служения в документах не обнаружено. Напротив, оказалось множество свидетельств, в которых говорится о добрых делах священника, описаны его труды и заслуги в различных сферах. Ну а те самые замечания, о которых шла речь, оказались столь незначительными, что они даже не упоминались в клировых ведомостях, в соответствующей графе писали: «Судим и штрафован не был». Напротив, о поведении настоятеля говорилось: «*отлично хорошаго*».

Добрые дела и награды настоятеля Сергия Холмогорова

В 1877 г. Холмогоров стал депутатом благочиния одного из округов Звенигородского духовного правления [52, С. 48 об]. Спустя ещё четыре года его уже утвердили в должности благочинного. Это была довольно хлопотная должность, на которую уходило много времени. В состав Воскресенского благочиния, помимо самого города, входили 11 сёл с их приходами: Брыково, Бужарово, Куритниково, Ламишино, Малинки, Мушкино, Огниково, Рождествено, Филатово, Берендеево, Соколово [54]. До самых дальних селений было около 20 вёрст, столько же и до уездного центра Звенигорода, где находилось духовное правление. Если принять во внимание, что автотранспорта и нормальных дорог тогда ещё не было, можно представить, насколько не просто было добираться до нужных мест о. Сергию. Единственным средством передвижения оставалась лошадь с телегой. Как минимум дважды в год благочинный объезжал с проверкой все подведомственные храмы, а по необходимости в некоторые наведывался и чаще.

До конца своих дней Холмогоров оставался благочинным, в общей сложности 24 года. Мало кто из служителей столь долго находился на этой ответственной должности. Такой

долгий срок говорит о том, что о. Сергей достойно исполнял свои обязанности, претензий у священноначалия к нему не было. Об этом свидетельствуют и неоднократно вручаемые награды, о которых речь пойдет далее.

Судя по документам, особо много внимания Холмогоров уделял народному образованию. Как написано в клировой ведомости, уже вскоре после вступления в должность настоятеля, он «С 1861 г. по 1867 г. обучал приходских детей бесплатно в собственном доме» [6, С. 48 об]. В другом архивном деле приведены конкретные цифры: в 1865 г. в доме священника учились 14 мальчиков и 1 девочка [34, С. 42 об].

Надо признать, данный факт несколько озадачил. Дело в том, что ещё в 1848 г. в Воскресенске купцом И. Д. Чикиным было открыто училище для детей горожан, оно потом содержалось за его счёт и не закрывалось [30, С. 322]. Но если священник учил детей в своём доме грамоте, то, очевидно, потребность в этом была. Надо полагать, что мест для всех желающих в городской школе не хватало. Когда известным благотворителем Звенигородского края купцом П. Г. Цуриковым в Воскресенске было построено новое здание училища, то в 1875 г. Холмогоров был назначен в него законоучителем и исполнял эту обязанность вплоть до своей кончины. Его труд по преподаванию Закона Божия оплачивался. Так в середине 1880-х годов он получал ежегодное вознаграждение 120 рублей [6, С. 19]. В 1889 г. после открытия в Воскресенске отдельного училища для мальчиков о. Сергей стал и в нём законоучителем.

Преподаванием Закона Божия настоятель не ограничивался. В 1887 г. он был утверждён наблюдателем церковно-приходской школы в с. Никулино. Спустя два года был назначен наблюдателем за церковно-приходскими училищами всего Воскресенского благочиния. В нескольких источниках сообщается, что с 1873 по 1876 г. Холмогоров был членом Звенигородского училищного совета [57, С. 7]. Судя по газетной публикации, в 1891 г. он входил в состав Звенигородского отделения Епархиального училищного совета.

О. Сергей состоял членом нескольких благотворительных организаций.

Так в 1872 г. он пожертвовал шесть рублей в фонд помощи бедному духовенству [35, С. 123].

В 1893 г. при Вознесенской церкви было открыто отделение московского «Елисаветинского Благотворительного Общества», «имеющего целью попечения о неимущих и беспомощных матерях законных детей» [36, С. 2]. Служители храма, включая настоятеля, стали «непременными членами» этого общества. О. Сергей ежегодно вносил в его кассу пять рублей.

Когда было открыто «Благотворительное общество при Воскресенской земской лечебнице», Холмогоров записался в его члены. В одном из отчётов указан размер его ежегодного взноса – пять рублей [40, С. 20].

В 1892 г. в епархиальной газете была напечатана благодарность «От Совета Братства Св. Равноапостольной Марии Магдалины [...] следующим лицам, особенно много и благотворно потрудившимся за истекший год по сбору пожертвований в пользу Братства: [...] Звенигородского уезда заштатного города Воскресенска священнику С. Холмогорову» [38, С. 192].

Фото 4. Приходское училище в г. Воскресенске, построенное П. Г. Цуриковым

В 1903 г. в той же газете в отчёте «о состоянии церковных школ Московской епархии» было отмечено: *«Из лиц, наиболее ревностно относящихся к школьному делу, заявивших о себе особенным усердием, искусным преподаванием и полезной деятельностью, по свидетельству уездных наблюдателей, можно указать на следующих: [...] по уезду Звенигородскому: законоучителей: Воскресенской женской [школы] протоиерея С. Холмогорова»* [42, С. 92].

Много лет о. Сергей состоял «действительным» членом Саввинского отделения “Кирилло-Мефодиевского братства”, платил членские взносы (их точный размер не указан). После кончины священника его имя было внесено «в братский синодик на вечное поминовение» [41, С. 18].

Труды настоятеля на протяжении всех лет служения неоднократно поощрялись священноначалием. Об этом наглядно свидетельствует послужной список батюшки, приведённый в клировой ведомости. В 1873 г. вручён набедренник. Спустя четыре года последовала следующая награда – скуфья. *«За особенную деятельность по отправлению духовных треб во время свирепствовавшей в 1871–1872 гг. эпидемической холерной болезни [о. Сергию] преподано благословение Святейшаго Синода»* [1, С. 63]. В 1883 и 1884 годах преподано *«Благословение Святейшаго Синода без грамот* [55, С. 55] (за что именно – не сказано). В следующем году Холмогоров был отмечен *«бархатною фиолетовою камиллавою»*. В 1891 г. *«Награждён Наперсным Крестом от Святейшаго Синода»* [6, С. 49 об]. В 1897 г. о. Сергей стал протоиереем [40, С. 198]. Немногие пастыри в провинции удостоивались такого высокого сана.

Незадолго до этого Холмогоров получил свою первую государственную награду – орден св. Анны третьей степени. В указе о награждении говорилось: *«в награду усердного прослужения в течение двенадцати лет сряду в некоторых должностях по духовному ведомству* [3, С. 27]. Более детально написано в книге дореволюционного автора И. Ф. Токмакова: *«В 1894 г.*

2 февраля Всемилостивейше сопричислен к ордену св. Анны 3-й степени за 12-ти летнее прохождение должности *Благочинного*» [42, С. 8].

О награждении Холмогорова указанным орденом говорится во многих документах. А вот о том, что через какое-то время он получил ещё один орден, сказано лишь в одном источнике – журнале «Церковные ведомости». В № 19 за 1905 г. напечатано, что «*За службу по епархиальному ведомству*» были удостоены награждения орденом св. Анны второй степени ряд духовных лиц в Московской епархии, среди них «*Вознесенской церкви заштатного города Воскресенска, Звенигородского уезда, протоиерей Сергей Холмогоров*» [4, С. 159]. Можно предположить, что основанием для вручения указанной награды стал второй 12-летний срок нахождения на должности благочинного.

Это была последняя награда настоятеля. Редко кто из простых священнослужителей удостоивался награждения государственным орденом. А тут такое случилось дважды. Оставалось только порадоваться за пастыря, чьи многочисленные труды на благо простого народа были оценены по достоинству. Вот только после второго награждения батюшка прожил всего полгода.

До самых своих последних дней о. Сергей исполнял обязанности настоятеля городского храма и благочинного. Последним крупным делом, которым ему пришлось заниматься, оказалась подготовка к расширению родной Вознесенской церкви, ставшей тесной для прихожан растущего г. Воскресенска. В начале 1904 г. в консисторию было подано прошение причта городского храма. В нём говорилось, что для строительных работ по смете требуется свыше миллиона штук кирпичей. С целью экономии средств по заготовке стройматериала решено было построить собственный кирпичный завод. Предполагалось на это потратить 3500 рублей. Однако, потом решено было не строить новое предприятие, а купить существующее у прихожанки храма Берёзкиной, которая согласилась продать свой завод за 1500 рублей. Всеми этими вопросами пришлось заниматься настоятелю храма, об этом свидетельствует его подписи на многих бумагах упомянутого дела: «*протоиерей Сергей Холмогоров*» [37, С. 7].

Кончина настоятеля

Настоятель Вознесенского храма умер в самом конце 1905 г. В метрической книге указана причина смерти «от старости» [26, С. 321 об] и возраст 72 года (на самом деле 71). Через некоторое время в епархиальном журнале был напечатан некролог, в нём говорилось:

«почивший нёс службу ради того великаго дела, к которому был призван, а не из материальных выгод. Было время, когда он, окружённый родственниками и детьми, несомненно, нуждался в средствах, но у него не было и мысли искать лучшаго обеспечения. [...]»

Одним из главных свойств души почившаго протоиерея была его глубокая и искренняя вера. Это была вера не на словах, а жизненная вера. Когда ему что и удавалось в жизни, он приписывал удачу не себе, но Провидению Господа и спешил благодарить Его за это. Особенно она обнаруживалась у покойнаго в житейских неудачах и несчастиях. Никогда

здесь он не предавался ни особенной печали, ни тем более отчаянию, уповая, что земное горе должно повести к радости небесной. Эта же вера и смиряла его. [...] Церковные службы, совершаемые им, были продолжительны до утомления предстоящих, но он, несмотря на ежедневную службу, никогда не утомлялся, – наоборот, каждая служба как бы ободряла его, поднимала его дух, и присутствующим за его служением нередко приходилось наблюдать искренние, горячие слёзы умиления, появляющиеся на его старческих глазах.

Как благочинный, он являлся для подведомственного духовенства не начальником, а скорее другом, советником и – главное – печальником за обездоленных. [...]

Мир праху твоему, примерный пастырь церкви!» [46, С. 23–24].

Где жила семья Холмогоровых

Теперь поговорим о бытовых моментах.

Летом 1869 г. в Воскресенске случился страшный пожар, уничтоживший десятки домов горожан, сильно пострадала и Вознесенская церковь. В газете «Московские ведомости» была напечатана заметка, в которой имелись такие слова: «Уже не слышно было потрясающих душу ударов колокола, на колокольне и над крышей трапезного храма во многих местах стал показываться огонь. Настоятель церкви, дом которого также был в пламени, совершил во храме последнюю молитву, в виду неотвратимой опасности, оставил его» [7, С. 3].

Имя настоятеля не указано, но и так понятно, что речь шла о настоятеле Сергии Холмогорове. Как видим из приведенной цитаты, он, несмотря на то, что его собственный дом был в огне, молился в храме об избавлении от беды. И помощь пришла – от людей. Речь идёт о купце Павле Григорьевиче Цурикове, который примчался вместе с пожарной командой со своей Ивановской фабрики, находившейся в восьми верстах. Если бы не эта помощь, то ущерб для города мог бы быть намного больше. Об этом пожаре уже доводилось писать в другой книге [31, С. 347–348].

По данным одной публикации, пожар нанёс большой ущерб жилищу настоятеля, он оценивался в 1000 рублей [58, С. 145]. Огромная по тем временам сумма. Батюшка оказался среди наиболее пострадавших горожан. Восстановление жилья заняло долгое время (как станет далее понятно – до 11 лет).

Где находился дом Холмогоровых? До недавнего времени конкретной информации не было, понятно лишь было, что жилые дома членов причта располагались на церковной земле. На карте города 1912 г., составленной инженером Ф. П. Баскаковым [44, С. 1], показаны строения вокруг Вознесенского храма. На нём, увы, хозяева построек не обозначены. Кое-что прояснилось после изучения другого изображения той же местности. Речь идёт о плане, составленном старожилом Н. Матюхиным [2, С. 214] и опубликованном в книге, изданной уже в наше время. И хотя датировка не указана, очевидно, это довоенный план города, потому что на нём показаны отдельные домовладения (известно, что во время войны почти вся Истра сгорела).

родилось не менее восьми детей. Среди них было три сына: Александр, Дмитрий, Сергей, и пять дочерей: Ольга, Анна, Клавдия и две Евгении (вторая из них родилась вскоре после смерти первой). К сожалению, до взрослых лет дожили только двое детей из восьми. Известно, что детская смертность до революции была высокой. Но даже для того времени всего четверть выживших детей было нетипичным случаем. Как видим, много скорби пришлось пережить о. Сергию.

Первенец Александр родился в 1861 г., вскоре после назначения батюшки в Воскресенск. Прожил он чуть более пяти лет и умер, как написано, «от глистов» [20, С. 174 об]. Следующей в семье была Ольга, о ней поговорим позднее. Затем родилась первая Евгения, она прожила семь лет, умерла 8 августа 1873 г. А за несколько дней до этого (27 июля) в семье настоятеля скончалась другая малышка, Анна, ей был всего один годик. Причины смерти у обеих указаны одинаковые: страдали «поносом» [24, С. 39 об]. Истинная же причина, скорее всего, была холера. Между Евгенией и Анной в семье настоятеля родились ещё две девочки, обе также жили недолго. Клавдия скончалась в июле 1871 г. в возрасте двух лет от холеры [23, С. 110 об]. А вторая, Евгения, прожила почти десять лет и умерла 17 января 1884 г. «от дифтерита» [26, С. 263 об].

Последними в семье Холмогоровых родились мальчики: Дмитрий и Сергей. У них судьбы сложились по-разному. Сергею не повезло, он прожил всего два года и скончался спустя пять дней после смерти второй Евгении от того же дифтерита. Как видим, дважды (в 1873 и 1884 гг.) большое горе постигало семью настоятеля, когда подряд умирали родные дети. Анализ записей в метрических книгах показывает, что в большинстве случаев (а может, и во всех) причиной ранней смерти детей были эпидемические болезни.

Перейдём теперь к двум выжившим детям в семье священника. Сначала поговорим о сыне Дмитрие Сергеевиче Холмогорове (1876–1943).

О нём информации немного. В упомянутом дореволюционном издании Токмакова говорится: «*Дмитрий состоит на службе Помощником Инспектора Архангельской Духовной Семинарии*». В книге Ровенского приведены дополнительные сведения: окончил «*Звенигородское дух. уч-ще в 1891 и Вифанскую семинарию в 1897 г. Поступил в Моск. дух. академию, которую окончил в 1901 со званием кандидат богословия*» [50, С. 18, 19]. Автор упомянутой книги также приводит слова потомка Алексея Николаевича Воздвиженского: «*Я никогда не слышал, чтобы брат бабушки Дмитрий Сергеевич Холмогоров, действительно окончивший Московскую Духовную Академию, служил священником, м. б. он работал где-нибудь в «подразделении» Московской Духовной Консистории на какой-нибудь другой «должности» до 1917 года. После 1917 года работал в каких-то земельных что ли органах. Семьи у него не было*». К этой информации тот же потомок позднее добавил, что Дмитрий Сергеевич «*жил вместе с моей семьёй в одной квартире (по адресу: Большая Молчановка, дом 28), своей семьи у него не было. В 1943 году попал под автомобиль и скончался в институте Склифосовского*».

Упомянутый потомок Алексей Николаевич Воздвиженский – это внук Ольги Сергеевны Холмогоровой (1863–1935). Об этой единственной выжившей дочери протоиерея информации заметно больше.

Оля родилась в самом конце 1863 г., назвали её тем же именем, как у матери. Очевидно, девочка обучалась в земском училище г. Воскресенска, которое находилось рядом с родительским домом. В ноябре 1887 г. в Москве состоялось её венчание с псаломщиком Троицкой церкви на Шаболовке Николаем Дмитриевичем Воздвиженским (ок. 1864–1930) [22, С. 91 об]. Как могло состояться сватовство? Исследователь А. Н. Инюкин установил, что Сергей Ильич Холмогоров (отец невесты) и Дмитрий Степанович Воздвиженский (отец жениха) были хорошо знакомы, они вместе учились в Вифанской семинарии.

Возникает естественный вопрос: а не было ли здесь кровного родства? Ведь дедушкой невесты был священник с той же фамилией – Григорий Воздвиженский. Однако Инюкин считает, что это просто однофамильцы. По его мнению, *«священник Григорий Сергеевич Воздвиженский получил фамилию, как обычно, в семинарии по церкви Воздвижения в селе Тепенево Звенигородского уезда, где он родился в семье дьячка Сергея Стефанова»*. А фамилия у жениха Николая Дмитриевича пошла от его деда Стефана Дмитриевича, который *«получил фамилию в семинарии по церкви Воздвижения в селе Новом на Волге Клинского уезда, где он родился в семье дьячка Дмитрия Алексеева»*.

В семье потомков сохранилась фотография матушки Ольги Воздвиженской с детьми Сергеем, Иваном, Ольгой и Николаем (слева направо).

О зяте о. Сергия удалось найти информацию на сайте ПСТГУ. Там сообщается, что иерей Николай Дмитриевич Воздвиженский родился в 1864 г. на *«пogосте Георгиевском на Ламе»* Волоколамского уезда. Его отец, священник Дмитрий Степанович, служил настоятелем в местном храме Георгия Победоносца. Учился Коля в Волоколамском училище, потом поступил в Вифанскую духовную семинарию, которую окончил по первому разряду. В 1885 г. был определён псаломщиком в Троицкую церковь с. Карачарово Московского уезда [14, С. 213 об]. Спустя год оказался на такой же должности в Троицком храме на Шаболовке. В 1891 г. был рукоположен в сан священника и направлен на служение в Никольскую церковь с. Голенищево Клинского уезда. Спустя десять лет был переведён на аналогичную должность в храм с. Троицкое-Кайнарджи Московского уезда. А в 1909 г. стал настоятелем Покровской церкви в с. Пехра-Покровское того же уезда. В этом храме о. Николай прослужил два десятилетия.

В феврале 1930 г. священник был арестован органами НКВД по обвинению в антисоветской агитации и помещён в Бутырскую тюрьму Москвы. В архиве ГАРФ сохранилось следственное дело, копию которого предоставил исследователь С. О. Сибирев (за что ему отдельное спасибо). В деле отмечено, что при аресте священника в его доме производился обыск, но ничего не было изъято.

Помимо Николая Дмитриевича были арестованы ещё два человека. Арестованным ставилось в вину, что агитировали против советской власти, призывали не сдавать хлеб. Воздвиженский отрицал эти обвинения. В деле приведены дополнительные сведения. Говорится, что в 1927/28 гг. на священника был наложен налог 81 рубль, а в 1929/30 он уже равнялся 752 рубля. Таких денег не было, и тогда он обратился за помощью в церковный совет при храме, в котором служил. Очевидно, в помощи было отказано. Со слов Воздвиженского написано: *«1 сентября 1929 г. я в церкви после богослужения заявил верующим, что ужоу от службы в церкви, т.к. Соввласть наложила на меня*

Фото 7. Матушка Ольга с детьми.

большой налог. Сан священника я не снял, и при других обстоятельствах службу в церкви не бросил бы» [53, С. 33]. Всех троих арестованных приговорили к ссылке на пять лет «в Северный край».

Как написано в книге Ровенского, заключённых отправили «этапом в Архангельскую область, затем на барже по Северной Двине до Котласа, далее 500 км пешим этапом через тайгу на север Коми АССР» [50, С. 18]. В итоге в дер. Климовка Усть-Цилемского района, которая расположена на Полярном круге у реки Печора, бывший священник прибыл больным. Там в декабре и скончался. Могила осталась неизвестной.

В 1992 г. иерей Николай Дмитриевич Воздвиженский был реабилитирован.

В семье Воздвиженских было девять детей: шесть дочерей и трое сыновей. Все они стали гражданами СССР, трудились на благо Родины. Многие из них прожили долгую жизнь, умерли во второй половине XX столетия. Родственники жили в Москве на ул. Большая Молчановка, в Калашном пер., на Кудринской пл. Среди внуков о. Сергия были преподаватель музыки (Евгения), учитель (Наталья), врач (Иван), служащие (Татьяна, Ольга, Таисия), работники предприятий (Николай, Сергей). Большинство обзавелись семьями, имели своих детей, внуков. В книге Г. В. Ровенского о каждом из детей приведены дополнительные сведения, рассказано об их семьях.

По информации, полученной от потомка Алексея Николаевича, род Сергия Холмогорова продолжается по линии его внука Ивана Николаевича Воздвиженского (1896–1961) и внучки Ольги Николаевны Воздвиженской (1905–1987).

В завершении хотелось бы с благодарностью отметить помощь, которую оказали в работе над настоящей статьёй исследователь Александр Николаевич Инюкин и правнук протоиерея Алексея Николаевича Воздвиженского.

Список использованной литературы и источников:

1. Благословения Святейшаго Синода // Московские епархиальные ведомости, 1873. – №16 прил., – С. 63.
2. В Истре перед войной (рассказ призывника Николая Матюхина) // Покровское–Рубцово – Москва, 2010. – С.214.
3. Высочайшая награды // Московские церковные ведомости, 1894. - № 12 оф. – С. 27.
4. Высочайшая награды. За службу по епархиальному ведомству // Церковные ведомости, 1905. - № 19. – С. 159.
5. Дело о притеснениях священника Вознесенской заштатнаго города Воскресенска церкви, делаемых местному диакону Семену Смирнову, 1881–1882 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 590. – Д. 42. – Л. 1.
6. Журналы Звенигородского уездного собрания по народному образованию, 1882–1884 // ЦГАМ. – Ф. 17. – Оп. 97. – Д. 539. – Л. 19.
7. Из Воскресенска. Письмо к издателям // Московские ведомости, 1869. - № 159. – С.3.
8. Именные и перечневые ведомости . . . за 1844–1845 учебный год // ЦГАМ. – Ф. 427. – Оп. 1. – Д. 891. – Л. 108.
9. Исповедные ведомости Дмитровского уезда за 1743 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 747. – Д. 89. – Л. 573.
10. Исповедные ведомости Дмитровского уезда за 1789 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 747. – Д. 597. – Л. 815.
11. Исповедные ведомости церковей Звенигородского уезда, 1806 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 747. – Д. 801. – Л. 29.
12. Исповедные ведомости церковей Звенигородского уезда, 1840 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 747. – Д. 1376. – Л. 63.
13. Исповедные ведомости церковей Звенигородского уезда, 1859 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 747. – Д. 1786. – Л. 184.
14. Клировые ведомости Московского уезда, 1916 // ЦГАМ. – Ф. 1371. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 213 об.
15. Клировые ведомости Рузского уезда, 1798 и 1799 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 744. – Д. 1528. – Л. 4 об.
16. Клировые ведомости церковей Звенигородского и Клинского уездов, 1842 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 744. – Д. 2156. – Л. 302 об.
17. Клировые ведомости церковей Звенигородского уезда, 1839–1857 // ЦГАМ. – Ф. 608. – Оп. 2. – Д. 1334. – Л. 29.
18. Клировые ведомости церковей Звенигородского уезда, 1860–1868 // ЦГАМ. – Ф. 608. – Оп. 2. – Д. 1453. – Л. 15 об.
19. Клировые ведомости церковей Звенигородского уезда, 5–й округ, 1916 // ЦГАМ. – Ф. 1371. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 31 об.
20. Метрические книги Вознесенской церкви г. Воскресенска, 1866–1870 // ЦГАМ. – Ф. 608. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 174 об.

21. Метрические книги, Звенигородский уезд, Крестовоздвиженская церковь с. Тепленово, 1794–1827 // ЦГАМ. – Ф. 608. – Оп. 4. – Д. 14. – Л. 66.
22. Метрические книги Москва Сретенский сорок Церковь Воскресенская в Екатерининском богаделенном доме, 1886–1887 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 776. – Д. 247. – Л. 91 об.
23. Метрические книги Московской губернии, 1871 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 728. – Л. 110 об.
24. Метрические книги Московской губернии, 1873 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 737. – Л. 39 об.
25. Метрические книги Московской губернии, 1884 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 826. – Л. 263 об.
26. Метрические книги Московской губернии, 1905 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 3316. – Л. 321 об.
27. Метрические книги церковей Дмитровского уезда, 1834 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 745. – Д. 1393. – Л. 557 об.
28. Метрические книги церковей Звенигородского уезда, 1859 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 745. – Д. 2060. – Л. 493 об.
29. Настольный докладной реестр по 3 столу, 1 экспедиции МДК, 1869 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 744. – Д. 1239. — Л. 421 об.
30. Носиков, С. П. История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви. – Москва : Сам Полиграфист, 2023. – С. 322.
31. Носиков С. П. История села Брыково и Богоявленской церкви (по материалам архивных исследований) – Москва : Сам Полиграфист, 2024. – С.347–348.
32. О кружке, поставленной без разрешения начальства в часовне заштатного города Воскресенска и о взятии священником Сергеем Холмогоровым на проезд в Москву церковных денег 6 руб., 1860–1861 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 648. – Д. 241. – Л. 2.
33. О нетрезвости на причетнической вакансии диакона Вознесенской церкви г. Воскресенска Семёна Смирнова, 1880 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 589. – Д. 33. – Л. 1 об.
34. О приходских училищах, находящихся при церквях по Московской епархии за май месяц, 1865 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 320. – Д. 12. – Л. 42 об.
35. О сборе денег на воспоменение духовенству за 1872 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 522. – Д. 10. – Л.123.
36. Об открытии Елисаветинского комитета в г. Воскресенске при Вознесенской церкви, 1893–1917 // ЦГАМ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 55. – Л.2.
37. Об устройстве кирпичного завода в г. Воскресенске, 1904 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 688. – Д. 139. – Л. 7.
38. От Совета Братства Св. равноапостольной Марии Магдалины // Московские церковные ведомости, 1892, № 35 оф, – С. 192.
39. Отправка священника г. Воскресенска Холмогорова в Данилов монастырь за невнимательное обращение со святыми дарами, 1860 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 289. – Д. 29. – Л. 2.
40. Отчёт благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1901–1902 г. Год Шестой. – Москва, 1902. – С.20.

41. Отчёт Звенигородского–Саввинского отделения Кирилло–Мефодиевского братства с 1910 по 1911 г. (Шестнадцатый год деятельности). – Звенигород, 1911. – С. 18.
42. Отчёт о состоянии церк.–прих. школ Московской Епархии в учебно–воспитательном отношении в 1902–1903 учебном году // Московские церковные ведомости, 1903, № 47 оф. – С. 92.
43. Оценочные ведомости и описание владений по гор. Воскресенску для уравнильной раскладки казенных повинностей, 1889 // ЦГАМ. – Ф. 184. – Оп. 9. – Д. 336. — Л. 315.
44. План города Воскресенска, 1912 // ЦГАМ. – Ф. 54. – Оп. 182. – Д. 28. – Л. 1.
45. Протоиерей Михаил Кузьмич Холмогоров, 1933 / Моя Третьяковка // Третьяковская галерея : офиц. сайт. URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8350> (дата обращения 06.11.2024).
46. Протоиерей С. И. Холмогоров. (Некролог) // Московские церковные ведомости, 1906. - № 2. – С. 23–24.
47. Ревизские сказки церковнослужителей и их семей Московской епархии, 1795 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 746. – Д. 489. – Л. 709.
48. Реестр входящих бумаг по Звенигородскому Духовному Правлению, 1859 // ЦГАМ. – Ф. 608. – Оп. 2. – Д. 2499. – Л. 19.
49. Родословие Холмогоровых. 1740–1903. – Москва, 1914. – С. 7.
50. Ровенский, Г. В. Холмогоровы – родословная духовного сословия. – Фрязино : Клуб «Историк», 2013. – С. 99–110.
51. Сведения об утраченных церквях Истринского района в книгах Холмогоровых // Утраченный божий дом : сайт. URL: <https://istra-ltc.ru/book/svedeniya-ob-utrachennyh.htm> (дата обращения 05.11.2024).
52. Клировые ведомости церковей Звенигородского уезда, 1892 // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 744. – Д. 2504. – Л. 48 об.
53. Следственное дело. Алексат Николай Карлович, 1891 г. р.; Сулов Сергей Васильевич, 1887 г. р.; Воздвиженский Николай Дмитриевич, 1864 // ГАРО. – Ф. 10035. – Д. П–78696.
54. Состав дореволюционных благочиний Звенигородского и Рузского уездов // Утраченный божий дом : сайт. URL: <http://www.istra-ltc.ru/publication/sostav-dorevolucionnyh.htm> (дата обращения: 10.11.2024).
55. Список духовных лиц Московской епархии, кои согласно представлению Московскаго Епархиальнаго начальства, Святейшим Правительствующим Синодом удостоены награждения за службу по Епархиальному ведомству // Московские церковные ведомости, 1883. - № 11 оф. - С. 55.
56. Список лицам духовнаго звания, кои Святейшим Синодом удостоены награждения за заслуги . . . // Церковные ведомости, 1897. - № 18–19. – С. 198.
57. Токмаков, И. Ф. Историко–Статистическое и Археологическое описание Заштатного города Воскресенска и его окрестностей / И. Ф. Токмаков. – Москва, 1905. – С. 7.
58. У стен Нового Иерусалима. История города Воскресенска–Истры. – Москва : Лето, 2010. – С. 145.
59. Учётная карточка // Утраченный божий дом : сайт. URL: <http://www.istra-ltc.ru/people/holmogorov.htm> (дата обращения 05.11.2024).

В. Л. Новиков

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА ЗВЕНИГОРОДСКОГО КРАЯ (ЗВЕНИГОРОДСКИЙ, ИСТРИНСКИЙ, КРАСНОГОРСКИЙ ОКРУГА) И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА РЕГИОНА

Настоящее сокровище нашей страны – это её духовные основы и отечественная культура. Пожалуй, одно из первых мест в нашей культуре принадлежит русской литературе, а имена и произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова сопровождают и воздействуют на человека в течение всей его жизни. Как же сделать так, чтобы трансляция лучших литературных произведений была бы наиболее эффективным для наших современников?

Особенно это актуально для просветительских и воспитательных целей для нашей молодёжи, а средняя школа не всегда успевает привить любовь к нашей поэзии и прозе. Не последнюю роль в передаче этих ценностей играют литературное краеведение и культурно-познавательный туризм. Звенигородский край обладает в этом плане очень большим потенциалом. Стоит отметить, что Звенигородский край (в прошлом уезд) объединял довольно большую территорию (сейчас это – Одинцовский, Истринский и Красногорский округа).

На этой территории бывали очень многие поэты и писатели, а также многие другие деятели нашей культуры – художники и музыканты. Достаточно вспомнить здесь места, связанные с «Золотым веком» нашей литературы – с Александром Сергеевичем Пушкиным: Захарово, Большие Вязёмы, Звенигород и Саввино-Сторожевский монастырь, а с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым – Воскресенск (Истра) и Ново-Иерусалимский монастырь.

В 2021 г. автор данной работы совершил туристический поход (литературно-краеведческое путешествие) маршрутом из Звенигорода, через город Истру в подмосковный Красногорск. Это путешествие объединило в себе географию, литературные места, общение с жителями города по поводу литературы и их отношению к А.П. Чехову и поэтам «Серебряного века», в частности к философу русского символизма Андрею Белому.

О подобных путешествиях писал основоположник русской экскурсионной школы Иван Михайлович Гревс (1860–1941), который утверждал, что «Краеведение – более осёдлое экскурсиеведение, экскурсиеведение – более странствующее краеведение . . .» [8].

Замечательный ученик Ивана Михайловича – Николай Павлович Анциферов (1889–1958) – культуролог, музейный работник, краевед, в своих работах о путешествиях и экскурсиях говорил о «Душе города», что отразилось, в частности, в его книге «Душа Петербурга». В этом произведении учёный упоминает и Андрея Белого, выражающего «душу» северной столицы. Уместно вспомнить и высказывание ещё одного писателя, поэта, художника «Серебряного века» – Максимилиана Волошина, который сравнивал лесные

места Подмосковья с Иль-де-Франсом под Парижем: «В истории русской культуры Звенигородский уезд играл такую же большую роль. Приблизительно такую же, как во французской культуре окрестности Парижа. . . Я очень любил и чувствовал эти места, ещё не зная их исторического значения» [2].

Отношения М. Волошина с поэтами В. Брюсовым, К. Бальмонтом, А. Белым можно раскрыть, по-видимому, в отдельной работе.

Вернёмся к литературно-краеведческому путешествию по Звенигородскому уезду (от Антона Чехова к Андрею Белому), которое было совершено мной в 2021 году и продолженное далее, в последующие годы. Это путешествие было как поход по музею под открытым небом, а беседы с жителями городов напоминало мне работу журналиста. Более подробно об этом маршруте можно узнать в материалах Губайловских чтений, которые проходили в подмосковном Красногорске [3].

Маршрут начался с улицы Лермонтова в Звенигороде, далее мимо больницы, где жил и работал А.П. Чехов. На доме №10 на улице Лермонтова есть мемориальные доски, которые напоминают о прошлом. Правда, Чехов и его сподвижники были в Звенигороде ещё в 1881 году. К сожалению, уже не сохранилась липа, под тенью которой любил отдыхать писатель. Однако рядом уже растут две молодые липы, как продолжение старой. Далее путь через Звенигородский городок выведет нас на дорогу к Саввино-Сторожевскому монастырю, по которой, вероятно, «вели» Чехова и его друзей в монастырскую гостиницу за документами.

Фото 1. Памятная доска на лечебном корпусе Звенигородской больницы - 2024 год

Это было последствие недозволенных песен (по мнению полиции). Как известно, по следам этих событий Чеховым был написан рассказ «Унтер Пришибеев». Далее, на территории монастыря можно увидеть гостиницу, а комната писателя в ней сохранилась. Здесь, в монастыре, был намного позднее этих событий и Андрей Белый со своей женой. Интересно, что А. Белый говорил о А. П. Чехове как о символисте и о литературном значении его как именно символиста. Он писал о Чехове, например, сравнивая с Метерлинком:

«... Чехов ничего не объяснял: смотрел и видел. Его символы тоньше, прозрачнее, менее преднамеренны. Они вросли в жизнь, без остатка воплотились в реальном [1].

*Фото 2. Памятник Чехову на территории
Звенигородской больницы*

монастыря. К сожалению, усадьба Бабкино почти не сохранилась, но на её месте находится прекрасный отель «Вишнёвый сад». Мне удалось познакомиться с его гостеприимными хозяевами: чеховские традиции здесь явно присутствуют! Интересно, что в одной из статей мной были найдены некоторые «следы» чеховской «Чайки» в этих местах [4].

Действительно, такой вот творческий процесс, который происходит всю жизнь, а затем воплощается в конкретном произведении и «каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни» [7].

Перенесёмся теперь по Волоколамскому шоссе из милого Бабкино в удивительное Дедово (Дедово-Талызино): «литературную родину» Андрея Белого, как он сам писал об этом месте. Территориально усадьба находилась в семи километрах влево от шоссе, напротив

Далее путь ведёт нас к станции «Дютьково», и на электропоезде мы отправляемся в Истру, в бывший город Воскресенск Звенигородского уезда. Вспомним, что в Дютьково изначально был музей, посвящённый Чехову, Левитану и Танееву. А. П. Чехов здесь с композитором не встречался, но первый раз увидел его ещё в детстве в родном Таганроге, на концерте.

Во время этого путешествия не использовались электронные навигаторы, и это помогло неформально поговорить с жителями города о литературе, о Чехове. При этом общение с горожанами Истры было тёплым и заинтересованным, чувствовалось доброе и любящее отношение к писателю. В этом большая роль Истринской центральной библиотеки имени А. П. Чехова, а также театра города, музея здесь очевидна. Путь был продолжен к Чикинской больнице, где работал Антон Павлович. Здесь были встречи с жителями города, и даже споры с ними на литературные темы. Далее путь вёл в чеховское Бабкино, мимо красот Ново-Иерусалимского

Ленино-Снегирёвского музея. В музее представлен известный плакат «Родина-мать зовёт» Ираклия Тоидзе. Как известно, художник был поклонником поэзии Андрея Белого, а эти строки как раз из стихов поэта.

Сохранился пруд, но сама усадьба не сохранилась. Надо отметить, что молодые люди не знали о тех, кто жил здесь в то время. А вот старшее поколение всё же помнит! Усадьба эта принадлежала детской писательнице А. Г. Коваленской, бабушке символиста Сергея Соловьёва и сестре бабушки А. Блока. К счастью, здесь сохранился вышеупомянутый пруд, а его таинственность, несомненно, глубоко воздействовали на молодых поэтов Сергея Соловьёва и Бориса Бугаева (А. Белого). А «... в 1901 году, в мае месяце, меж двух экзаменов, был я крещён М. С. Соловьёвым в Андрея Белого», – писал об этих событиях сам писатель, поэт и философ русского символизма. Памятно для Андрея Белого и Аляхуво (писатель писал об этом в своих воспоминаниях, в том числе и об изучении тонкостей французского языка: символизм, как известно, пришёл к нам из Франции). Аляхуво находится недалеко от Звенигорода.

Вернёмся на Волоколамское шоссе и отправимся в Красногорск в усадьбу «Знаменское-Губайлово» – в колыбель русского символизма. По дороге нам встретиться Ново-Никольское, тогда принадлежащее Звенигородскому уезду, а сейчас это Красногорский округ. Здесь находилась (и до наших дней сохранилась) фабрика Поляковых.

Одним из них был Сергей Александрович Поляков, меценат, поэт и переводчик, который финансировал издательство «Скорпион», выпускал символистский журнал «Весы». В гостях у него были поэты «Серебряного века»: Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Юргис Балтрушайтис, Андрей Белый. Интересно, что в этом издательстве в альманахе «Северные цветы» был напечатан рассказ А. П. Чехова. Андрей Белый писал о Чехове в альманахе «Весы», а также в «Весах» печатался его роман «Серебряный голубь». Знаменское-Губайлово находится в центре Красногорска, и это уже Московский уезд. Несомненно, те события, которые здесь происходили с литературной точки зрения, достойны отдельной статьи или даже книги. Много можно узнать из книг-воспоминаний Андрея Белого. Несомненно, Знаменское-Губайлово достойно того, чтобы стать настоящей литературной усадьбой, уникальным музеем под открытым небом, со своей интересной экспозицией, наряду с другими литературными музеями.

Несколько слов о литературном краеведении вообще и его приложении к рассматриваемой территории Звенигородского уезда, а также о памятных литературных местах этого региона.

Интересно, что любой город может стать литературным «музеем под открытым небом» или «открытой книгой». Если посмотреть на карту Звенигорода, Истры или Красногорска, то можно увидеть улицы, посвящённые литераторам. Автор этой работы совершил литературно-краеведческое путешествие по улицам города Звенигорода с этой точки зрения. Туристическое путешествие по Звенигороду (без экскурсии) можно было бы назвать

«А. П. Чехов вне времени и пространства». Подробности такого туристического маршрута были озвучены на 4-х Губайловских чтениях, которые состоялись в городе Красногорске в Центральной библиотеке в прошлом году.

В Звенигороде насчитывается около десятка «литературных» улиц. В Истре автор насчитал пока только две такие улицы, а в Красногорске, с учётом новых кварталов, около двадцати. Надо отметить, что литературная история этих мест может быть продолжена. Первым таким шагом может быть создание памятников литераторам на их улицах. Действительно, имя писателя или поэта строго зафиксировано на карте города и законодательно закреплено. Это уже исторический факт города.

Как воспитательный и туристический объект города может стать памятник литератору с его высказыванием или цитатой из его произведений. Таким образом, город становится как бы литературным музеем под открытым небом. Например, памятник А. П. Чехову может сопровождаться словами из его замечательной пьесы «Дядя Ваня»: «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Полагаю, что также необходим памятник Андрею Белому в Дедово-Талызино Истринского округа. Необходимы памятники символистам и в Красногорске, на территории Знаменского-Губайлово. Возможны, например, также памятники и персонажам пьес и рассказов А. П. Чехова. Примеры такие в других городах есть. Конечно, любое литературное произведение содержит в себе обобщающие черты выведенных характеров, но, как правило, всегда есть персонажи, от которых отталкивается автор произведения. Если взять пьесу Чехова «Три сестры», то эти «следы» в Звенигороде могут принадлежать семье Гамбурцевых-Марковых. В Воскресенске это – семья Маевских. Жители Таганрога могут, по-видимому, найти и свои прообразы героев пьесы. [5].

Хочется отметить ещё один аспект в литературном краеведении. Кроме изучения мест, где были и творили писатели и поэты, есть ещё и местный литературно-краеведческий аспект. Есть местные поэты и писатели (в основном старшее поколение), которые, как правило, собираются в литературные объединения – ЛИТО. Молодёжи здесь немного. Но именно ЛИТО могут помочь начинающим молодым поэтам, дать импульс к неформальному отношению к русской литературе. Роль библиотек, музеев, театров здесь огромна. Одним из направлений такой работы может быть распространение жанра авторской песни. Этот жанр, очевидно, наиболее доступен для многих людей, как в музыкальном, так и поэтическом аспектах. Конечно, не все станут Пушкиновыми или Лермонтовыми, или достигнут уровня поэзии Окуджавы, Визбора или Высоцкого, но приобщение к русской культуре, литературе, поэзии, несомненно, произойдёт, и произойдет неформально.

Интересно, что в 2023 году был юбилей В. Высоцкого - 85 лет со дня рождения (поэт родился в 1938 году). В 2024 году исполнилось 90 лет со дня рождения Ю. Визбора, а также 100 лет со дня рождения Б. Окуджавы (1924 год). Есть и другие памятные даты: в 1924 году

ушёл из жизни Валерий Брюсов – первый символист «Серебряного века» в нашей стране (но в этом же году родился Булат Окуджава), в 1934 году ушёл из жизни Андрей Белый, замечательный философ символизма (но в этом же году родился Юрий Визбор). Интересно, что авторская песня – это синтез и поэзии, и музыки, и театра, а Андрей Белый писал о синтезе искусств в одной из своих работ, говоря о будущем культуры и искусства.

К сожалению, в этом году ушёл из жизни замечательный поэт Дмитрий Сухарев (1930-2024), на стихи которого написаны многие авторские песни, в том числе и о Звенигороде, а в песне Юрия Визбора «Подмосковная» есть такие строки:

*Над седой рекой, речкой Истрою
Нам бродить с тобой допоздна.
Среднерусская, сердцу близкая,
Подмосковная сторона.*

Далее в песне упоминается и город Звенигород:

*За Звенигород тучи тянутся,
Под Подлипками льют дожди,
В проливных дождях тонут станции,
Ожидая нас впереди.*

По воспоминаниям краеведов все эти «поющие поэты» были на территории обширного Звенигородского края. По воспоминаниям замечательного краеведа-звенигородца Евгения Крапивянского в их доме бывал Юлий Ким, а однажды с ним приехал и Владимир Высоцкий. Многие из поэтов-бардов родились в тридцатые годы прошлого столетия, это дети войны, и многое пережитое ими отразилось в песнях. Авторская песня, это замечательное явление XX века, которое расцвело на рубеже 60-х годов, можно было бы назвать «Бриллиантовым веком» нашей поэзии: в атеистическом государстве поэты пели свои лучшие песни фактически о вечных ценностях – о Вере, Надежде, Любви. И это отдельная обширная тема для литературно-краеведческого исследования.

Вернёмся в век девятнадцатый. Интересно, что в Звенигородском уезде, недалеко от Воскресенска в имении Глебово жил артист Малого театра Константин Шиловский (1849-1893), написавший серенаду «Тигрёнок», которая «прописана» в чеховской «Чайке». Песня к 1882 году выдержала несколько изданий. Она, несомненно, звучала в кругу Антона Павловича Чехова. Как известно, этот художник, музыкант и поэт Константин Степанович Шиловский сотрудничал с великим композитором Петром Ильичом Чайковским, который творил в Глеbove.

Что касается пребывания Владимира Высоцкого в Истре, то это событие описывает писатель Юрий Сушко в своей книге «Владимир Высоцкий. По-над пропастью». Поэт и актёр

был занят в фильме Александра Столпера, который снимал натуру под Истрой для фильма «Живые и мёртвые». В перерывах между съёмками в местном клубе поэт пел свои песни и встречался со зрителями [6].

Хочется ещё раз отметить, что литературное краеведение, туристические походы, а также экскурсии по литературным местам нашего региона (в прошлом Звенигородского уезда) может принести много пользы не только в плане развития туристического бизнеса, но и раскроет творческий потенциал человека. Человека любого возраста, заинтересованного Отечественной Историей и Культурой, возможно, сделает для него город не только «раскрытой книгой» или «литературной энциклопедией», но осуществит главное: неформально приобщит к Великой русской Культуре и Литературе. И, что особенно важно, такой подход (на это очень надеется автор этой работы) обогатит уроки русской литературы в средней общеобразовательной школе, позволит не просто «пройти» школьный курс, а закрепить его глубоко в памяти учащихся, начиная с самого детства.

Список использованной литературы и источников:

1. Вesy. – 1904. – №8. – С. 1–9.
2. Волошин, М. «Средоточье всех путей...» / Максимилиан Волошин. – Москва : Московский рабочий, 1989. – С. 521.
3. Губайловские чтения. Материалы II научно-практической конференции, 12 ноября 2022 г. – Москва : ИТРК, 2022. – 144 с. – С. 77.
4. Памятники Отечества. Подмосковье / ред. С. Н. Разгонов, 1994. - №31 (1-2). – С. 113.
5. Смирнов, Ю. А. А. П. Чехов в Звенигороде / Ю. А. Смирнов, З. М. Смирнова. – Москва : ИКАР, 2011. – С. 94.
6. Сушко, Ю. М. Владимир Высоцкий. По-над пропастью / Юрий Сушко. — Москва : Русь-Олимп : Астрель, 2011. – С. 128.
7. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. – Москва : Наука, 1974–1982. Том 9. – С. 279.
8. Экскурсии и культурное наследие. Русская экскурсионная школа / ГЦМСИР, Музейное дело. - №26. – Москва, 2001. – С. 19.

Л.Ю. Рожкова

ЖИТЕЛИ ВОСКРЕСЕНСКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

Небольшой и уютный Воскресенск сыграл важную роль в жизни и творчестве великого русского писателя Антона Павловича Чехова. По словам брата Михаила «как писателю Антону Павловичу нужны были впечатления, и он стал черпать их для своих сюжетов из той жизни, которая окружала его в Воскресенске: он вошёл в неё целиком».

В Воскресенске Чехов оказался благодаря своему брату Ивану Павловичу. Молодой педагог Иван Чехов заведовал частным приходским училищем, которое находилось в городе. В распоряжении Ивана Павловича была довольно просторная и хорошо обставленная казённая квартира. Для Чеховых, которые жили в Москве в очень стеснённых условиях, это было настоящим подарком судьбы. Они стали приезжать в Воскресенск на летний период. Но Чехов попал сюда не сразу. Первое время он бывал здесь только наездами. Антон Павлович учился на медицинском факультете Московского университета, занимался литературной деятельностью. Это отнимало у него много времени и сил. В 1883 году он впервые приехал в Воскресенск на целое лето, которое подарило ему массу впечатлений.

Фото 1. Воскресенск, ул. 1-я Клинская

Особенно Чехову полюбились ежедневные прогулки по живописным окрестностям тёплыми летними вечерами. Гуляли большими компаниями, вели оживлённые беседы, много шутили и смеялись. В городе было несколько семей, с которыми Чеховы постоянно общались. Но особенно часто они проводили время в семье полковника Болеслава Игнатьевича Маевского, командира артиллерийской батареи, стоявшей в Воскресенске. Маевский был выпускником Константиновского артиллерийского училища, участником русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Когда Чехов приехал в Воскресенск, батарея только что вернулась с Балкан, где прошла тяжёлый боевой путь в ходе войны за освобождение Болгарии. Под Плевней батарея сражалась в соединениях прославленного генерала М. Д. Скобелева, затем в составе отряда генерала В. И. Гурко участвовала в кровопролитных боях при Ловче. За мужество и храбрость,

Фото 2. Болеслав Игнатьевич Маевский

проявленные в боях, Болеслав Маевский получил высокие боевые награды. Дом полковника Маевского был центром культурной жизни города. Он был открыт для городской интеллигенции, для учителей и земских врачей. Сюда приглашались барышни из дворянских семей, из мещанских сословий. Разумеется, всегда было много офицеров. Семья Маевских была удивительно гостеприимной. В их доме обсуждались последние новости и литературные произведения, звучали песни и романсы под гитару, устраивались розыгрыши, танцы и ставились любительские спектакли. Известно, что сестра Чехова, Мария Павловна, была их активной участницей.

У полковника Маевского были очаровательные дети - Аня, Сонечка и Алёша, с которыми Чехов очень сдружился и описал их в рассказе «Детвора». Причём писатель даже сохранил в нём настоящие имена ребят. Известен и такой случай из воскресенской жизни. Однажды тяжело заболела старшая дочь Маевских Анна. Вылечить её смог не кто иной, как доктор Чехов, только что получивший диплом врача. В благодарность за исцеление дочери Болеслав Игнатьевич подарил Чехову портрет Ани, написанный братом писателя Николаем Чеховым. В наши дни этот портрет украшает стену Чеховского музея на Садово-Кудринской улице в Москве.

Несмотря на приличную разницу в возрасте, между начинающим писателем и закалённым боевым офицером установились тёплые, дружеские отношения. Конечно, не последнюю роль сыграли образованность и начитанность Болеслава Игнатьевича, а также отношение полковника к своим подчинённым. О дружбе Чехова и Маевского свидетельствует их личная переписка.

Знакомство с Маевским и другими офицерами батареи помогло писателю ближе узнать жизнь и быт военных в провинциальном захолустье. Эти впечатления легли в основу изображения военных реалий в рассказе «Поцелуй» и очень помогли в работе над пьесой «Три сестры».

По мнению исследователей творчества Чехова, жизненный материал для «Трёх сестёр» дала обстановка Воскресенска, а Болеслав Игнатьевич Маевский стал прообразом одного из героев пьесы подполковника Александра Вершинина. Маевского и Вершинина роднит многое: образованность и трудолюбие, прогрессивные взгляды, решительность и энергичность. Вершинин в пьесе «Три сестры» предстаёт перед читателями не совсем типичным для того времени военным - таковым был и Болеслав Игнатьевич Маевский. Добрые, приятельские отношения с семьёй Маевских Антон Павлович поддерживал долгие годы.

Поручик батареи Евграф Петрович Егоров на короткое время стал одним из ближайших друзей братьев Чеховых. В раннем чеховском рассказе «Зелёная коса» он был описан в шуточной манере и под своим собственным именем. Исследователи видят черты Егорова в двух совершенно разных героях «Трёх сестёр» - Солёном и Тузенбахе. Мария Павловна Чехова хранила в своем архиве фотографию Егорова с надписью: «Мой первый жених». История его сватовства к Маше Чеховой до странности напоминает многие коллизии из рассказов её брата. Внешне ничем не проявляя интереса к девушке, Егоров неожиданно прислал ей письмо с предложением стать его женой. Он писал «...Давно я Вас знаю, давно родилась у меня эта мысль, и прежде, чем решиться на такой страшный шаг в жизни, пришлось подумать немало» [1, С. 183].

Маша отдала письмо Антону Павловичу, и он поговорил с претендентом на руку сестры. В 1884 году Чеховы начали искать новую квартиру в Воскресенске. Е. П. Егоров предложил им занять свои четыре комнаты со всей обстановкой и обещал предоставить в их распоряжение денщика и кухарку. Чехов послал аванс за квартиру и поехал посмотреть комнаты. Вид сундуков и шкафов, не только запертых, но и снабжённых печатями хозяина, шокировал его настолько, что ни о квартире, ни о продолжении приятельских отношений речи быть не могло. Позднее Егоров служил земским начальником в одном из самых дальних уголков Нижегородской губернии. Во время неурожая и голода Антон Павлович помог ему в сборе средств для голодающих.

В творчестве Чехова можно найти и образы, связанные с Воскресенским монастырём. В рассказе «Княгиня» говорится о том, как некая светская дама (в которой угадывается вла-

делица имения Горки, недалеко от Воскресенска, Вера Николаевна Лобанова-Ростовская, урождённая Долгорукова) приезжает в мужской монастырь, постоянно требует к себе внимание настоятеля и отвлекает его от дел. В настоятеле с военной выправкой угадывается архимандрит Вениамин (Поздняков), возглавлявший Ново-Иерусалимский монастырь с 1877-го по 1890 г. Известный православный писатель XIX века Н.С. Голицын писал о нём: «Во время Крымской войны, будучи служащим иеромонахом на Черноморском флоте, он находился при осаде Севастополя, под огнём неприятеля напутствовал раненых адмиралов, генералов, офицеров и солдат наших, даже выносил раненых из-под выстрелов и был удостоен за то пожалованием наперсного креста на Георгиевской ленте» [1, С. 186].

Фото 3. г. Воскресенск, церковь Вознесения и Управа

В Воскресенске Чехов познакомился с писателем и историком Павлом Дмитриевичем Голохвастовым, автором работ о Смутном времени. Человек большого ума и энциклопедических знаний, он был чрезвычайно интересным собеседником. Антон Павлович с удовольствием проводил время в его обществе. Брат писателя, Михаил Чехов, описывал его так: «Это был высокий чернородый и черноволосый человек с седой прядью от лба до затылка, ходивший вразвалку и низко опустив голову на грудь. Язык у него был архаический: он писал и разговаривал на языке древних летописей и сам придумывал слова, которые были так громоздки... С ним было очень интересно поговорить, т.к. он держал себя чрезвычайно просто и поражал своей эрудицией». Павел Дмитриевич Голохвастов, с его занятиями литературой и русской историей натолкнул Чехова на мысль о диссертации на тему «Врачебное дело в

России». В архиве писателя сохранились заметки по этому поводу. Чехов пользовался библиотекой Голохвастовых, делал выписки из опубликованного Дмитрием Павловичем «Домостроя».

Голохвастов служил мировым судьёй Звенигородского уезда и жил в городе. В Воскресенске на Крестовской улице ему принадлежала довольно большая усадьба - 42 сотки земли с двумя домами, большим садом и огородом. Владелец жил в двухэтажном доме, а дом поменьше, одноэтажный он сдавал в аренду [1, С. 177]. Павел Дмитриевич был широко известным публицистом и филологом, работал в различных журналах. В одном из воскресенских писем Чехов писал: «Бываю в камере мирового судьи Голохвастова - известного сотрудника «Руси». Павел Дмитриевич приглашал писателя и в своё родовое гнездо - в Покровское-Рубцово.

Фото 4. Павел Григорьевич Архангельский

В Воскресенске Чехов познакомился с Павлом Арсеньевичем Архангельским, заведующим Воскресенской земской лечебницей. Это был один из выдающихся устроителей земской медицины в Московской губернии. Слава его как терапевта была настолько велика, что к нему съезжались на практику и студенты-медики, и молодые врачи.

«Милейший человек и прекрасный врач», - так отзывался об Архангельском великий писатель. Чехов и Архангельский очень сдружились, и Павел Арсеньевич вскоре стал руководителем врачебной практики студента Антона Чехова. А в 1884 году, после окончания университета Чехов получает диплом врача и начинает работать в Воскресенской земской лечебнице, которую местные жители ещё называли Чикинской больницей. Больница была построена на участке, где когда-то находилась фабрика купца Чикина.

Павел Арсеньевич был добрым, общительным человеком и с удовольствием собирал у себя дома по вечерам медицинскую молодёжь. На этих вечерах обсуждались литературные новинки, здесь царил дух разночинцев 60-х годов, ещё сохранившейся в медицинской среде. Обсуждали творчество Салтыкова—Щедринина, запоем читали Тургенева, декламировали стихи Некрасова, пели хором народные песни. Эти вечера Антон Павлович всегда вспоминал с особой теплотой. Именно благодаря работе в больнице писатель познакомился с нелёгкой судьбой земских врачей, тяжёлыми условиями их врачебной деятельности. Эта работа не только обогатила Чехова большим жизненным опытом, но и дала новый импульс его творче-

ству. Благодаря врачебной практике и точным жизненным наблюдениям, появились на свет такие замечательные рассказы как «Хирургия», «Беглец», «Неприятность» и другие.

Любопытна история, случившаяся однажды в Чикинской больнице и ставшая, по утверждению Михаила Павловича Чехова, сюжетом знаменитой «Хирургии». Однажды в лечебницу пришёл на приём больной с зубной болезнью. Доктор Архангельский был занят с другим, более серьёзным пациентом, и поручил студенту-практиканту вырвать у больного зуб. Неопытный студент наложил щипцы и после некоторых истязаний вырвал у пациента вместо больного здоровый зуб. Вырвал и сам испугался. «Ничего, ничего, - шутиливо одобрил его Архангельский, - рви здоровые, авось до больного доберёшься!». Студент стал рвать больной зуб и сломал на нём коронку. Пациент выругался и ушёл. Как видно, медицинская практика стала и писательской практикой Антона Павловича Чехова [2, С. 9-10].

В Воскресенске Чехов познакомился со множеством людей разнообразнейших званий и профессий. Перед ним открылся целый новый мир – жизнь крестьян, земских врачей, помещиков, чиновников, учителей, офицеров. Он жадно изучал, исследовал действительность, все происходящее вокруг было интересно для его пытливого ума. В письмах к друзьям и знакомым Чехов делился подробностями жизни в Воскресенске: «Каждый вечер гуляю по окрестностям в компании. . . . Вечером же хожу на почту к Андрею Егорычу получать газеты и письма, причём копаюсь в корреспонденции и читаю адреса с усердием любопытного бездельника. Андрей Егорыч дал мне тему для рассказа «Экзамен на чин». Утром заходит за мной местный старожил, дед Прокудин, отчаянный рыболов. Я надеваю большие сапоги и иду куда-нибудь в Раменское или Рубцовское покушаться на жизнь окуней, голавлей и линей».

г. Воскресенскъ. Видъ на городъ.

Фото 5. г. Воскресенск, вид на город

В Воскресенске семья Чеховых «жила на книжку», то есть приобретала продукты и другие необходимые товары в долг. В то время это была довольно распространённая форма торговли, так как многие покупатели были небогаты. Чеховы покупали молоко у Карелиных, которые жили на 2-ой Клинской улице. Мария Ильинична Карелина держала корову, к ней и ходили за вкусным и недорогим молоком Чеховы. Маршрут их пролегал по безымянному тогда переулку, который сейчас называется Чеховским.

Антон Павлович всегда легко находил контакт с детьми. Он любил детей, а дети любили его. Поэтому неудивительно, что в Воскресенске Чехов подружился с Ваней Бабакиным – мальчишкой из бедной семьи, о котором писатель заботился и которого опекал. Иван исполнял некоторые поручения Антона Павловича, связанные с журналистской работой. Одно время он жил в Москве в семье Чеховых. Именно Чехов помог Ване с устройством служащим в контору журнала «Москва», а затем в амбар купца Гаврилова, где уже служил счетоводом отец писателя.

В последний раз Антон Павлович побывал здесь в 1903 году. Чехов с грустью отзывался о городке своей жизнерадостной писательской юности: «он всё такой же скучный и приятный». Во время посещения Воскресенска Чехов нашёл «одно чудесное местечко за церковью на высоком берегу, со спуском к реке, со своим собственным берегом и с чудесным видом на монастырь... но я не купил и не куплю, так как цены в Воскресенске теперь необычайные...».

Вернуться в эти дорогие сердцу места Чехову было не суждено. Прошло немало лет, сотни людей приезжают в наш прекрасный город, чтобы почувствовать особую атмосферу этих мест, неразрывно связанных с именем великого писателя.

Список использованной литературы и источников:

1. У стен Нового Иерусалима: история города Воскресенска – Истры / М. А. Крючкова, Л. Г. Невзорова, Н. И. Сафонова и др.: отв. ред. Н. А. Абакумова. – Москва : Лето, 2010. – 432 с.
2. Мамаев, С. Ю. Павел Архангельский – устроитель Воскресенской земской лечебницы / С. Ю. Мамаев // Истра.РФ. – 2022. – №3(56). – С. 9-10.

М.В. Мосалёв

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГОРОДЕ ВОСКРЕСЕНСКЕ В КОНЦЕ 19 И В НАЧАЛЕ 20 ВЕКОВ

В конце 19 века жизнь в городе Воскресенске протекала размеренно и спокойно. По данным переписи 1897 года в городе проживали 2289 человек – 1100 мужчин и 1189 женщин, из них только 261 человек были не местными, то есть родились в других населённых пунктах.

Если посмотреть на эти цифры с точки зрения социального статуса, то можно сказать, что жили в Воскресенске 51 потомственный и личный дворянин, 39 купцов и 20 человек духовного сословия, 1062 мещанина и 1045 крестьян. Половина городского населения – 50,9% - была неграмотной.

Многие воскресенцы занимались земледелием – примерно 400 человек, 104 человека трудились на обработке металла, 87 горожан торговали продуктами, 87 человек были заняты в богослужении, 133 человека шили одежду, 88 человек работали в качестве обслуживающего персонала в трактирах, гостиницах и мебелированных комнатах.

По данным, приведённым в книге «Истринская земля», в 1911 году в Воскресенске насчитывалось 358 жилых строений, из них 19 каменных, 33 каменно-деревянных и порядка 300 – деревянных. В городе были две площади, 15 улиц и переулков, на которых стояли 103 фонаря уличного освещения [2].

В конце 19 века Воскресенском руководила городская управа, состоящая из городских уполномоченных. Членами управы были почётный гражданин города Воскресенска Иван Иванович Александровский и мещанин Сергей Александрович Чудаков. Секретарём управы числился дворянин Георгий Адамович Новицкий, бухгалтером управы был Егор Иванович Александровский, сын почётного гражданина Александровского.

По архивным материалам, представленным сотрудникам Истринской центральной библиотеки имени А. П. Чехова краеведом Сергеем Павловичем Носиковым, практические все документы о хозяйственной деятельности Воскресенска подписывал в 1899–1901 годах Иван Иванович Александровский, назначенный Собранием городских уполномоченных городским старостой.

Хозяйственная жизнь Воскресенска состояла из тех же задач и проблем, которые есть и в повседневной деятельности нынешнего города под названием Истра.

Возьмём дороги. В конце 19 века «чугунка», как именовали в ту пору железную дорогу, ещё не дотянулась до Воскресенска, и приезжающие путешественники и паломники в основном добирались до нашего города от станции «Крюково».

Фото 1. План города Воскресенска в 1830 году

Дорога протяжённостью в 21 километр была непростой. Вот как её описал Антон Павлович Чехов в письме своему брату Михаилу Чехову 10 мая 1885 года из Бабкино:

«Миша-терентиша! Наконец тяжёлые боты сняты, руки не воняют рыбой, и я могу написать письмо. Сейчас 6 часов утра. Наши спят... Тишина необычайная... Попискивают только птицы, да скребёт что-то за боюми. <...> Доехали мы по меньшей мере мерзко. На станции наняли двух каких-то клякс Андрея и Панохтея по 3 целкача на рыло. (Почтовые брали по 6 р. за тройку.) Кляксы всё время везли нас возмутительнейшим шагом. Пока доехали до бебулой церкви, так слюной истекли. В Еремееве кормили. От Еремеева до города ехали часа 4 - до того была мерзка дорога. Я больше половины пути протелепался пешедралом. Через реку переправились под Никулиным, около Чикина. Я, поехавший вперёд (дело было уже ночью), чуть не утонул и выкупался, Мать и Марью пришлось переправлять на лодке. Можешь же представить, сколько было визга, железнодорожного шипенья и других выражений бабьего ужаса! В Киселёвском лесу у ямщиков порвался какой-то тяж... Ожидание... И так далее, одним словом, когда мы доплелись до Бабкина, то был уже час ночи...» [25].

Местные власти, имеются в виду власти Звенигородского уезда, знали о состоянии дороги от станции «Крюково» до Воскресенска и предпринимали все меры для того, чтобы её отремонтировать. Даже уездный исправник решил заняться этой проблемой. Вот донесение Его превосходительству Московскому губернатору от Звенигородского уездного исправника от 25 июня 1899 года:

«... Дороги и мосты между Воскресенском и станцией «Крюково» Николаевской железной дороги находятся в крайне дурном состоянии, и об исправлении таковых сообщалось Звенигородской земской управе 22 апреля и 15 мая сего года. Но Управою до настоящего времени к исправлению дороги и мостов не преступлено» [24].

11 октября. Звенигородский уездный исправник подаёт новый рапорт Московскому губернатору:

«... Доношу Вашему превосходительству, что к исправлению земской дороги, идущей от г. Воскресенска к станции «Крюково» до сего времени не преступлено, отремонтирован только мост около села Голубева» [23].

23 октября. Ответ Уездной земской управы №2896 на запрос губернатора о состоянии дороги:

«... Вследствие предложения Вашего превосходительства от 12 октября 1899 года за №2831 Уездная управа имеет честь представить, что произведённые работы по Воскресенско-Крюковскому (наверное, тракту) заключались в исправлении подъездов ко всем мостам, завалкою хворостом и землёю образовавшихся выбоин около них, и в ремонте самих мостов как около села Голубева, так и в других, которые требовали ремонта.

Однако привести в исправное состояние полотно этой дороги, которая в виду почти непрерывно продолжающихся от конца июля до сего времени дождей обратилась в жидкую массу, не представляется никакой возможности» [22].

26 ноября. Новый рапорт Звенигородского уездного исправника Московскому губернатору:

«... Отдача ремонта подрядчику не привела к удачному результату, так как Управе пришлось уже 1 июня нанять рабочих на счёт подрядчика...» [4].

Заметьте, на календаре 26 ноября. Далее, в том же докладе исправник сообщает, что уездная земская управа ещё 18 августа того же года доложила ему, что необходимый ремонт произведён. Есть в том послании земских чиновников и строчки о том, что «... если на дороге будут неисправности, то они будут устранены».

Тем не менее, на дворе конец ноября, скоро зима, а дорога продолжает находиться в неисправном состоянии. И дело не в деньгах. В 1899 году на ремонт коммуникации выделены 200 рублей – большие деньги по тем временам, а израсходованы 148 рублей 25 копеек. На ремонт мостов и труб выделено ещё 260 рублей, а израсходованы лишь 33 рубля [1]. Чего же тогда не хватило, чтобы сделать нормальный ремонт дороги? Рабочих, воли земских чиновников или действительно делу помешали дожди?

В итоге Московский губернатор отдал распоряжение докладывать лично ему о «... последовательности хода предстоящих работ».

Наметился сбой в дорожном строительстве и в самом Воскресенске. 8 апреля 1899 года городской староста Иван Иванович Александровский доложил собранию городских уполномоченных Воскресенска о том, что 28 апреля прошлого 1898 года собрание городских уполномоченных выслушало заявление городского уполномоченного Ивана Никитича Бочарова об устройстве мостовой в городе по дороге, идущей от торговой площади вниз, к реке Истре на деревню Сычёвки.

В то время собрание признало желательным устройство мостовой и поручило городскому уполномоченному Ивану Бочарову, и ещё одному городскому уполномоченному Дмитрию Морозову составить «... приблизительную смету, сумму, потребную на сей предмет. (Мы сохраняем стилистику того времени). Но смета названными лицами своевременно составлена не была, а затем Морозов и Бочаров из состава уполномоченных выбыли».

Посему городской староста Александровский предложил настоящему собранию определиться, действительно ли необходима в данной местности мостовая, и если да, то кому именно будет поручено составление сметы на предлагаемую мостовую.

В итоге собрание постановило поручить городскому старосте пригласить сведущее лицо и при его участии составить смету стоимости мостовой, о которой и доложить собранию [13].

И ведь составили, и построили. Остатки этой булыжной мостовой ещё можно обнаружить по краям дороги, идущей от площади Революции к реке Истре и далее к деревне Сычёвки, давно вошедшей в состав города Истра.

Реку от города отделяет обрывистый берег. Добраться до воды крайне затруднительно, особенно в распутицу и в гололёд. Растущему городу не хватало живительной влаги. И 11 мая 1899 года в городском собрании решался вопрос о водоснабжении.

В документе того времени написано следующее: «... в виду недостатка в городе Воскресенске воды и отдалённости большинства домов обывателей от реки Истры, спуск к которой крайне затруднителен по крутизне и недоустройству сходов, в особенности в зимнее и осеннее время, и во время гололедицы, жители Воскресенска просят господина городского старосту вопросы водоснабжения города внести на разрешение первоочередного собрания и просят ходатайствовать об устройстве трёх колодцев в местах, отдалённых от реки, равно и об устройстве сходов к реке».

Собрание постановило собрать к следующему заседанию сведения относительно устройства на городских улицах как простых, так и артезианских колодцев, а также – удобных сходов к реке Истре собранию [6].

Колодцы и спуски были сделаны, а через несколько лет в Воскресенске появился водопровод, почти в канун Октябрьской революции. Но этому событию предшествовал целый ряд заседаний городского собрания. Например, 18 февраля 1904 года «... читано заявле-

ние и сметы членов комиссии по устройству в городе водоснабжения уполномоченных господ Макарова и Зантогина, а также их соображения по поводу устройства водоснабжения в городе Воскресенске.

Постановили: вопрос о водоснабжении оставить открытым» [9].

17 июня 1908 года собрание городских уполномоченных – 15 прибывших на заседание лиц – читает заявление домовладельца Аристарха Михайловича Сергеева, предлагающего «... безвозмездно, свой труд и практические познания по устройству городского водопровода.

Постановили: заявление господина Сергеева принять к сведению и поручить городскому управлению при содействии сведущих лиц выработать проект водоснабжения города и представить таковой на рассмотрение городского собрания».

Наконец, 20 июля 1915 года появляется на свет отношение №2413 Московской земской управы «... о разрешении выдачи городскому правлению г. Воскресенска 3750 рублей при условии представления поручительства Звенигородского земства и выдачи ссуды из страхового капитала 11250 рублей на 10 лет под 4% годовых с погашением таковой, начиная с 1916 года...». То есть воскресенцы своего добились, деньги на сооружение водопровода получены и настало время заняться его прокладкой. Что и было сделано.

К сказанному добавим, что в эти годы ещё ряд горожан, кроме господина Аристарха Сергеева, обращался в собрание городских уполномоченных по поводу устройства колодца на своей улице или насоса для подъёма воды, то никому в этих прошениях городские уполномоченные не отказывали.

В 1901 году к Воскресенску подошла железная дорога. Но ещё за два года до этого события, 8 апреля 1899 года собрание городских уполномоченных слушало доклад городского старосты Ивана Александровского «... об устройстве близ города Воскресенска на линии строящейся Московско-Виндавской железной дороги остановочной платформы против города в местности, находящейся на грунтовом тракте дороги, идущей от Звенигорода в Воскресенск.

Собрание, обсудив этот вопрос, постановило предложить торговцам города принять на себя издержки по устройству платформы» [14].

Торговцы должны прийти в собрание и расписаться под постановлением, но далее, как следует из других документов, торговцы свои подписи под документом поставили, однако деньги на строительство платформы выделять не торопились.

Тогда городской староста Иван Александровский возбудил ходатайство перед Московским губернатором о помощи в финансировании намеченной стройки. Ну и вдобавок «... за случившуюся вырубку леса, за занятие хороших покосов и вообще за отчуждение земли площадью 1430 квадратных сажень».

Дело сдвинулось с места не сразу, но всё-таки воскресенцы своего добились. 20 июня 1908 года Звенигородская уездная оценочная комиссия выдала на-гора постановление о

Фото 2. Станция города Воскресенска

переоценке земельных владений города Воскресенска. Согласно данным этого ведомства, прошедшая рядом с Воскресенском «чугунка» заняла у города земли на 16332 рубля 30 копеек. Это очень большие деньги. Ну и молодец Иван Иванович Александровский и всё возглавляемое им собрание городских уполномоченных! Всё для блага родного города. Каждая копеечка в кассу [5].

Интересно отчитывалось городское собрание по расходованию финансов. Вот данные за 1899 год. Всего расходов за год 12089 рублей 94 копейки. Доходов получено 12089 рублей 94 копейки.

Городской староста Иван Александровский сообщает в отчёте следующее: «... что на основании примечаний в статье 64 Городского положения от 1892 года и пункта 26 инструкции, утверждённой Господином Министром внутренних дел, представил собранию предварительно рассмотренный членами подготовительной ревизионной комиссии сметы городских доходов и расходов, и пояснил, что долгов у Воскресенска не имеется никаких, нет у города займов, ссуд и пособий, поступивших из сторонних источников.

Члены комиссии нашли означенные росписи составленными правильно, доходы и расходы признали определёнными согласно закона» [3].

Фото 3. Елеонская часовня

Хорошо помогали Воскресенску состоятельные горожане. От имени известного предпринимателя и мецената Павла Григорьевича Цурикова на содержание в 1900 году городского приходского училища поступили 534 рубля 60 копеек; от имени М.И. Крашенинникова на бедных граждан поступили 1800 рублей; от имени Е.А. Акатьевой на бедных граждан даны 260 рублей 20 копеек.

Но на меценатов надейся, а сам не плошай. 27 мая 1899 года городские уполномоченные заслушали доклад городского старосты господина Ивана Александровского о том, что к нему обратились с заявлением «... торговцы мясом города Воскресенска Звягин, Щербиков, Бутылин и другие с просьбой устроить городскую общественную скотобойню».

Заслушав заявление торговцев мясом, городские уполномоченные постановили составить план скотобойни, соответствующий обязательным постановлениям Московского губернского земства и представить его на утверждение Уездной земской управе. Если Земская управа даст разрешение на постройку, то сразу надо составить сметы на сооружение деревянной скотобойни или даже каменной. То есть воскресенским предпринимателям собрание городских уполномоченных сразу дало добро на расширение их деятельности [21].

А 15 ноября 1899 года в собрании городских уполномоченных «... Читаны заявления содержателей трактирного промысла г. Воскресенска, поступившие господину городскому старосте 25, 27 и 30 октября от воскресенских купцов Петра Ивановича Бородина, Венедикта Васильевича Зорина, Михаила Ивановича Зиновьева, Василия Александровича Карелина и Варвары Фёдоровны Берёзкиной, что они по примеру прошлых лет считают и в будущем, 1900 году, в принадлежащих им в Воскресенске домах открыть и содержать заведения трактирного промысла с продажей крепких напитков, о чём и доводят до сведения собрания на предмет постановления о продолжении их деятельности на основании статьи 18 Положения о трактирном промысле.

Постановили: разрешить вышеперечисленным лицам открыть в домах, им принадлежащих в Воскресенске, трактиры с продажей крепких напитков в 1900 году» [16].

Разрешение дано с условием, что только в срок с 1 января по 1 июля каждый содержатель трактирного промысла отчислит в городскую казну по 3000 рублей. Но потом городские уполномоченные решили, что это дорого и снизили налог до 2000 рублей.

Вот ещё пример рачительного ведения хозяйства. 15 февраля 1900 года в городском собрании «... читано прошение воскресенского мещанина Василия Николаевича Рыцарева продать ему старую кузницу, находящуюся на дороге, идущей к реке Истре, принадлежащую городу, ввиду её ветхости, площадью 35 квадратных сажень».

Мещанин Рыцарев в том же прошении сообщает, что согласен взять кузницу в аренду и даже построить на месте старой новую, и обязуется ежегодно платить городу за содержание этой мастерской и земли под ней три рубля [15].

Посоветовавшись, городские уполномоченные постановили продать принадлежащую городу кузницу на снос мещанину Степану Ивановичу Старостину за 10 рублей, а землю площадью 35 квадратных сажень сдать в аренду под постройку новой кузницы, но перед этим выяснить, нужна ли вообще на этом месте кузница городскому хозяйству.

Экономии городской бюджет разными способами. 12 августа 1899 года 12 городских уполномоченных познакомились с отношением господина полицейского надзирателя г. Воскресенска от 29 июля сего года №815му, «... коим он предлагает в виду ограждения общественного порядка и благочиния в г. Воскресенске увеличить число ночных сторожей вместо 3 имеющихся в ночное время до 6 человек.

Справка: В г. Воскресенске имеются 5 человек полицейских служителей для охраны общественного порядка и благочиния. Кроме того, для той же цели город имеет 3 человек ночных сторожей из местных граждан, получающих от города жалованье по 8 рублей в месяц, а за возложенную на них обязанность с осеннего и до весеннего времени зажигать уличные фонари, они получают по 1 рублю в месяц добавочных. И 8 человек считалось до сего времени достаточным для охраны общественного порядка по незначительности количества обывателей города Воскресенска.

Постановили: предложение господина Воскресенского полицейского надзирателя отклонить».

Подписали постановление городской староста Иван Александровский и все бывшие в собрании [19].

28 октября уже 1903 года собрание городских уполномоченных г. Воскресенска (присутствовали 14 человек) рассмотрело новое отношение господина Воскресенского полицейского надзирателя от 7 октября за №1297, который просил «... собрание признать необходимым увеличить штаты Воскресенской полицейской команды двумя полицейскими служащими, сверх существующих по штату 5 таковых вследствие большого стечения богомольцев в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, последовавшего со времени проведения через город железной дороги, и в виду прибытия с этого времени на лето дачников, так как по этой причине деятельность чинов местной полиции сильно увеличилась».

Собрание городских уполномоченных по этому поводу постановило: просьбу г. Воскресенского полицейского надзирателя большинством 8 голосов против 6 оставить без удовлетворения [18].

Также отклонено обращение господина полицейского надзирателя, в котором он просит уважаемое собрание выделить средства – 96 рублей - для перевооружения воскресенских блюстителей порядка на самые современные по меркам тех лет револьверы системы Смита-Вессона, а также пятисот патронов к ним.

Навстречу воскресенским полицейским собрание городских уполномоченных пошло 22 апреля 1902 года. На том собрании присутствовали 12 уполномоченных.

Цитируем по документу: «Городской староста докладывает собранию... что им вследствие отношения господина Звенигородского уездного исправника от 3 сего апреля №552 при отношении от 8 сего же апреля №263 препровождены ему, исправнику, 12 рублей 50 копеек, следуемые на приобретение новых артиллерийских шашек для полицейских служащих г. Воскресенска в виду истечения 10-летнего срока существования старых шашек. Эти расходы отнести городскому старосте на бюджет 1902 года по § XVI ст. 2 (разные расходы)» [12].

То есть, насколько мы понимаем значение этого документа, только ходатайство уездного исправника помогло воскресенским полицейским приобрести новые шашки. Кстати, затем из бюджета г. Воскресенска были выделены средства на покупку новых портупей для ношения этих самых шашек.

Есть ещё два интересных примера экономии бюджетных средств Воскресенска.

24 июня 1903 года читано отношение протоиерея Вознесенской церкви г. Воскресенска №160 на предмет «... обустройства при городском кладбище сторожки с наймом сторожа на церковные средства для охраны надгробных крестов и памятников от повреждения...».

Вместе с тем, как надо понимать из приведённого документа, городским уполномоченным было сообщено, что «... на основании статьи 914 п. XIII, посвящённого устройству кладбищ, таковое устройство должно производится обыкновенными обывателями, а не на церковные средства».

Выслушав эту информацию, городские уполномоченные постановили: «... достаточно будет обнести кладбище слегами, а городскому пастуху вменить в обязанность смотреть, чтобы скот не заходил на кладбище». Также было решено углубить водоотводную канаву, окружающую кладбище, и поставить на входе тесовые ворота. Однако через некоторое время соображения относительно тесовых ворот пересмотрели в пользу каменных, потому как дерево быстро портится в условиях непогоды» [17].

А 19 августа 1904 года на собрании городских уполномоченных «... читано заявление Ивана Фёдоровича Токмакова, поступившее в собрание 29 июля за №294, ходатайствующего об оказании ему содействия в составлении им иллюстрированного историко-статистического и археологического путеводителя по Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге с фотографическими видами города, церковей и учреждений, а также портретов городского старосты, уполномоченных и прочих начальствующих лиц».

Сумма, запрашиваемая господином Токмаковым, в документе не указана. Выслушав заявление, городские уполномоченные постановили ходатайство господина Токмакова за неимением специальных средств оставить без удовлетворения, но предоставить городскому старосте право оказывать господину Токмакову содействие без употребления денежных средств [10].

Зато на пожарных не экономили. 20 марта 1903 года в Собрании «... Читано отношение господина Воскресенского полицейского надзирателя от 3 марта №273 об изготовлении форменной одежды для 3 пожарных служителей Воскресенской пожарной команды, заключающуюся в куртках и шароварах в виду ветхости существующих.

Постановили: поручить городскому старосте изготовить форменную одежду для 3 пожарных служителей, то есть куртки, шаровары и ремни, отнеся расходы на сей предмет в сумме 30 рублей в статью 5 SVI сметы расходов в г. Воскресенске на 1903 год» [11].

Городское собрание внимательно относилось к заявлениям и прошениям воскресенцев. Например, 15 декабря 1899 года рассмотрено заявление о том, что «... от Крестовской улицы проложена водосточная канава, когда-то сообщающаяся и с другими улицами. Год от года канава обваливается, становится шире и глубже. Испорчена водой и тропинка, по которой носят воду из реки между усадьбами Дубкова и Гришина, да так, что невозможно по ней ходить».

Конечно, Собрание принимает решение о незамедлительном исправлении сложившейся ситуации [8].

Были в городе и земельные конфликты, неизменные спутники жизни людей в любой местности. 11 июня 1899 года Собрание городских уполномоченных в составе 14 человек

рассмотрело заявление «...жены Воскресенского мещанина Марии Михайловны Дубковой, поданное городскому старосте 1 июня, о том, что при ремонте принадлежащего ей дома, находящегося позади пожарного сарая и здания городского управления, по недоразумению, будто бы, ею занята в длину одна сажень городской земли (это примерно два метра – прим. ред.).

Вследствие чего, она, Дубкова, просит разрешить ей пользоваться той землёю в виде аренды или же передать таковую землю в полную её собственность за определённую цену...».

Собрание постановило заявление мещанки Дубковой отклонить и занятую сажень земли вернуть в собственность города [20].

15 сентября 1899 года на Собрании городских уполномоченных рассмотрено отношение Московской Губернской Земской Управы от 5 августа 1899 года №4237 коим «...Губернская Земская Управа предложила городскому старосте внести в Собрание городских уполномоченных на обсуждение вопрос о налоге на собак и их владельцев, и равно в виде предосторожности от укушения и заразы бешеных собак, и об организации их ловли».

На том собрании рассматривалось и предложение городского прокурора об устройстве на Волоколамском шоссе подобие заставы, чтобы и там вести учёт владельцев собак и самих животных для последующего взимания налога.

Что же постановило уважаемое собрание? «Имея в виду малочисленность населения в г. Воскресенске и ничтожное количество собак, а с них и налога, а расходы по организации ловли обременительны для города, предложение Московской Губернской Земской Управы считать не достигающим цели в применении его в г. Воскресенске, отклонить» [7].

Действительно, мал был Воскресенск в то время, но жили в нём люди толковые, знающие, как сберечь и преумножить городской бюджет.

Примечания:

«Бебулая церковь» — церковь Вознесения в селе Еремеево, покрашенная в серый цвет бебулой бумаги (это пояснение сделал в своих воспоминаниях племянник Антона Павловича — С. М. Чехов). В большом и бойком на ту пору селе Еремеево, расположенном на тракте Крюково – Воскресенск, обыкновенно останавливались подкрепиться. После постройки Московско-Виндавской (Рижской) дороги село Еремеево потеряло былое значение.

Список использованной литературы и документов:

1. Звенигородская земская управа. Отчёт о ремонте дороги от станции «Крюково» до г. Воскресенска, 26.11.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 11. – Д. 15 – Л. 1.
2. Истринская земля / А. А. Зилов, Г. П. Калужный и др. ; редактор Л. В. Гладков – Москва:

- Энциклопедия сёл и деревень, 2004. – 846 с. – С. 71-72 – (Серия «Энциклопедия сёл и деревень Подмосковья»).
3. Отчёт собрания городских уполномоченных г. Воскресенска за 1899 год. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 14. – Д. 15. – Л. 2.
 4. Письмо Московского губернатора Звенигородской уездной земской управе №3275 о ремонте дороги от станции «Крюково» до Воскресенска, 12.11.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 171. – Л. 1.
 5. Постановление Звенигородской уездной оценочной комиссии о переоценке владений г. Воскресенска 20.06.1908 г. // ЦГАМ, – Ф. 65. – Оп. 18. – Д. 12. – С. 1.
 6. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 11.05.1898 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 2.
 7. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 15.09.1899 г. об отклонении отношения Московской Губернской Земской Управы о введении налога на собак и их владельцев, и отлову бешеных собак // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 1.
 8. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 15.12.1899 г. об исправлении сточной канавы на Крестовской улице // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 1.
 9. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 18.02.1904 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 18. – Д. 15. – Л. 1.
 10. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 19.08.1904 г. об отклонении просьбы господина И. Ф. Токмакова о составлении иллюстрированного путеводителя с фотографическими видами г. Воскресенска // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 18. – Д. 15. – Л. 1.
 11. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 20.03.1903 г. об изготовлении форменной одежды для служителей Воскресенской пожарной команды. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 16. – Д. 15. – Л. 1.
 12. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 22.04.1902 г. о выделении денежных средств на приобретение новых артиллерийских шашек и кожаных портупей к ним за счёт городского бюджета // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 12. – Д. 10. – Л. 1.
 13. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 8.04.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 11. – Л. 2.
 14. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска 8.04.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 11. – Л. 2.
 15. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска о продаже старой городской кузницы на снос 15.02.1900 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 18. – Л. 2.

16. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска о продолжении в 1900 году работы в г. Воскресенске тракторов с продажей крепких спиртных напитков от 15.11.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 11. – Д. 15. – Л. 2.
17. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска об обустройстве городского кладбища от 24.06.1903 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 16. – Д. 15. – С. 1.
18. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска об отклонении отношения господина Воскресенского полицейского надзирателя об увеличении штата Воскресенской полицейской команды от 28.11.1903 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 16. – Д. 15. – Л. 1.
19. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска об отклонении предложения господина полицейского надзирателя г. Воскресенска об увеличении штата ночных сторожей в г. Воскресенске 12.08.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 2.
20. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска об отклонении просьбы жены воскресенского мещанина М. М. Дубковой об отводе ей в собственность одной сажени городской земли от 11.06.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 5. – Л. 1.
21. Постановление собрания городских уполномоченных г. Воскресенска об устройстве городской общественной скотобойни 27.05.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 1.
22. Представление Звенигородской уездной земской управы №2896 на запрос губернатора о состоянии дороги, 23.10.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 17. – Л. 2.
23. Рапорт Московскому губернатору от Звенигородского уездного исправника, 11.10.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 17. – Л. 1.
24. Рапорт Московскому губернатору от Звенигородского уездного исправника, 25.07.1899 г. // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 10. – Д. 15. – Л. 1.
25. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах Чехов, А. П. Письма в 12-ти томах. Т. 1: 1875-1886. — Москва : Наука, 1974. — 582 с.

Список участников 8-й конференции

Модераторы:

Олексюк Светлана Юрьевна, заведующая отделом культурно-просветительской деятельности Истринской центральной библиотеки им. А.П. Чехова

Гундрова Арина Вячеславовна, учёный секретарь Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим»

Воронцова Евгения Александровна, заведующая сектором издательских проектов Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля

Мосалёв Михаил Викторович, заместитель председателя Истринского отделения Московского краеведческого общества, ведущий методист сектора краеведения и мемориальной деятельности Истринской центральной библиотеки им. А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»), член Общественной палаты м.о. Истра Московской области

Участники:

Воронцова Евгения Александровна, заведующая сектором издательских проектов Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля

Аляева Галина Андреевна, заведующая отделом краеведения и туризма КДК «Красногорье»

Лошаков Антон Юрьевич, старший научный сотрудник научно-издательского отдела Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим»

Мамаев Сергей Юрьевич, заместитель директора НОУ «Православная школа «Рождество», руководитель музея «Усадьба «Рождествено», член Истринского отделения МКО

Маслова Вероника Борисовна, член Союза писателей РФ, член Истринского отделения МКО

Осипова Юлия Юрьевна, преподаватель Истринского профессионального колледжа – филиала ГГТУ

Акулёнок Наталья Дмитриевна, основатель клуба-музея-лектория «Объект культуры»

Антипова Татьяна Ивановна, учитель Первомайской СОШ

Гольцев Александр Николаевич, краевед, с. Павловская Слобода, член Истринского отделения МКО

Варцев Александр Сергеевич, краевед, г. Истра

Золотарёва Екатерина Николаевна, ведущий библиотекарь Павло-Слободской библиотеки, член Истринского отделения МКО

Носиков Сергей Павлович, Почётный гражданин г.о. Истра, к.т.н., член Истринского отделения МКО, дипломант конкурса им. М. Пришвина

Косенков Константин Борисович, председатель Комиссии по возрождению культурного наследия, архитектурному облику городов, культуре и развитию народных промыслов Общественной Палаты городского округа Истра Московской области, член Совета по туризму при Администрации городского округа Истра Московской области, эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы

Новиков Валерий Леонидович, краевед-исследователь, член МКО, г. Звенигород

Рожкова Людмила Юрьевна, ведущий методист сектора искусства и редкой книги отдела культурно-просветительской деятельности Истринской центральной библиотеки им. А.П. Чехова, член Истринского отделения МКО

Мосалёв Михаил Викторович, ведущий методист сектора краеведения и мемориальной деятельности Истринской центральной библиотеки имени А.П. Чехова, член Общественной палаты м.о. Истра Московской области, член Истринского отделения МКО

Истринская центральная библиотека имени А. П. Чехова
(МУК «Истринская ЦБС»)
143500, Московская область, г. Истра,
ул. 9 Гвардейской Дивизии, д.49
Телефон 8 (498) 315-19-81.
E-mail: IstraBiblioteka@yandex.ru

ВОСЬМЫЕ ВОСКРЕСЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ
«ВОСКРЕСЕНСК (НА ИСТРЕ)
И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ:
ИСТОРИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ»

Материалы
научно-практической конференции
6 декабря 2024 года

Корректор
Мидриган Р.А.
Верстка
Шумакова О.А.

Подписано в печать 00.09.2025 г. Формат 60х90/16. Печ. л. 5,5
Печать офсетная. Тираж 150 экз. Заказ 2150.

Отпечатано: ИП Копыльцов П.И. 394052, Россия, г. Воронеж,
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56. Тел.: 8 (950) 765 69 59